

Александр Александрович Бушков
Сталин. Красный монарх
Серия «Россия, которой не было», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121678

Сталин. Красный монарх. Хроники великого и ужасного времени: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2011
ISBN 978-5-373-03261-2

Аннотация

Книга А. Бушкова «Красный монарх» – это монументальный историко-документальный труд о жизни И.В. Сталина. Автор провел глубокий анализ более 350 малоизвестных и совсем неизвестных архивных документов. Результатом исследования и явилась книга «Красный монарх», в которой представлен особый взгляд на жизнь и деятельность красного «вождя». Впервые читатели увидят уникальные, ранее нигде не публиковавшиеся материалы, в том числе фотографии, обнаруженные автором.

Содержание

Предисловие	4
Часть первая	8
Глава первая	8
1. Самодурец всероссийский	8
2. Свобода, равенство, братство и доктор Гильотен	24
3. Отдать половину или потерять все?	34
4. Экономика должна быть	39
5. Какое время на дворе – таков мессия...	41
6. Мелкие бесы	44
7. Не то чума, не то веселье на корабле...	60
8. Гром победы, раздавайся, веселися, храбрый росс!	66
9. Корабль на рифы!	72
Глава вторая	77
1. Все благополучно рухнуло...	77
2. Пьяный корабль	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Александр Бушков

Сталин. Красный монарх

Вам не по душе это варварство? Не прогневайтесь – отвечает вам история: чем богата, тем и рада. Это только выводы из всего, что предшествовало.

В. И. Ленин

Предисловие

С самого начала, едва только идея этой книги начала понемногу зарождаться, я решительно отказался от мысли написать очередную *биографию* Сталина. Во-первых, в послевоенные годы уже издано несколько, во-вторых, в этом случае повествование неизбежно пришлось бы загонять в строго определенные рамки.

Меж тем правильнее будет писать не о человеке, а о времени. Известный английский историк и философ Р. Дж. Коллингвуд еще в тридцатые годы прошедшего столетия вывел нехитрую, но убедительную формулу: личность любого мало-мальски значимого исторического деятеля следует рассматривать непременно с учетом времени, в котором он жил и работал, а также конкретных исторических условий.

Все справедливо. Великая и страшная фигура Иосифа Виссарионовича Сталина, как гвоздь в доску, вбита в великое и страшное двадцатое столетие. Без этого столетия не было бы и Сталина – а без Сталина столетие наверняка стало бы другим, совершенно не похожим на оставшееся за нашими плечами...

Девятнадцатый век был *скучен*. Строго говоря, он начался лишь в 1815 г., когда, с окончательным разгромом Наполеона, пришел конец страстям, людям и идеям века восемнадцатого. Ну, конечно же, на протяжении девятнадцатого столетия хватало и войн, и революций, и интриг – но все это нисколько не сотрясало неких *основ*. Войны велись, можно смело сказать, как-то привычно: как сто раз прежде бухали пушки, неслась в атаку кавалерия и палила пехота, генералы картинно манипулировали шпагами, а маршалы – жезлами. Но результаты этих баталий были обыденны до зевоты: максимум, которого удавалось добиться – одна держава отхватывала у другой кусочек территории. А иногда и до этого не доходило.

Революции опять-таки не сотрясали основ, хотя их творцам сплошь и рядом именно этого и хотелось. Строго говоря, они даже не заслуживают названия «революций» – всего-навсего бунты, мятежи, заварушки, кончавшиеся одинаково: какое-то время на улицах восторженно витийствует мятежная толпа, громоздя баррикады и вздергивая на фонари повернувшихся под руку сановников, но потом обязательно появляются правительственные войска и сметают все картечью к чертовой матери. Причем, как сплошь и рядом случалось (то в Париже, то в Вене, то в других местах) пресловутая «революция» так и не успевала охватить всю страну и сводилась к бунту столичной черни.

Все переменилось в двадцатом столетии – быть может, справедливо будет отсчитывать его с августа 1914 г., с начала первой мировой войны, ведь и она сама нисколько не походила на все прежние, так что вполне можно считать ее неким символическим рубежом, ничего общего не имеющим с чисто хронологическими датами.

Все переменилось, все! Рухнули просуществовавшие сотни лет империи, появилось множество новых, независимых государств (существование которых ранее представить было нельзя). Прахом рассыпались традиции, иерархии, установления, уже не годился ни прежний опыт, ни прежние родословные, ни прежние теоретики... Только на окраинах

Европы, во флегматичной Швеции, скажем, да в чистенькой бедноватой Швейцарии жизнь катилась по инерции, без катаклизмов или хотя бы потрясений. Всех остальных *трясло*.

Это было время невиданных, причудливых карьер – и столь же поразительных падений из князей в грязь. Композиторы становились президентами, сугубо штатские люди – маршалами, ефрейторы – партийными вождями, короли – изгнанниками, графини – проститутками. И самое главное: пертурбации эти приняли массовый характер. Случалось и в прошлые века, что деревенские замарашки выбивались в императрицы, а провинциальные мошенники – в графья. Но, повторяю, тогда речь не шла о повсеместном сотрясении *основ*...

Люди первой половины двадцатого столетия, вне зависимости от политических пристрастий, страны обитания и пола, жили гораздо ярче и фееричнее, что ли, чем их предки, а также потомки. Даже довольно бездарные субъекты, наделенные, однако, особой хваткой или проворством, взлетали поразительно высоко – хотя и *рушились* частенько опять-таки в феерическом сиянии и с оглушительным грохотом...

Именно это непредсказуемое, бунтарское время попыток осчастливить на свой лад человечество – все человечество, ни больше и ни меньше! – и *подняло* на капитанский мостик одного из кораблей Сталина. Ну, а потом уже Сталин принялся переделывать, перекорректировать, перебарывать это время, почти не зная ни колебаний, ни отдыха – а с некоторых пор совершенно не зная и жалости. Он менялся со временем – и менял время, пока был в состоянии это делать. И в конце концов над планетой поднялась тень Красного монарха. Быть может, самого могущественного, жуткого и великого императора за всю историю планеты Земля.

Автор не ставит перед собой задачу ни «реабилитировать», ни «восхвалять» Иосифа Виссарионовича Сталина, красного императора. У этой книги другая цель: насколько это возможно, восстановить реальную историю, понять мотивы и объяснить поступки Сталина без примитивных клише, когда используются лишь черная и белая краска.

Нашей реальной истории после семнадцатого года катастрофически не везло. Сначала ее искромсали при Сталине, подчиняясь сиюминутным требованиям текущей политики – когда из жизни, из памяти, из учебников исчезали не только весьма заметные люди, но и события немалых масштабов. Потом, при Хрущеве, историю доверили писать людям, пострадавшим при Сталине и всерьез на него обиженным, – нетрудно представить, что из этого вышло. И, наконец, во времена не к ночи будь помянутой «перестройки» к делу подключилась советская интеллигенция – горластая и невежественная, напроць лишенная не только умения мыслить логически, но и мыслить вообще, способная лишь на выражение примитивных эмоций и не знающая иных красок, кроме черной и белой. Период ее владычества над умами оказался кратковременным, но все же за эти несколько лет в массовое сознание успели внедриться как вульгарнейший, примитивный метод познания истории, ничего общего не имеющий с объективным изучением прошлого, так и множество мифов – сплошь и рядом совершенно бредовых, но до сих пор кое-кем почитаемых за истину.

Например, великое множество людей в том числе и с высшим образованием, до сих пор свято верят, будто в семнадцатом году «большевики разложили армию, издав пресловутый „приказ № 1“». Другие искренне убеждены, что большевиков была «кучка» – и именно эта кучка каким-то мистическим образом сумела совратить с пути истинного богатую, сытую и благополучную Российскую империю. Третьи...

Но не будем забегать вперед. Эта книга для того в первую очередь и написана, чтобы на основании строгих фактов, сплошь и рядом укрытых в малотиражных, а то и в напроць забытых изданиях, развеять устоявшиеся мифы. Охотно верю, что при этом будет оттоптана не одна любимая мозоль, а иные иллюзии – развеяны самым беззастенчивым образом, не говоря уже о шумных выражениях недовольства со стороны тех, кто привык воспринимать нашу весьма непростую историю на уровне мультиков.

Ну, что поделаться... Историческая справедливость заключается не в том, чтобы «возвеличивать» одних и «низвергать» других. И не в том, чтобы почивать на уютной перинке развлекательных мифов. По сути, история – это огромная бухгалтерская книга, только вместо граф «дебет» и «кредит» в ней опять-таки *два* раздела: «было» и «не было». Если что-то *произошло*, оно непременно должно быть занесено в эту книгу. Если чего-то не было – это опять-таки требует занесения в соответствующий раздел – точнее, прочерка в таковом.

Конечно, это упрощенный подход. История все-таки не укладывается в «дебет-кредит». Изучая историю, нам не обойтись без оценок. Вот только эти оценки непременно должны быть основаны на тщательном изучении времени и людей, на трезвом подходе и правилах логического мышления. К сожалению, слишком часто правят бал эмоции, основанные даже не на политических пристрастиях, а на откровенном невежестве...

Итак, мы будем говорить *о времени* – непростом, жестоком и тяжелом. И время это такое, что, повествуя о нем, то и дело разговор в сущности придется вести о Сталине, даже в тех случаях, когда его имя не будет упоминаться вовсе.

Потому что они неразделимы – это шальное, путаное время и прямой, как рельс, целеустремленный Сталин...

Отлично написал об объективности Лев Троцкий «в истории русской революции»: «Серьезному и критическому читателю нужно не вероломное беспристрастие, которое преподносит ему кубок примирения с хорошо отстоявшимся ядом реакционной ненависти на дне, а научная добросовестность, которая для своих симпатий и антипатий, открытых, незамаскированных, ищет опоры в честном изучении фактов, в установлении их действительной связи, в обнаружении закономерности движения. Это есть единственно возможный исторический объективизм, и притом вполне достаточный, ибо он проверяется и удостоверяется не добрыми намерениями историка, за которое к тому же тот сам и ручается, а обнаруженной им закономерностью самого исторического процесса».

Увы, сам Троцкий, поддаваясь чисто человеческим эмоциям, частенько отступал от им же сформулированных методов, но, в конце концов, он был далеко не первым и не последним, кто так поступал, и это ничуть не обесценивает предложенную им методику.

Крайностей следует избегать. Их, как и полагается, две. Иные поклонники Сталина склонны понимать чересчур уж буквально все, что было при нем провозглашено и объявлено, – верят, например, что Тухачевский с компанией и в самом деле были германскими шпионами и наймитами мирового империализма. Меж тем, не так все просто, – свою пулю Тухачевский безусловно заслужил, но истина глубже и сложнее...

Антисталинисты, как они себя именуют, наоборот, видят решительно за всеми поступками Сталина примитивно понимаемую «жажду власти» – и подгоняют под эту глубоко ошибочную версию абсолютно все слова и дела вождя. Что нимало не способствует поиску истины.

Доходит до смешного. Даже у Б. Соколова, автора серьезного, эрудированного и не склонного к примитивным формулировкам, можно прочесть в «Сталине»: «Но почестей на родине диктатору было мало. Он мечтал о времени, когда все народы Земли назовут его своим учителем и кормчим».

Взявшись публиковать такие пассажи, поневоле выставляешь себя на осмеяние. Любопытно, каким это чудом Соколову, в жизни со Сталиным не общавшемуся, удалось проникнуть в его мечты, то есть *мысли*? С помощью некоей волшебной аппаратуры, полученной от дружественно настроенных пришельцев с Тау Кита, или посредством спиритического блюдечка? Единственным достоверным свидетельством в таких случаях были бы воспоминания кого-то чертовски к Сталину близкого, с кем вождь делился самыми заветными мыслями и даже мечтами. Ну, скажем Молотова: «Помню, как сейчас, что Сталин мне говорил не

однажды под цинандали: „Ах, Вячеслав, порой я мечтаю, чтобы все народы Земли называли меня своим учителем и кормчим...“».

Но ведь нет *подобных* воспоминаний! Чьих бы то ни было. О чем бы Сталин ни мечтал, эти мечты умерли вместе с ним. А значит, научная добросовестность требует не разбрасываться голословными утверждениями вроде: «Сталин мечтал...», «Сталин думал...»

А ведь Соколов – еще из лучших! То, что писали и пишут *худшие*, я вообще не берусь цитировать, поскольку это не имеет никакого отношения к реальности. И не оригинально ни в коей степени – еще во времена Наполеона находились «обличители», которые уверяли, будто Бонапарт оттого пустился завоевывать Европу, что из-за своего маленького роста испытывал комплекс неполноценности перед женщинами и отчаянно искал способов как-то самоутвердиться в других областях жизни.

Стоит заметить, что перед женщинами Наполеон в жизни не комплексовал и с завидным постоянством затаскивал в постель редкостных красоток (то, что иные ему потом наставляли рога, никакого отношения к его маленькому росту не имеет, а касается лишь непостижимой женской души).

Но мы, кажется, отвлеклись? Приступим.

Предупреждаю заранее: в этой книге читатель встретит массу цитат, порой весьма обширных. К исполнению своего замысла автор отнесся так добросовестно, что обещает еще и статистические таблицы. Что поделать, читателя я привык уважать. Эта книга рассчитана на читателя думающего, серьезного, и слишком серьезным делам и людям она посвящена, а поэтому некоторой наукообразности избежать невозможно. Хотя иные ревнители академизма наверняка снова станут бубнить о «поверхностно-залихватском» толковании истории, как соизволил оценить мои скромные труды один пишущий господин (в отместку это его я цитирую много и обширно в одной из последних книг).

Итак...

Часть первая Корабль без капитана

Глава первая Россия, потерявшая Россию

1. Самодурец всероссийский

Трудами иных деятелей культуры – среди пишущей братии в этом особенно преуспели Солоухин и Говорухин – в массовое сознание оказался успешно и надежно вбит образ царской России, прямо-таки как две капли воды похожей на сказочную страну Кокейн из саксонской мифологии: край всеобщего благоденствия с молочными реками в кисельных берегах и жареными перепелами, порхающими над головой в ожидании, когда обитателю сказочного царства захочется перекусить.

Мифология эта обширна и многостороння. Распространению ее способствуют и распеваемые с ностальгическим придыханием романсы:

– Гимназистки румяные,
от мороза чуть пьяные,
грациозно сметают рыхлый снег с каблучка...

И стихи Виктора Пеленягрэ об упоительных российских вечерах, где свалены в кучу все атрибуты сладкой жизни – и хруст французской булки, и что-то там еще...

И печатные сетования на большевиков, разрушивших страну, где «все было»: и свежие омары на витринах Елисеева, и фиалки прямиком из Пармы, и розовая ветчина, и сыр со слезой.

И задешево купленная мною антикварная открытка, где в 1912 г. некая Лиля не принужденно сообщает подруге Оле, что «провела две недели в имении у N».

Возражать трудно, все это и в самом деле было – и омары во льду, и воздушные пирожные, и юные гимназистки, и мягкие рессоры ландо... Вот только эта беспечная и сытая жизнь – с гимназистками и влюбленными в них юнкерами, с ветчиной на столе и хрустом французской булки – охватывала, прошу не забывать, не более *пятнадцати* процентов населения Российской империи. Остальные восемьдесят пять – это *нищета*. Вечно голодные крестьяне, которые почитали лакомством даже не французскую булку, а черный, без примесей, хлеб. Которые не жили, а мучительно выживали, от урожая до неурожая. И неважно, о славянах идет ли речь, или о жителях Средней Азии и Кавказа. Последним приходилось еще хуже – над ними, кроме царской администрации, сидели еще местные князьки с беками...

Но, увы, далеко не все, кто ностальгически вздыхает о «России, которую мы потеряли», задумывается всерьез, *какое* место занимали его предки в той потерянной России...

Давненько уж тому, во времена угара перестройки, мне пришлось на Урале крепко поспорить с местным активистом какой-то там демократической шараги, полковником Советской Армии в отставке, башкиром по национальности. Когда логические аргументы были исчерпаны, экс-полковник в бессильной ярости завопил: «Да при царе я бы вас на дуэль вызвал!»

Естественно, я тут же поинтересовался его родословной. Моментально выяснилось, что по отцовской и по материнской линии этот демократ (антисоветчик, конечно!) происходит из самых что ни на есть голодранцев, неграмотных и сирых, пасших стада местного бая или как он там называется...

Я прояснил свои, казенно говоря, корни. По материнской линии прадед был дворянином (правда безземельным, хоть и древностью рода гордым, в Литве таких предостаточно) и, более того, немаленьким чиновником путей сообщения, начальником вагонного депо, штатским полковником. По отцовской линии заставший революцию прадед – купчина и делец, классический сибирский ухарь: не миллионщик, конечно, но хваткий – тут вам и табуны, и торговые караваны в Китай, и подпольная скупка золотишка, и кое-какие шалости на таежных дорогах, о которых в приличном обществе не поминают.

И я никак не мог втолковать эмоциональному полковнику, что это Советской власти он обязан и погонями, и всем прочим. Что «при царе» мы с ним обитали бы в разных измерениях – какая там дуэль! Какая может быть дуэль между неграмотным башкирским пастушонком и человеком с подобными ветвями родословия?!

Логические аргументы на него, конечно, не действовали, как на всякого перестройщика и демократа. Ведь талдычил, что и при царе у него, мол, был шанс... Он не желал понимать, что шансов у меня при подобном раскладе было бы в тысячу раз больше, чем у сопливого пастуха-инородца.

Поэтому рискну дать мягкий, ненавязчивый совет всем, кто вслед за Говорухиным вздыхает по «Утраченной России» и проклинает злодеев-большевиков: достоверно выясните сначала, какое место в обществе занимали ваши прабабушки и прадедушки к семнадцатому году. Иначе может получиться неловко...

Ну, что же, давайте о революции. Решительно непонятно: если все в России обстояло так прекрасно, если подавляющее большинство жило безбедно, что же за паранойя охватила народы империи, заставив их своими руками разрушить столь процветающую, сытую и благополучную страну?

Особо подчеркну, что варианты «кучки» большевиков, равно как и «кучки» жидомасонов в качестве объяснения не годятся: ведь получается тогда, что сто пятьдесят миллионов человек – сытых! благополучных! всем довольных! – были совершенно безумны, если бездумно двинулись за кучкой кого бы то ни было?!

А что, если никакого всеобщего благоденствия и не было? Выслушаем несколько мнений о причинах революционных взрывов – и в нашей стране, и, так сказать, «вообще».

Английский писатель Паркинсон, автор знаменитого «Закона Паркинсона», однажды мимоходом высказался о причинах краха российской монархии так: «Любую революцию порождает само правительство, оно создает вакуум, куда бунтари засасываются, можно сказать, против воли... Империи рушатся потому, что гниют изнутри, а правители, на чьем счету нет никаких конкретных преступлений, приводят свой народ к катастрофе всем, чего они не удосужились сделать. А подлинные лидеры правят мощно, ярко, ведут за собой народ к четко поставленной цели. Когда этого нет, как, скажем, в царской России, возникает вакуум... Нас ввели в заблуждение историки: если верить им, революции совершали голодные крестьяне, замыслив бунт против своих хозяев. Так ли это? Люди, которые по-настоящему угнетены, никогда не поднимутся на бунт, и, если бы революции вырастали из народного недовольства, они случались бы гораздо раньше, когда дела обстояли еще хуже. Но в том-то и дело, что тираны процветают, а кресла трещат под их преемниками, у которых вроде бы самые благие намерения».

Ценное наблюдение, поскольку формирует очень важный закон революций: для всеобщего бунта мало всеобщей бедности. Нужно еще, чтобы полностью сгнила верховная власть...

В самом деле, вот пример: в Англии процветал тиран Генрих Восьмой, который повесил семьдесят две тысячи бродяг, истребил тысячи аристократов, в том числе и парочку собственных жен, ради мануфактур практически согнал с земли крестьянство, *отменил* католическую религию и заменил ее новой верой собственного изобретения с самим собою во главе. А на плаху впоследствии угодил слабый и бесцветный Карл Первый, который никого не казнил – он попросту *не умел* толково управлять, ни хорошо, ни плохо. Во Франции более полувека благоденствовал теоретик абсолютизма Людовик Четырнадцатый, доведя страну до полного истощения войнами и расточительностью двора – но головы лишился не он, а его никчемный потомок Людовик Шестнадцатый. В России не зафиксировано ни одного серьезного покушения на Ивана Грозного, Петра Первого и Николая Первого – да и в других державах дело обстояло примерно так же с *их* сатрапами и просто жесткими правителями...

Посмотрим, что говорили о революции не писатели, а серьезные, практические политики – например, «железный канцлер» Отто Бисмарк фон Шенхаузен, создатель Германской империи, победитель и в войнах, и в политике, и в дипломатии:

«Сила революционеров не в идеях их вождей, а в обещании удовлетворить хотя бы небольшую долю умеренных требований, своевременно не реализованных существующей властью».

К мнению Бисмарка вплотную примыкает мнение видного государственного деятеля С. Ю. Витте: «Все революции происходят оттого, что правительства вовремя не удовлетворяют назревшие народные потребности. Они происходят потому, что правительства остаются глухи к народным нуждам».

Поинтересуемся мнением вдвойне компетентных людей – тех, кто *сделал* революцию в России.

А. Ф. Керенский: «...Россия опоздала со своевременным переворотом сверху (о котором так много говорили и к которому так много готовились), опоздала предотвратить стихийный взрыв государства, не царизма, а именно всего государственного механизма. И нам всем вместе – демократии и буржуазии – пришлось наспех, среди дьявольского урагана страны и анархии налаживать кой-какой самый первобытный аппарат власти».

Сталин: «Октябрьская революция имела перед собой таких сравнительно легко преодолимых врагов, как более или менее слабую русскую буржуазию, окончательно деморализованный крестьянскими бунтами класс помещиков и совершенно обанкротившиеся в ходе войны соглашательские партии (партии меньшевиков и эсеров)».

Это сказано, правда, про Октябрь – но если вычеркнуть упоминание об «обанкротившихся партиях», то высказывание вполне применимо и к Февралю...

И, наконец, Троцкий: «Революция возникает, когда все антагонизмы общества доходят до высшего напряжения».

Вообще я бы рекомендовал людям *думающим*, а не проливающим слезу над говорухинскими лубками, прочитать от корки до корки «Историю русской революции» Троцкого. Многое можно уяснить и понять. Строго говоря, Троцких было *два* – ранний, если можно так выразиться, и поздний. Ранний – один из вождей успешно проведенной в огромной стране революции, один из организаторов и руководителей армии, выигравшей долгую и жуткую гражданскую войну. Все, что написано *этим* Троцким, стоит изучать самым внимательным образом. Не интересен и жалок поздний Троцкий – последовательно проигрывавший все, что можно было проиграть, скитавшийся по заграницам и уныло зудевший, что неправильно все происходит в Советском Союзе, потому что происходит оно под главенством не его, Троцкого, а Сталина. И даже смерть ему выпала какая-то нелепая – не вороненый маузер в него разрядили и не изящный стилет вогнали под пятое ребро, а треснули ледорубом по голове. Хорошо, хоть не кочергой...

Давным-давно во всем мире существует жесткое правило: при аварии на заводе спрос, в первую очередь, с директора. Если в воинской части царят бардак и развал, спрашивают с командира. Если на рифы налетел корабль, начнут с капитана.

А что за капитан двадцать три года отирался у штурвала корабля, именуемого Российской империей?

Прежде всего, его *вообще* не готовили к столь ответственному посту. Александр III, отец цесаревича Николая, умер внезапно и безвременно, в сорок девять лет (написал и холодком обдало: мой ровесник...). Смерти этой никто не ждал, император был прямо-таки былинным русским богатырем, из тех, что гнут подковы и сворачивают в трубочку серебряные рубли. Не зря после знаменитого крушения царского поезда без малейших усилий со стороны тогдашних пиарщиков в народе пошла гулять легенда, что государь-батюшка «свое-ручно» поднял крышу вагона, обрушившуюся было внутрь, да так и держал в одиночку, пока не вытащили наружу всех...

Александр умер, когда этого никто не ждал, и наследника попросту не готовили. Цесаревич занимался главным образом тем, что кушал шампанское и устраивал групповушки с балеринами.

Вообще-то, неподготовленность сама по себе ни о чем еще не говорит. Николая I тоже абсолютно не готовили к роли императора огромной державы – он до последнего момента не предполагал, что будет царствовать. И на трон он взошел, будучи лишь на три года старше Николая II – в двадцать девять.

Однако прадед и правнук – как небо и земля. Николай I, не обученный и не подготовленный к столь высокому посту, тем не менее с первых же часов проявил железную волю, сметя картечью декабристскую свору. И правил потом почти тридцать лет, подобрав неплохую команду исполнителей – что в дипломатии, что в финансах. Тридцать лет без потрясений, без провалов – это заставляет уважать. Правда, в самом конце его царствования грянула печальной памяти Крымская война, но это уже тема отдельного разговора. Гораздо важнее, что неудачная для России Крымская кампания так и не привела к потрясению основ, вовсе не оказалась дорогой к пропасти...

Николай II был бездарностью поразительной.

Временами на ум приходят и более жесткие эпитеты. Вот, например, узнаешь подлинные причины знаменитого покушения на него в Японии, когда его величество, будучи еще цесаревичем, путешествовал для расширения кругозора. Я много лет не мог доискаться ответа на несложный, в общем-то, вопрос: с какой это стати японский полицейский (следовательно, человек не случайный, а отобранный для серьезной службы с истинно японским тщанием) вдруг ни с того ни с сего попытался рубануть знатного иностранного гостя саблей по голове? Меж Россией и Японией в те времена еще не существовало ни малейших трений. Японцы – народ гостеприимный и уравновешенный... Сумасшедший он был, что ли? Солнцем голову напекло или белая горячка подстерегла?

Так вот – ничего подобного. Только в этом году удалось наконец-то докопаться до истинных причин, о которых почему-то умалчивали даже в советские времена, когда, казалось бы, сам бог велел...

Хотите знать, что там случилось? Да просто-напросто цесаревич Николай и его спутник принц Георг Греческий, изрядно поддавши, забрели в синтоистский храм и там, идиотски хихикая, начали колотить тросточками по священным для синтоистов храмовым колоколам. Пошли разговоры, люди возмутились, вот полицейский и не выдержал...

Вряд ли стоит его винить. Попробуйте представить, какую бы реакцию вызвало в том же году в России поведение двух иностранцев, которые, забредя пьяненькими в православный храм, начали бы с гоготом стучать тростями по лампадам... Могли бы и на месте затоптать, опоздай полиция вмешаться.

И это вовсе не «грешок молодости». В этом – весь Николай, по уму и задаткам с грехом пополам подходивший на роль полковника или начальника департамента, но совершенно не способный мало-мальски толково управлять Россией. Сохранилось убийственное по сарказму высказывание генерала Драгомирова: «Сидеть на престоле годен, но стоять во главе России не способен». Министр иностранных дел Н. П. Дурново (кстати, в своей обширной докладной записке предсказавший революцию задолго до семнадцатого года) считал, что Николай «обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства» – а это, согласитесь, маловато для человека, стоящего у руля огромной империи. Не менее категоричен известный юрист Кони: «Его взгляд на себя, как на провиденциального помазанника божия, вызывал в нем подчас приливы такой самоуверенности, что ставились им в ничто все советы и предостережения тех немногих честных людей, которые еще обнаруживались в его окружении... Трусость и предательство прошли красной нитью через всю его жизнь, через все его царствование, и в этом, а не в недостатке ума и воли, надо искать некоторые из причин того, чем закончилось для него и то, и другое... Отсутствие сердца и связанное с этим отсутствие чувства собственного достоинства, в результате которого он среди унижений и несчастья всех близко окружающих продолжает влачить свою жалкую жизнь, не сумев погибнуть с честью».

Это написано за год до стрельбы в подвале дома Ипатьева. Могут возразить, что Кони, собственно говоря, с Николаем общался мало, если общался вовсе, и знает его плохо, поверив на слово клевете и наветам...

Что ж, вот свидетельства тех, кто как раз находился при Николае достаточно долго и имел возможность хорошо узнать личность самодержца.

Министр внутренних дел Святополк-Мирский: «Царю нельзя верить, ибо то, что он сегодня одобряет, завтра от этого отказывается». Это было сказано в разговоре с С. Ю. Витте. Тот же Святополк-Мирский считал, что «все приключившиеся несчастья основаны на характере государя».

Министр внутренних дел И. Л. Горемыкин, предшественник Мирского, предупредил, передавая ему дела: «Помните одно: никогда ему не верьте, это самый фальшивый человек, какой есть на свете».

А впрочем, Николай и сам признавался: «Я всегда во всем со всеми соглашаюсь, а потом делаю по-своему».

Генерал А. А. Мосолов, начальник канцелярии министерства двора в 1900–1917 гг.: «Он увольнял лиц, долго при нем служивших, с необычайной легкостью. Достаточно было, чтобы начали клеветать, даже не приводя никаких фактических данных, чтобы он согласился на увольнение такого лица. Царь никогда не стремился сам установить, кто прав, кто виноват, где истина, а где навет... Менее всего склонен был царь защищать кого-нибудь из своих приближенных или устанавливать, вследствие каких мотивов клевета была доведена до его, царя, сведения».

Между прочим, Святополк-Мирский, в полном соответствии с предупреждениями Горемыкина, стал жертвой очередной подлой выходки Николая. В 1905 г. царь разрешил Мирскому вести переговоры с лидерами земского движения и сказал, что согласен на проведение ими своего съезда... но уже во время этого разговора готовил проект рескрипта об отставке министра за «уступчивость» в переговорах с оппозицией.

«Убожество мысли и болезненность души» – это слова Дурново.

«Ничтожный, а потому бесчувственный император. Громкие фразы, честность и благородство существуют только напоказ, так сказать, для царских выходов, а внутри души мелкое коварство, ребяческая хитрость, пугливая лживость», – это Витте.

Генерал Врангель (тот самый): «Царь ни точно очерченных пороков, ни ясно определенных качеств не имел. Он был безразличен. Он ничего и никого не любил».

Здесь, разумеется, самое время вступить протестующему хору фанатов Николая: как же так, «никого не любил»?! Не забывайте, что Николай Александрович и женился-то по страстной любви!

Совершенно верно, Николай женился по страстной любви.

В чем и заключается его первое предательство интересов России.

Здесь нет и тени преувеличения. Проблема эта уже давным-давно исследована теоретиками монархической идеи с самых разных сторон: самодержец, кроме огромных, ничем и никем, кроме Бога, не стесненных прав, обладает добровольно возложенными на себя обязанностями. Одна из таких обязанностей – забыть о том, что монарх может, подобно обычному человеку, жениться по любви. Не может. Не имеет права. Брак монарха должен, в первую очередь, преследовать две цели:

а) политические выгоды в дальнейшем;

б) обеспечение здорового потомства.

Это главное. На чувства монарх не имеет права. И случаев, когда это железное правило строго соблюдалось, предостаточно в царствующих домах Европы. Отказ от чувства – это и есть та цена, которую платит монарх за свою самодержавную власть.

Николай женился по любви, и на российском престоле оказалась недалекая истеричка с дипломом доктора философии, со страшной болезнью в генах – гемофилией (несвертываемость крови). Уже в те времена медики обладали достаточными знаниями о наследственных болезнях, в частности, о том, что гемофилия передается детям мужского пола.

Последствия известны. Родился неизлечимо больной наследник. Легко представить, как это повлияло на психическое состояние царственной четы, и без того не блиставшей интеллектом и уравновешенностью. При дворе замаячила череда сменявших друг друга шарлатанов – «магнетизеры», «целители», «святые старцы». В конце концов появился Григорий Распутин (фигура, впрочем, весьма неоднозначная)...

Если бы только у царя хватило ума ни во что не вмешиваться, стоять в сторонке и допустить к рулю людей дельных, толковых, способных провести корабль мимо рифов!

В мировой истории не единожды встречались ситуации, которые братья Стругацкие охарактеризовали как «могучий ум при слабом государе». Примеров множество. Самый, пожалуй, яркий – это многолетнее правление кардинала Ришелье во времена Людовика XIII. Сам король не мог похвастаться особенным умом и волей, а уж деловыми способностями не блистал вовсе – но он прекрасно понимал, что Ришелье *тянет* страну. И не поддавался ни на какие уговоры отстранить кардинала от дел. Недолгобливал, но не сдавал.

А вот Николай решительно избавлялся от всех выдающихся министров – от Витте, и от многих других. Упоминавшееся выше отсутствие смелости привело к тому, что у царя вошло в обычай отрываться от министров довольно-таки подленьким способом: вызвав того или иного сановника, поговорив о текущих делах, Николай отпускал его, заверяя в своей полной благосклонности, – но в соседней комнате уже лежал подписанный высочайший приказ об отставке, с которым на завтра являлся фельдъегерь (его величество был слишком деликатен и тонок, чтобы объявлять отставку лично...)

Свою лепту вносила и Алиса Гессенская, стараясь отстранить от должности всех мало-мальски *крупных* государственных деятелей и проталкивая к трону откровенные ничтожества.

«Он смотрел на своих министров как на обыкновенных приказчиков», – вспоминает очевидец. Назначая министром Коковцева, царь спросил прямо: «Надеюсь, вы не будете заслонять меня так, как это делал Столыпин?»

Наглядный пример. Морской министр Бирюлев, прочтя рапорт одного из своих подчиненных, просившего выписать из Франции для подводных лодок некоторое количество

свечей зажигания, недрогнувшей рукой вывел резолюцию: «Достаточно будет пары фунтов обычных стеариновых».

Этот человек руководил военно-морским флотом империи... Но кого интересовали его профессиональные качества, если он отличался собачьей преданностью царственной чете? Самое печальное, что подобное продолжалось и в разгар первой мировой. Когда Николай назначил летом 1915 г. военным министром генерала Поливанова, Алиса буквально *задолбала* муженька (другого слова и не подберешь) возражениями и в конце концов своего доби-лась: Поливанов был снят, назначен Шуваев, всю жизнь прослуживший... в интендантстве! Зато верен был, как собака...

В последние два года царствования Николая и премьер-министров фактически назна-чала императрица. Времена стояли сложнейшие и тяжелейшие, страна откровенно катилась под откос, все разваливалось. Кто же становился избранниками ее величества?

Восьмидесятилетний Горемыкин, пребывавший в откровенном старческом маразме. Штюрмер, личность совершенно бесцветная и не пользовавшаяся никаким авторитетом где бы то ни было. Последним премьером империи стал семидесятилетний князь Голицын, заве-довавший ранее благотворительными учреждениями царицы. Когда друзья спросили ста-ричка, зачем он принял столь хлопотливый пост, тот, мечтательно улыбаясь, прошамкал: «Чтобы было одним приятным воспоминанием больше!».

Приятных воспоминаний не оказалось. При первых известиях о февральских беспо-рядках в Петербурге Голицын с чувством выполненного долга подал в отставку и отвечал по телефону встревоженным сановникам и генералам, чтобы его больше не беспокоили...

Что творится со страной и что представляет собой царственная чета, видели все. При-чем задолго до Февраля. Безусловно, стоит привести обширные выдержки из дневника про-фессора Б. В. Никольского. Профессор римского права, он преподавал не только в Юрьев-ском и Петербургском университетах, но и в элитарном училище правоведения. Не либерал, не демократ, наоборот, один из ярых и активных монархистов и руководителей «Союза рус-ского народа».

«Неверность его ужасна (это Никольский пишет в 1905 г., вскоре после того как побы-вал на аудиенции у Николая). Он, при всем самообладании и привычке, не делает ни одного спокойного движения, ни одного спокойного жеста... Когда говорит, то выбирает расплыв-чатые, неточные слова и с большим трудом, нервно запинаясь, как-то выжимая из себя слова всем корпусом, головой, плечами, руками, даже переступая... Точно какая-то непосильная ноша легла на хилого работника, и он неуверенно, шатко ее несет...

...Я думаю, что царя органически нельзя вразумить. Он хуже, чем бездарен! Он – про-сти меня Боже – полное ничтожество...

...Мне дело ясно. Несчастный вырождающийся царь с его ничтожным, мелким и жал-ким характером, совершенно глупый и безвольный, не ведая, что творит, губит Россию...

...Конечно, если бы я верил в чудеса, и в возможность вразумить глупого, бездарного, невежественного и жалкого человека, то я предложил бы пожертвовать одним-двумя чле-нами династии, чтобы спасти ее целостность и наше отечество. Повесить, например, Алексея и Владимира Александровичей, Ламздорфа и Витте, запретить по закону великим князьям когда-либо занимать ответственные посты... Еще если бы можно было надеяться на его само-убийство – это все-таки было бы шансом. Но где ему!»

Как видим, дела и в самом деле невероятно плохи, если один из идеологов монархизма и «черной сотни» всерьез размышляет наедине с самим собой о том, что неплохо было бы повесить парочку великих князей...

Чуть позже мы познакомимся именно с этой парочкой и поймем, за что Никольский желал бы видеть их на эшафоте. А пока отрывок из дневника еще одного монархиста, кон-серватора и черносотенца М. О. Меньшикова, написанного уже после революции:

«...не мы, монархисты, изменники ему, а он нам. Можно ли быть верным взаимному обязательству, которое разорвано одной стороной? Можно ли признавать царя и наследника, которые при первом намеке на свержение сами отказываются от трона? Престол есть главный пост государственный, высочайшая стража у главной святыни народной – народного величия... Тот, кто с таким малодушием отказывается от власти, конечно, недостойн ее.

...При жизни Николая II я не чувствовал к нему никакого уважения и нередко ощущал жгучую ненависть за его непостижимо глупые, вытекающие из упрямства и мелкого самодурства решения. Ничтожный был человек в смысле хозяина. Но все-таки жаль несчастного, глубоко несчастного человека: более трагической фигуры „человека не на месте“ я не знаю...»

Дневник одного из профессоров Московской духовной академии, запись от 23 марта 1917 г.: «Тысячи революционеров не уронили так самодержавие, монархию, трон и династию Романовых, как это сделала эта германка со своим гнусным Распутиным, со своим германизмом, со своей гнусной хлыстовщиной, со своей отчужденностью от России и чуть ли не изменами в пользу Германии, отчужденностью даже от всех членов царского дома и чуть ли не с манией величия. А царь повредил себе и монархии безволием, ленью, беспечностью, пристрастием к вину (по-видимому), тугодумным подчинением своей обер-кликуше, неумением управлять, нежеланием, хотя бы на время войны, составить кабинет по образу конституции. Жалкие люди, и жалка теперь, да и прежде, семья, несчастная семья! Нравственно, умственно и культурно обе главы семьи упали еще раньше переворота и окончательного падения».

Насчет «измен в пользу Германии» – конечно же, преувеличение. Остались любопытные воспоминания о том, насколько далеко заходило порой помрачение умов в «образцовом обществе»: однажды офицеры Генерального штаба *всерьез* обсуждали сплетню, будто бы из Царского Села, из покоев императрицы, в резиденцию кайзера Вильгельма протянут прямой телефонный провод, по которому Алиса передает шпионские сведения. И это обсуждение продолжалось достаточно долго, пока кто-то не напомнил, что профессионалам, каковыми все собравшиеся являются, должна быть ясна абсурдность подобного «провода»...

Но во всем остальном профессор совершенно прав. Подобные отзывы о Николае могли бы составить толстый том – отзывы генералов, министров, столпов монархизма, никоим образом не либералов. Закончу двумя мнениями иностранцев. Один из них, британский премьер-министр Ллойд-Джордж, был современником событий. И считал, что Российская империя была «ковчегом, у которого полностью отсутствовали мореходные качества. Весь его остов прогнил, и капитан был не лучше. Капитан годился только для прогулочной яхты в спокойных водах, а штурмана выбирала его жена, отдохавшая на кушетке в каюте». Николая англичанин характеризовал как «корону без головы».

Другой американский историк, Роберт Мэсси, порой выглядит большим русофилом, чем сами русские. К Николаю он проникнут самым горячим пиететом, но тоже не выдерживает: «В ходе войны народ хотел не революции, а только реформ. Но Александра, побуждаемая Распутиным, страстно протестовала против всякого умаления царской власти. Уступая жене, борясь за спасение самодержавия и отрицая все доводы в пользу ответственного перед народом правительства, Николай сделал революцию и конечный триумф Ленина неизбежными».

Малоизвестный, но крайне многозначительный факт, кажется, не имеющий аналогов в мировой практике: в свое время русская полиция конфисковала тираж книги... «Полное собрание речей императора Николая II за 1894–1906 годы»! Дело в том, что по отдельности выступления и резолюции самодержца на документах еще кое-как смотрелись, но, собранные вместе в большом количестве, выглядели таким тупоумием, производили столь невыгодное впечатление, что их пришлось срочно изымать из обращения.

Легко заметить, что все критические отзывы о Николае сводятся к одному: это был человек не на своем месте. И он был *мелок*.

Эту мелкую бесчувственность он продемонстрировал еще во время коронации, когда в давке на Ходынском поле погибло более пяти тысяч человек, и молодому императору советовали в знак траура отменить все торжества. Слово свидетелю, великому князю Александру Михайловичу: «Мои братья не могли сдержать своего негодования, и все мы единодушно требовали немедленной отставки великого князя Сергея Александровича и прекращения коронационных торжеств. Произошла тяжелая сцена. Старшее поколение великих князей всецело поддерживало московского генерал-губернатора. (т. е. того самого Сергея Александровича, виновника Ходынской катастрофы. – А. Б.). Мой брат, великий князь Николай Михайлович, ответил дельной и ясной речью. Он объяснил весь ужас создавшегося положения. Он вызвал образы французских королей, которые танцевали в Версальском парке, не обращая внимания на приближавшуюся бурю. Он взывал к доброму сердцу молодого императора.

– Помни, Ники, – начал он, глядя Николаю II прямо в глаза, – кровь этих пяти тысяч мужчин, женщин и детей останется неизгладимым пятном на твоём царствовании. Ты не в состоянии воскресить мертвых, но ты можешь проявить заботу об их семьях. Не давай повода твоим врагам говорить, что молодой царь пляшет, когда его погибших верноподданных везут в мертвецкую.

Вечером император Николай II присутствовал на большом балу, данном французским посланником. Сияющая улыбка на лице великого князя Сергея заставила иностранцев высказать предположение, что Романовы лишились рассудка...

Так Николай начал свое царствование. А закончил... По словам опять-таки одного из видных и убежденных монархистов – «отрекся от престола, будто эскадрон сдал».

Нужно еще заметить, что великий князь Александр и сам не всегда проявлял ту сострадательную рассудительность, к которой после Ходынки призывал родственника-царя. Однажды германский посол стал свидетелем сцены, когда Николай и означенный Александр (домашнее прозвище – Сандро) самозабвенно веселились, пытаясь спихнуть друг друга с узенького тесного дивана. И все бы ничего, довольно безобидная забава – но она происходила вечером того дня, когда бомба террориста разнесла на кусочки великого князя Сергея...

Переедем теперь к родственникам Николая, к тому сборищу, что почтительно именовалось «домом Романовых». Великие князья – не все, конечно – сделали для дискредитации русской монархии гораздо больше, чем все прокламации кучки большевиков и все копошения либералов...

Началось это еще при Александре II, когда великий князь Николай Николаевич-старший, главнокомандующий в турецкой войне 1877–1878 годов, по сути, стал *паханом* стайки поставщиков. Цены на все, абсолютно все, поставлявшееся в действующую армию, были вздуты до невероятных пределов, в карманах поставщиков и интендантов оседали громадные суммы – и изрядный куш достался Николаю Николаевичу. Начатые были судебные дела пришлось потихонечку замять – поскольку все, попавшие под следствие не будь дураки, старательно припутывали великого князя, а согласно установлениям Российской империи члены дома Романовых стояли над законом и не подлежали судебному преследованию, что бы ни совершили...

Михаил Николаевич, наместник на Кавказе, спекулировал там «прихваченными» земельными участками – естественно, с великокняжеским размахом, не мелочась.

Когда на месте убийства Александра II стали возводить храм Воскресения, пожертвования шли со всей России, складываясь в громадные суммы. Председателем строительного комитета, всецело распоряжавшегося денежным фондом, стал великий князь Владимир Николаевич – и уж они с супругой Марией Павловной себя не забыли. Храм строился дол-

гие годы, и все это время великокняжеская чета запускала лапу в народные пожертвования. Глядя на них, стали поворовывать и те, кто пониже. Один чиновничек – из множества – даже попал под суд. Однако у него хватило ума сохранить многочисленные записочки великой княгини с требованием денег, денег, денег. Дело опять-таки пришлось замять...

Александр Михайлович, автор цитированных выше мемуаров, нагрел руки на знаменитой аванюре с «концессией Безобразова» в Маньчжурии, будучи адмиралом, прикарманил огромные суммы, которые должны были идти на постройку военных кораблей, в годы первой мировой войны, пользуясь «сухим законом», нажил состояние на торговле спиртным (обо всем этом Сандро в своих обширных воспоминаниях, конечно же, умолчал).

«Высочайший шеф» русского военного флота Алексей Александрович, дядя царя, присвоил миллионы рублей из казенных сумм флота и средств Красного Креста. Современник писал: «В карманах честного Алексея уместилось несколько броненосцев и пара миллионов Красного Креста, причем он весьма остроумно преподнес балерине, которая была его любовницей, чудесный красный крест из рубинов, и она надела его в тот самый день, когда стало известно о недочете в два миллиона».

Все эти безобразия приобрели такой размах и сопровождались такими пересудами, что Николай вынужден был наказать дядюшку по всей строгости – убрал его из высочайших шефов флота, чем дело и кончилось.

Николай Константинович, двадцатичетырехлетний полковник, еще при Александре II ухитрился стать «гнусно прославленным» из-за того, что воровал не из казны, а... *дома!*

В Зимнем дворце у императрицы Марии Александровны после вечерних семейных собраний стали пропадать драгоценности. Из Мраморного дворца, резиденции князя Константина Николаевича, исчезли очень ценные изумрудные серьги, подарок Константина супруге. И, наконец, в том же дворце из семейной иконы кто-то выковырял крупные бриллианты...

Скандал в узком кругу приключился страшный. Дело даже не в том, что по законам Российской империи кража из церкви либо воровство драгоценностей с киота считались особо тяжким преступлением (а в простом народе еще и святотатством). Икона висела в будуаре великой княгини, куда имели доступ считанные люди...

Довольно быстро выяснилось, что все эти кражи совершил молодой великий князь, дабы достойным образом содержать американскую кафешантанную певичку и танцовщицу Фани Лир.

Воришку сослали в Ташкент, где он почти сорок лет поносил во всеуслышание и царствующим императоров, и свою мать, и всех прочих членов династии – за что ему так и не выписали амнистии ни Александр III, ни Николай II...

Однако самые страшные результаты для России имела деятельность великого князя Сергея Михайловича, генерал-инспектора артиллерии. Это уже было банальное казнокрадство...

Великий князь, к которому по наследству от Николая перешла постельная балерина Матильда Кшесинская, в деньгах нуждался отчаянно. Деньги охотно давали добрые французы, и немало. Вот только их приходилось отрабатывать...

В военном ведомстве Сергей Михайлович был царем и богом вплоть до Февраля, не подчиняясь никому и ничему. Все, что касалось артиллерии, он решал единолично. И случилось так, что русская артиллерия фактически попала в монопольную зависимость от французской фирмы Шнейдера, агентами влияния которой стали в России великий князь и его балетная дива. Отказавшись от гораздо лучших во многих отношениях крупновских орудий, русскую армию стали насыщать шнейдеровскими пушками. Конкурсные испытания проводились только для видимости – как впоследствии ваучерные аукционы. Недостатки шнейдеровских пушек замаскировали манипуляциями в протоколах. И кончилось все тем, что

к началу первой мировой русская армия осталось без тяжелой артиллерии. (Подробно эта грязная история описана в книге А. Широкограда, к коей любознательного читателя и отсылаю. Данные в библиографии.)

Сергея Михайловича расстреляли большевики. Матильда, к моему великому сожалению, успела унести ноги. Теперь вам понятно, почему ярый монархист Никольский всерьез мечтал увидеть кое-кого из великих князей на виселице?

Совершенно правильно написала перед смертью в Канаде сестра Николая, великая княгиня Ольга Александровна Романова-Куликовская: «Все эти критические годы Романовы, которые могли бы быть прочнейшей поддержкой трона, не были достойны звания или традиций семьи. Слишком много нас, Романовых, погрязло в мире эгоизма, где мало здравого смысла, не исключая бесконечного удовлетворения личных желаний и амбиций».

Ей, безусловно, виднее – с проблемой была знакома изнутри.

Одним словом, не семейка, а разбойный притон. Приличных людей среди этой великокняжеской шобы можно пересчитать по пальцам одной руки – один был неплохим поэтом, другой – серьезным историком, третий, великий князь Михаил, отказался отправлять подчиненный ему полк на усмирение бунтующих крестьян. Остальные же... разница лишь в том, что Алексей Александрович, скажем, воровал миллионы для баб, а Сергей Александрович разводил педерастию со своими адъютантами без особого материального вознаграждения. На этом фоне сущим ангелом выглядит Николай Николаевич – младший: казенных денег не воровал (поскольку никакой казной не заведовал), сидел себе незаметно, занимаясь спиритизмом и столоверчением, духов вызывал по ночам... Чьих – истории осталось не известно.

А трагифарс в том, что после Февраля большая часть этих высокородных оборотов наперегонки бросилась засвидетельствовать свое почтение новой власти! Еще до официального отречения Николая от престола великий князь Кирилл Владимирович, контр-адмирал и командир Гвардейского флотского экипажа свиты его величества, нацепив красный бант, под красным знаменем привел своих матросов к зданию Государственной Думы (которая к тому моменту была распущена указом императора) и объявил, что вверенное ему воинское соединение переходит на сторону Думы. Поскольку это было совершено за сутки до официального отречения, первого марта, поступок Кирилла Владимировича автоматически попадает под пункт третий статьи 252-й «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных». Согласно этому пункту, озаглавленному «Шпионство в военное и в мирное время», в военное время считается государственным изменником и приговаривается к лишению всех прав состояния (в том числе, естественно, и дворянства) и смертной казни любой русский подданный, «... когда он будет возбуждать войска Российской империи или союзные с Россией к неповиновению или возмущению или будет стараться поколебать верность подданных ее...»

Хотя великий князь, как мы помним, стоял выше закона. Ну, а *отметившись* в Думе, Кирилл тут же развернул бурную общественную деятельность – обвинил императрицу в шпионаже в пользу Германии (как бы к ней ни относиться, но эти обвинения – вздор), дал интервью «революционным» газетам, где, в частности, говорил: «Даже я, как великий князь, разве не испытывал гнет старого режима? Вместе с любимым мною гвардейским экипажем я пошел в Государственную Думу, этот храм народный... смею думать, что с падением старого режима удастся, наконец, вздохнуть свободней в новой России и мне... впереди я вижу лишь сияющие звезды народного счастья».

И тут же, без всякого принуждения, объявил, что отрекается в пользу Учредительного Собрания от своих прав престолонаследия (которых у него, согласно тогдашним порядкам, не было вовсе!)

Как вам несчастная жертва царского режима? Самое пикантное, что в те же дни в Ташкенте витийствовал на митингах самый завзятый тамошний противник свергнутого режима Романовых. Фамилия его была Романов, а звали его Николай Константинович. Вот именно.

Тот самый позор семейства, что воровал серьги во дворце матери и выковыривал из иконы бриллианты для шлюхи. В столицу от него потом шли телеграммы, в которых он «с восторгом приветствовал новое правительство Свободной России» и, мало того, объявлял себя «политическим узником старого режима» – полагая, что мало кто знал ту давнюю историю, замурованную в тесном семейном кругу. В завершение он щедро пожертвовал на революцию два своих дворца, Мраморный и Павловский – которые, впрочем, давным-давно у него были отобраны, как у недееспособного, и переданы в управление министерству двора...

Временному правительству присягнули письменно все без исключения великие князья, что большинству из них нисколько не помогло – хотя кое-кто все-таки сумел смыться за границу. Вели они себя там по-разному. Александр Михайлович, даром что казнокрад и темный делец, на события смотрел трезво и в своих воспоминаниях не перекладывал вину ни на масонов, ни на большевиков. И просто необходимо вновь обратиться к обширным цитатам из его книги.

«Императорский строй мог бы просуществовать до сих пор, если бы „красная опасность“ исчерпывалась такими людьми, как Толстой и Кропоткин, террористами, как Ленин и Плеханов, старыми психопатками, как Брешко-Брешковская или же Фигнер или авантюристами типа Савинкова и Азефа. Как это бывает с каждой заразной болезнью, настоящая опасность революции заключалась в многочисленных носителях заразы: мышах, крысах и насекомых. Или же, выражаясь более литературно, следует признать, что большинство русской аристократии и интеллигенции составляло армию разносчиков заразы. Трон Романовых пал не под напором предтеч Советов или же юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворных, знати, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и других общественных деятелей, живших щедротами империи.

Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян (вот в этом позвольте усомниться. – А. Б.); полиция справилась бы с террористами! Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в шестую книгу российского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах.

Как надо было поступить с теми великосветскими дамами, которые целыми днями ездили из дома в дом и распространяли самые гнусные слухи про царя и царицу? Как надо было поступить в отношении тех двух отпрысков стариннейшего рода князей Долгоруких, которые присоединились к врагам монархии? Что надо было сделать с ректором Московского университета, который превратил это старейшее русское высшее учебное заведение в рассадник революционеров?

Что следовало сделать с графом Витте, возведенным Александром III из простых чиновников в министры, специальностью которого было снабжать газетных репортеров скандальными историями, дискредитирующими царскую семью? Что нужно было сделать с профессорами наших университетов, которые провозглашали с высоты своих кафедр, что Петр Великий родился и умер негодяем? Что следовало сделать с нашими газетами, которые встечали ликованиями наши неудачи на японском фронте?

Как надо было поступить с теми членами Государственной Думы, которые с радостными лицами слушали сплетни клеветников, клявшихся, что между Царским Селом и ставкой Гинденбурга существовал беспроволочный телеграф? Что следовало сделать с теми командующими армиями, вверенными им царем, которые интересовались нарастанием антимонархических настроений в тылу армии более, чем победами над немцами на фронте? Как надо было поступить с теми ветеринарными врачами, которые, собравшись для обсуждения мер борьбы с эпизоотиями, внезапно внесли резолюцию, требовавшую образования радикального кабинета?

Описание противоправительственной деятельности русской аристократии и интеллигенции могло бы составить толстый том, который следовало бы посвятить русским эмигрантам, оплакивающим на улицах европейских городов „доброе старое время“. Но рекорд глупой тенденциозности побила, конечно, наша дореволюционная печать. Личные качества человека не ставились ни во что, если он устно или письменно не выражал своей враждебности существующему строю. Об ученом или писателе, артисте или музыканте судили не по их даровитости, а по степени радикальных убеждений».

Я вынужден оборвать цитату (но впоследствии вернусь к ней с того места, на котором остановился). Добавлю лишь, что ради исторической объективности следовало бы зачислить в «разносчики заразы» и автора этих мемуаров, своим казнокрадством эту сомнительную честь вполне заслужившего. А впрочем, бог ему судья. Он, повторяю, был не самым худшим, и свое прошлое воровство, сдается мне, искупил поведением в эмиграции. Публично протестовал против тех самых попыток представить крах царской России как результат «заговора кучки большевиков» – и немало сделал для прояснения истинной картины происшедшего. Его мемуары наглядно убеждают, что постигшие Россию беды – следствие отнюдь не зловещих интриг каких-то карбонариев. Все сложнее и печальнее...

Совершенно иначе вел себя в эмиграции Кирилл Владимирович – этот устроил шумную и затянувшуюся клоунаду, отголоски которой дают себя знать и сегодня. Деятельность этого субъекта просто необходимо рассмотреть подробно – потому что до сих пор встречаются люди, верящие, будто на свете существуют такие персоны, как «великая княгиня Леонида», «великая княгиня Мария Владимировна» и «наследник престола Георгий Романов». На самом деле это вульгарные самозванцы, которых хватало во все времена...

31 августа 1924 г. Кирилл самолично провозгласил себя «императором и самодержцем всероссийским», сына Владимира – «великим князем», дочь Киру – «великой княгиней». И основал в одной из деревушек во французской провинции Бретань «императорский двор». На полном серьезе издавал указы и высочайшие манифесты, возводил в дворянство и присваивал офицерские чины. В 1930 г. под Парижем даже состоялся «парад подданных его величества Кирилла I», коих собралось аж две тысячи. Александр Михайлович по живости характера заглянул в ту рыбацкую деревушку Сен-Бриак, но, посмотрев на «императорский двор», развел руками: «Пафос вперемежку с комедией и слепота, погоняемая надеждой, образуют костяк этого отстраненного мира условностей. Ничего реального, все бутафория».

Великий князь Николай Николаевич, старый кавалерист, выражался не в пример грубее: «Кирюха есть всего-навсего предводитель банды пьяниц и дураков». Это самое приличное высказывание, иные просто непечатны...

«Еще один претендент на престол! – вскричал офицер. – Они нынче размножаются как кролики!» (Марк Твен, «Принц и нищий»).

Давайте поговорим немного о скучной юриспруденции – без нее в данном случае не обойтись.

Закон о престолонаследии в России был принят Павлом I в 1791 г. и при Николае I в 1832 г. в формулировке «Учреждение об императорской фамилии» был включен в «Свод законов Российской империи». Последние поправки были внесены Николаем II в 1911 г.

Формулировки этого «Учреждения» строги и недвусмысленны, как математическая теорема, и никакого другого толкования не допускают. Все расписано строго, как в воинских уставах.

Наследником российского императорского престола может быть лишь лицо, удовлетворяющее следующим требованиям:

1. Принадлежность к императорскому дому Романовых.
2. Первородство по мужской линии.
3. Равнородность брака родителей.

4. Рождение от православных родителей, безусловная верность православной вере и ее канонам.

5. Соблюдение присяги на верность Основным законам царствующего на их основании императора и его наследника.

6. Пригодность к занятию престола с религиозной точки зрения.

7. По пресечении мужского потомства право на престол переходит к лицу женского пола, удовлетворяющему шести вышеперечисленным требованиям.

Следует сделать небольшое разъяснение по третьему пункту. «Равнородность» означает, что наследник престола должен быть женат на представительнице *правящего* дома. С этой точки зрения нет никаких различий между Британской империей и княжеством Монако, потому что дело не в размерах монархии (королевства, княжества, герцогства), а в том, чтобы невеста была дочерью человека, который реально *правит*. Даже если бы наследник престола году в девятисотом вздумал жениться на сиамской или персидской принцессе, следовало бы ликвидировать одно-единственное препятствие: невеста должна предварительно перейти в православную веру. Во всем остальном полный порядок – и сиамские, и персидские династии тогда были *правящими*. А вот французская принцесса, даже если бы в ее жилах текла голубая кровь сотни королей, в жены наследнику российского престола не годилась – поскольку французский королевский дом пребывал в эмиграции и никакой власти над французской территорией не имел...

Однако Кирилл и *все его потомки* были лишены прав на престол самим Николаем еще в 1917 г. Причины?

1. Великий князь Кирилл родился от матери-лютеранки, которая приняла православие лишь много лет спустя после его рождения (и через тридцать четыре года замужества), поэтому, согласно статье 188 Основных законов, Кирилл мог бы претендовать на престол лишь в том случае, если бы на свете не осталось ни единого Романова, рожденного в православном браке.

2. В 1905 г. Кирилл женился на принцессе Виктории-Мелите Гессенской. Хотя она и принадлежала к правящему дому, брак этот сам по себе лишал Кирилла и его потомков прав на престол, поскольку:

а) брак был заключен вопреки прямому запрету императора, главы дома Романовых;

б) невеста была лютеранкой, так и не принявшей православия;

в) невеста была разведенной;

г) невеста была двоюродной сестрой Кирилла (а в Российской империи на брак кузена с кузиной требовалось особое разрешение церкви, которого в данном случае не имелось).

Тогда же Кирилл был выслан из России и официально лишен всех прав престолонаследия – вместе со всеми его возможными потомками! Сохранился соответствующий документ с резолюцией императора.

Позже, уступив назойливым просьбам родителей Кирилла (все же не чужие, одна большая семья!), Николай *частично* смягчил позицию: он признал брак Кирилла «великокняжеским», что лишь обеспечивало супругам соответствующее денежное содержание, и не более того. Кирилл и его супруга могли пользоваться титулами «великий князь» и «великая княгиня», но на их детей это право не распространялось, они оставались простыми «дворянами Романовыми». Решение о присвоении детям тех же титулов мог бы принять только Николай – но он этого так и не сделал.

Приход Кирилла к Государственной Думе автоматически делал его и нарушителем пункта пятого «Учреждения» (ну вот, снова этот зловердный пятый пункт, скольким он испортил жизнь!).

В общем, Кирилл не имел никакого права провозглашать себя самодержцем всероссийским, а своих детей производить в великие князья и княгини. Вдова Александра III, импе-

ратрица Мария Федоровна, тогда же заявила, что не признает свежее испеченных «титолов» Кирилла и его детей – в чем, согласно законам Российской империи, была абсолютно права.

С тех самых пор никто из серьезных монархистов и членов дома Романовых Кирилла иначе, как «царь Кирюха», не называл.

Однако означенного прямо-таки свербело от желания поцарствовать всерьез – а поэтому в 1929 г. он обратился к «народам Советского Союза» с пространном манифестом, озаглавленным «Моя программа», в котором провозглашал великодушно, что готов признать Советскую власть, если она назначит его императором новой России. И, как водится, обещал разные вольности подданным, как-то: «возвратить промышленные и торговые предприятия их прежним владельцам», «утвердить восьмичасовой рабочий день». Впрочем, новый государь одними послаблениями не ограничивался и был крутенец – обещал еще и «радикальное искоренение в России бродяжничества, отлынивания от работы, разгула».

По непонятным причинам ответа из Советской России так и не последовало. Почему? Эта историческая загадка не разрешена по сей день. Автор даже не пытается ее своим скромным умом решать...

Когда «царь Кирюха» почил в бозе, дело его продолжил «великий князь» Владимир Кириллович, с тем же восхитительным пренебрежением к законам Российской империи провозгласив себя «главой Российского императорского дома», а детей уже привычно произведя в «великие князья». Будь Владимир даже *настоящим* великим князем Российской империи, его дети ни за что не получили бы того же титула, поскольку Владимир женился на Леониде Багратиони-Мухранской, которая была:

- а) неправославной;
- б) разведенной с предыдущим мужем;
- в) неравнородной.

С разводом все и так ясно. Что до религии – грузинская церковь, конечно, православная, но все же в Русскую православную церковь не входит, а потому Леонида и считается «неправославной». Багратион-Мухрани были потомками правившей некогда в Грузии династии Багратидов (Багратиони) – но в момент заключения брака этот дом не был правящим. Более того, он не был уже царским. После добровольного вхождения Грузии в состав Российской империи и подписания соответствующих документов Багратиды получили лишь права на *княжеский* титул. Но никоим образом не на великокняжеский! В состав дома Романовых Багратиды не входили.

Дочь «царя Володьки», «великая княгиня» Мария Владимировна, вышла замуж за принца Фридриха-Вильгельма Гогенцоллерна Прусского. Впервые в этой истории появляется человек, носящий свой титул законно (правда, он уже не представитель правящего дома, трон Гогенцоллерны утратили).

И тогда «царя Володька» выкинул вовсе уж уму непостижимый фортель, противоречащий как законам Российской империи, так и мировому династическому праву. Примерно с четырнадцатого столетия, после известных династических казусов, вызвавших Столетнюю войну, владетельные дома Европы (и российский впоследствии) руководствовались так называемым «Салическим правом», согласно которому наследование титулов шло исключительно по *мужской* линии. Принцесса, выданная замуж, принимала титул мужа и уже ни при каких обстоятельствах не могла претендовать на трон отца. Ее дети тоже именовались по мужу – и никогда по отцу.

Однако «царя Володьку» это как раз и не устраивало, у него ведь не было наследника мужского пола, и самозванная династия должна была пресечься самым естественным образом. Мария, как и полагалось, стала Марией Гогенцоллерн – но Владимир (затаите дыхание, герольдмейстеры!) присвоил ее мужу титул «великого князя»!

Это даже не бред. Это вообще неизвестно что, названия не имеющее...

Подобные фокусы не приняли всерьез не только остальные Романовы, но и Европа. Во всех европейских династических справочниках сын Марии и Фридриха-Вильгельма, Георгий, значился как Георг Гогенцоллерн, принц (и его права на несуществующий германский престол, в случае чего, останутся исключительно германской головной болью). Ну, а дальше было совсем просто. Бабушка Леонида и мамуля Мария, две самозванки, незаконно носящие титулы «великих княгинь Романовых», объявили Георгия «великим князем» и «наследником Российского престола». Самое смешное, что в свое время находились в России люди, в том числе и облеченные властью, принимавшие эту семейку с почетом, как *настоящих*.

Доходило до вовсе уж пошлых анекдотов. В свое время, неведомо на каком основании, объявил себя «регентом российского престола» и принялся раздавать титулы некий Алексей Брумель, брат известного спортсмена, не имеющий отношения не только к Романовым, но и к дворянству вообще. Сшил себе боярскую горлатную шапку в аршин вышиной, позировал перед репортерами, раздавал жалованные грамоты, плодя «князьев» и «графьев».

Это, конечно, была неприкрытая клиника. Естественно, все *настоящие* члены дома Романовых, живущие за границей, полностью игнорировали существование «регента Брумеля».

«Государь» Владимир Кириллович оперативно прислал в Россию для опубликования «во всех газетах» грозный меморандум, где предавал Брумеля анафеме и напоминал, что единственный законный претендент на русский трон – никакой не Брумель, а он, Владимир Кириллович. Два клоуна-самозванца, увлеченно боровшихся за трон России – это, конечно, было зрелище...

Одним словом, суррогатные «великие князья», потомки государственного изменника, должны проходить исключительно под рубрикой исторических курьезов. И место им на конюшне, а не в Кремле...

Вернемся в Россию, где пока что не произошло революции. Нужно еще непременно добавить, что в государственных делах и в политике неразберихи прибавляло параллельное существование *двух* императорских дворов, «молодого» и «старого». Естественно, под «молодым» подразумевается двор царствующего Николая – а «старый» представляла его мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна, женщина совсем нестарая, энергичная, волевая и, между прочим, очень умная. Видя весь этот развал и бардак, она самым активнейшим образом пыталась влиять на сына. Иногда это удавалось, иногда нет. Алиса ее ненавидела люто, завистью ущербного к более умному и толковому. И кипели ожесточенные, невидимые миру баталии. Оба двора перетягивали на свою сторону великих князей, министров, сановников, генералов, руководителей спецслужб, сливали компромат, *крутили* запутанные многоходовые интриги...

Многие историки серьезно относятся к свидетельствам о том, что Мария Федоровна с самого начала не хотела видеть на престоле Николая, что ей более подходящей кандидатурой представлялся младший сын Георгий. Современники упорно твердили, что в свое время в Крыму, когда там пребывало на отдыхе все августейшее семейство, был даже составлен заговор в пользу Георгия, что в этом заговоре участвовали некоторые гвардейские полки – вдову Александра III в гвардии уважали... Но Георгий в двадцать восемь лет умер от туберкулеза (1899 г.), занесенного в семейство Романовых после одного из браков, и эти планы так никогда и не претворились в жизнь...

Словом, вдобавок ко всем другим бедам, у корабля по имени Россия было еще и два капитанских мостика, с двумя штурвалами – вещь для мореплавания самая вредная...

2. Свобода, равенство, братство и доктор Гильотен

До сих пор порой приходится слышать, что Октябрьская революция и гражданская война не имели аналогов в мировой истории. Это еще один миф, который следует развеять. Все обстояло как раз наоборот. Изучая историю Великой французской революции (так ее до сих пор именуют сами французы), убеждаешься, что в России не придумали ничего нового. Решительно ничего. У нас *повторилось* все из того, что случилось во Франции – правда, сплошь и рядом в весьма смягченном виде...

Как и Николай впоследствии, последний французский король Людовик XVI в личной жизни был милейший и добрейший человек – ни в коей мере не жесток, не тиран, знал иностранные языки, интересовался науками и даже, кажется, не изменял жене, что во Франции само по себе уже подвиг и нешуточная добродетель. Одним словом, человек был преотличный – а вот король прямо-таки никудышный. Слова Драгомира полностью относятся к нему. Будь он мэром какого-нибудь крохотного городка, прожил бы жизнь достойно и мирно, окруженный всеобщим уважением. Но его угораздило быть королем, а к этой должности он был неспособен...

Казна была практически пуста, а проводить реформы не получалось никак – при малейшем покушении на вековые устои к королю подступала тупая аристократическая банда во главе с его родными братьями – и король-тряпка очень быстро возвращал все в прежнее положение...

Очень часто вину за всеобщее растление умов во Франции возлагают на «энциклопедистов» – группу философов, естествоиспытателей, писателей, выпускавших так называемую «Энциклопедию», или «толковый словарь наук, искусств и ремесел».

Доля истины в этом есть, «просветители», как они себя именовали, и в самом деле были компанией довольно гнусной. Борясь с «пережитками феодализма» и «гнетом церкви», они так увлеклись, что долго и старательно поливали грязью уже не «пережитки», а вещи необходимые: патриотизм, честь, верность, семейные узы, веру в Бога вообще. В рамках этой борьбы с «отжившим» Вольтер, к примеру, накропал грязную пьеску, где приписывал Жанне д'Арк скотоложество – и без тени смущения объяснял потом, что сам он, разумеется, в это нисколько не верит, но Жанна, понимаете ли, это тот образ, который «феодалы» и «церковники» используют для оболванивания народных масс. А потому ради просветительства и борьбы с пережитками необходимо разрушить веру в идеалы, чтобы выбить почву из-под ног реакционеров и консерваторов... Вам это ничего не напоминает?

Доля вины на «просветителях» лежит. Однако вся их пропаганда никогда не имела бы успеха в стране со здоровой экономикой, возглавляемой толковым монархом. В то же самое время в соседней Англии процветало немало крикунов, повторявших во всю глотку благоглупости французских коллег. Их даже не преследовали систематически – так, время от времени отдельные, перешедшие все границы, индивидуумы имели некоторые неприятности с судом. Не более того.

И тем не менее в Англии *обошлось*. По той простой причине, что в Англии существовала нормальная экономика – а во Франции о таковой приходилось только мечтать...

Чтобы спасти финансы, король назначил на высокий пост ученого, экономиста и толкового администратора Тюрго. Тот взялся за дело, предложив для начала, чтобы налоги отныне платили не только третье сословие (крестьяне, горожане, буржуазия), но и дворянство с духовенством, по сути, паразиты и захребетники.

Легко представить, какую бурю подняли благородные сословия. Тюрго вылетел в отставку, как снаряд из мортиры.

Денег в казне от этого не прибавилось ни на грош, и парижские банкиры, раздосадованные печальным концом реформ, перестали давать королю займы (а другого источника доходов в стране практически не существовало). Король пригласил на ту же роль швейцарского банкира Неккера.

Неккер предложил более мягкую реформу, чем его предшественник, – но аристократия вновь взвилась на дыбы, и Неккеру пришлось уехать на историческую родину. Сменивший его генеральный контролер (министр финансов) Каллон поначалу, помня о печальной судьбе предшественников, пытался быть ангелом кротости: изыскивал немалые деньги на очередные прихоти королевы, оплачивал из казны многомиллионные долги двух королевских братьев. Но развал финансов зашел настолько далеко, что и Каллон, не видя другой возможности, предложил взимать налог с тех благородных сословий, которые прежде были избавлены от подобного садизма...

Отставка, конечно, финансовый кризис, переросший в общий крах экономики. Голодные бунты, бешеный рост цен. Генеральные Штаты (некое подобие английского парламента, бледная пародия), внезапно преисполнившись смелости, объявляют себя Национальным собранием, которое отныне будет заниматься государственными делами и принимать решения по важнейшим вопросам. Король, науськанный советчиками, отдает приказ стянуть к Парижу кавалерийские полки для полного и окончательного решения проблемы с возмнившимся о себе Национальным собранием...

Началось! Это уже не бунт, это революция! Париж поднялся!

Вот тут многие, я уверен, вспомнив все, что худо-бедно усвоили в школе, понимающе кивнут: «Ну как же, как же. Взятие Бастилии...» Я и сам прекрасно помню большую иллюстрацию в «Детской энциклопедии»: несметные толпы народа штурмуют высоченные стены крепости, так напугавшей некогда юного д'Артаньяна. Из пушечных жерл клубится дым...

Ничего этого не было! Не было никакого «взятия Бастилии», штурм с пушечным грохотом, ружейной стрельбой, развевающимися знаменами и вожжами впереди...

В Бастилии не было пороха для пушек, а гарнизон состоял из горсточки нестроевиков. Внутри крепости проникли «делегаты» и предложили коменданту де Лоне по-хорошему поднять лапки кверху, иначе всем несдобровать. Трезво прикинув свои силенки и размеры собравшейся вокруг крепости толпы, комендант дрогнул и сдался.

Что его, впрочем, не спасло: ворвавшаяся в крепость толпа, настроенная как следует побуяннить, чихала на то, что кто-то от ее имени обещал коменданту жизнь в случае капитуляции. Коменданта убили, насадили его голову на пику и долго таскали по улицам. Мимоходом участники «штурма» освободили «узников старого режима», гнивших в сырых казематах Бастилии – их было не более десятка, и все до одного, как на подбор, угодили туда за чисто уголовные преступления...

Ну, а поскольку ни одна революция не может существовать без красочных мифов, то за сто тридцать лет до сказки о героическом штурме Зимнего родилась легенда о героическом штурме Бастилии, здравствующая до сих пор...

Когда через несколько недель Парижская Коммуна учредила почетный знак, так называемый «Ромб победителей Бастилии», претендовать на него сбежалось несметное количество народу.

И каждый второй, оказалось, отрубал голову коменданту, а каждый первый выбивал ногой ворота Бастилии...

Я так и не выяснил, сколько народу отхватило себе этот золотой ромб. Немало, надо полагать. Но когда через год учредили еще одну награду, «Стенной венец граждан-буржуа, победителей Бастилии», его получили девятьсот сорок девять человек. Сколько из них реально болталось в тот день на площади Бастилии, покрыто мраком неизвестности. Сие нам опять-таки знакомо, и следует признать, что наши коммунисты французам уступали – у

нас, как-никак, число несших бревно вместе с Лениным на историческом субботнике исчислялось всего-то парой десятков...

Вот, кстати, еще о Бастилии. Она вовсе не была «разрушена возмущенным народом». Контракт на разборку крепости получил добрый буржуа, строительный подрядчик месье Паллуа, нанял 800 рабочих и хорошо на этом дельце заработал, продав немалое количество тесаного камня...

Если будете в Париже, можете интереса ради заглянуть на мост Конкорд – он как раз из этого камня.

В общем, как всякая революция впоследствии, французская обросла мифами очень быстро – иногда, чтобы приукрасить какой-то эпизод, иногда – чтобы смягчить. Если вам доведется прочитать где-нибудь, что революционная толпа носила по улицам Парижа на пике отрубленную голову принцессы де Ламбаль, фаворитки королевы, не верьте. На пике носили совсем другую часть тела принцессы...

А если попадутся строчки о «самосуде толпы над аристократами», то знайте: частенько это означало, что посреди улицы беременной женщине вспарывали живот и вырывали ребенка. Что творилось в провинции, где не было ни законов, ни власти, лучше себе не представлять, хотя достаточно протянуть руку, чтобы снять с полки, скажем, «Историю французской революции» Карлейля...

И полилась кровь, кровь, кровь! «Ле сан», по-французски. Ле сан, ле сан, ле сан... Кровь алая!

В общем-то, никто поначалу не собирался свергать короля и заводить республику – дело это было настолько новое и непривычное, что здравомыслящие люди его инстинктивно опасались. Однако... любая революция имеет много общего с классической деревенской пьянкой по случаю большого праздника. Сначала опрокидывают по рюмочке и степенно толкуют про виды на урожай, про легкомысленное поведение мельниковой дочки, про то, ест ли гишпанский король лягушек, или городской телеграфист все наврал. Потом как-то незаметно переходят на граненые стаканы, вспоминаются старые обиды и старые счета – и вот уже кумовья идут друг на друга с лопатами и вилами, горят амбары и коровники, в свалке затоптали попа и старосту, и из уездного городка наметом несется вся наличная жандармская команда, а следом казачья сотня, потому что меньшими силами не усмирить. И только на третий день, хмуро бродя по пожарищу и не досчитываясь кузнеца дяди Пафнутия, сообщают, что его в горящей избе и забыли, потому как в первую голову спасали самогонный аппарат. Ну, а где поп со старостой, лучше и не гадать...

Так вот, с революциями обстоит точно так же. Даже если никто поначалу специально и не хотел резких телодвижений, сама логика событий, сами взбудораженные многомиллионные массы очень быстро начинают громоздить вовсе уж жуткие комбинации – причем, господа мои, не забывайте, процесс идет непременно с *двух* сторон!

Дворяне массами побежали за границу – и начали создавать там армию вторжения. Тем временем во Франции создавали свою армию, новую, революционную, которой предстояло на штыках принести счастье и свободу остальной Европе...

Ага, вот именно! То, что «заграничная контрреволюция» первой вторглась во Францию – очередная сказочка. Это французская армия браво ринулась к соседям – в Италию, Голландию, свергать феодалов, делить землю, вешать попов и нести просвещение.

Вот тут уже Европа, мрачно призадумавшись, начинает собирать армии и шлет их к французским границам, сообразив, наконец, чем пахнут такие эксперименты в отдельно взятой стране. Прусский главнокомандующий, герцог Брауншвейгский, правда, оказывается не на высоте: под покровом ночной тьмы к нему проникли посланцы революции и предложили ни много, ни мало – бриллиантов, реквизированных из королевской сокровищницы, на сумму в пять миллионов. Герцог не выдержал, камешки взял и отступил, сославшись на

плохие стратегические условия. Только в 1806 г., после его смерти, когда нотариусы описывали его имущество для наследников, обнаружили эти камешки, в том числе, и любимый Марией-Антуанеттой «голубой бриллиант в *сто двадцать* карат...»

Подобные фокусы не прошли с Александром Васильевичем Суворовым, и он-то француз лупил качественно...

К тому времени уже отрубили голову королю – от чего в стране почему-то не прибавилось ни спокойствия, ни хлеба. Торговцы, сволочи такие, не хотят продавать еду по мизерным ценам, установленным революционным правительством. Париж голодает. А где можно взять много-много хлеба?

Правильно. В деревне...

И в деревню двинулись продотряды... нет, назывались они иначе, но это были именно продотряды. Революционное знамя впереди, под ним комиссар, препоясанный трехцветным шарфом (комиссар, комиссар, они так и звались!), кучка пустых вместительных повозок под зерно... И гильотина в обозе. Тот самый нехитрый и эффективный механизм для моментального отрубания головы, который придумал скромный французский интеллигент доктор Гильотен.

(Впоследствии его семья по этому поводу очень комплексовала. Твердили, будто доктор тут и ни при чем вовсе, будто он предназначал свое устройство, чтобы порезать колбаску – а уж если, боже сохрани, и отрубить голову, то явному душегубу и педофилу... Революция, мол, все извратила, а сам доктор ничего такого не хотел...)

Охотно верю. Интеллигент никогда ничего такого не хочет, он всегда полагает, будто это понарошку – а потом в истерике головенкой о стенку бьется, когда завертится его мясорубка...

Крестьянство, грозно ворча, взмыло на дыбки. Началось все с провинции Вандея, которую до сих пор иногда оскорбляют эпитетами вроде «гнезда контрреволюции» (а впрочем, что в этом термине плохого?) Тамошнее крестьянство было, во-первых, самым зажиточным во Франции, во-вторых, по-настоящему набожным. Никому не понравилось, когда нагрянувшие из города крикуны стали выгребать хлеб под метелку, вопя о европейском революционном пожаре, о помощи парижскому пролетариату и голландским братьям. Да вдобавок оскверняют церкви, убивают священников, обзываются как-то непонятно, но определенно оскорбительно – враги народа, мол, реакционеры...

Французская революционная армия *выкосила* в Вандее полмиллиона человек! Без различия пола и возраста.

И все это – в соответствии с теорией, разумеется. Ни одна приличная революция не в состоянии обойтись без теоретиков, иначе ее начнут путать с разбойничьей бандой...

Теоретик имелся. Жан-Поль Марат, швейцарский француз, вечный диссидент и бродяга, человек без родины и врач без диплома, страдавший какой-то экземой, из-за которой большую часть жизни проводил в ванне. Оттуда, из ванны, он сыпал теоретическими обоснованиями, которые при всем своем многословии сводятся к двум нехитрым истинам.

Первая. Для успешного развития революции нужна самая жесткая диктатура.

Вторая. Всех, кто против революции или хотя бы колеблется, нужно резать. Чем больше, тем лучше. Если нужно – хоть миллион.

Там, в ванне, Марата и прикончила молоденькая девушка из дворянок, взяв на себя обязанности трусливо сидевших по эмиграциям мужчин...

Смерть Марата, впрочем, не остановила террор. Даже, наоборот, разожгла – появился лишний повод орать о врагах народа, злодейским образом убивших товарища Урицкого... тьфу ты, черт, Марата!

В общем, термин «враг народа» – это изобретение французской революции...

Террор ширится. По указанию Конвента начинается уничтожение мятежной Вандеи: объявлено, что следует поголовно истребить там все мужское население, а кроме того, стереть с лица земли леса и посевы, уничтожить весь скот... Это уже не террор, это какое-то безумие – но именно так и начинает действовать революционная армия... Вандейцы, в свою очередь, пленных тоже не берут, что естественно. В других провинциях, где поспокойнее, власти так не лютуют – всего-то навсего вводят «принудительный заем зерна и муки» (размеры на усмотрение комиссаров).

Мятежи начинаются уже по всей стране. Их подавляют со всем усердием. В Лионе, правда, случается накладка, и посланный туда разобраться комиссар Конвента Кутон казнил «всего» 113 человек, а приказ о разрушении города так и не выполнил. На смену ему посылают людей понадежнее – Колло д'Эрбуа и Фуше. Эти принимаются за дело всерьез – дома подряд взрывают и разрушают, людей связывают по сто, по двести даже человек (гильотина не справляется оттапывать головы поодиночке), бьют по ним картечью из пушек, раненых добивают саблями, а то и просто закапывают живьем, чтобы не возиться.

В Нанте связанными заключенными набивают баржи и топят на середине широкой Луары. В Тулоне расстреливают сотнями – а попутно куда-то исчезает несколько *повозок* с драгоценностями. Руководящие террором надежнейшие товарищи Баррас и Фрерон разводят руками: где уж тут уследить за какими-то повозками...

В Бордо орудует депутат Коммуны Тальен. Этот, надо признать, не фанатик – головы он тоже рубит направо и налево, но если с ним как следует поговорить наедине и дать денег, то и выпустит кого надо. А очаровательную юную маркизу Терезу Кабарюс он освобождает вообще бесплатно. Спят, правда, вместе. Запомните эту парочку – мы с ними еще встретимся, в судьбе французской революции эта красотка сыграет огромную и роковую роль!

Чтобы полностью разорвать связи с «проклятым прошлым», даже месяцы переименовывались на революционный лад: фрюктидор, нивроз, плувиоз, месяц фруктов, месяц плодов...

А потом переименовывать начинают и города. Компьен теперь – Марат-на-Уазе, Гавр-де-Грас – Гавр-Марат. Даже парижский холм Монмартр отныне – Монмарат.

Справедливости ради следует уточнить, что до переименования городов в честь здравствующих вождей революции тогда так и не додумались (быть может, просто времени не хватило). Упущенное наверстают уже большевики в России...

Террор продолжается. Головы рубят уже, собственно, ни за что. 17 сентября 1793 г. издается новый закон, на сей раз не о «врагах народа» – о «подозрительных». Он так и называется: «Закон о подозрительных». Кто именно подозрительный и чем, решают уже даже не комиссары и прочие должностные лица – *любой* революционный активист вправе сцапать на улице всякого, кто показался ему подозрительным, приволочь в ближайший трибунал и потребовать казни. Такие требования большей частью удовлетворялись.

Трагикомедия этой резни в том, что «феодалы», то бишь дворяне и представители бывших привилегированных сословий, составляют *меньшинство* от общего числа казненных. Большая часть окончивших дни на гильотине – это, пользуясь сегодняшними терминами, классический пролетариат. Объясняется это просто: очень быстро многие и многие бедняки поняли, что жить при новой власти стало еще хуже. Люди начали открыто высказывать недовольство. И моментально попадали в «подозрительные». Были еще и такие, кто толпами выходил на улицы с протестом – этих на гильотину не тащили, расстреливали на месте...

Дворяне, между прочим, как раз *при деле*! Брат короля, герцог Орлеанский, быстренько заделался ярым революционером и довольно долго депутатствовал – но потом его, на всякий случай, все же свели на гильотину...

Другие уцелели. Зверствовавший в Тулоне Баррас – между прочим, бывший маркиз. А гражданин Фуше – бывший аббат. Среди комиссаров и прокуроров, среди депутатов и

вождей довольно много было дворян (и титулованных в том числе), священников, одним словом, «благородных»...

Террор уже оборачивался чем-то запредельно жутким. Юношей-дворян раздевали, связывали лицом к лицу с голыми девушками того же сословия и, рубанув саблей по голове, бросали в воду. Это называлось «революционный брак». Бойцы элитного батальона имени Марата начинали день с того, что выпивали стакан крови. Действовала мастерская по изготовлению разной галантереи из кожи казненных. Вандейцы, в свою очередь, набивали в плотку пленным порох и поджигали. Если же к ним в руки попадал *чин*...

Достаточно, я думаю. Это не страшные сказки. Это было...

А потом в мясорубку террора стало затягивать *своих*.

Причины, в общем, понятны. У революции было очень много вождей. Робеспьер, Дантон и Марат – не единственные. Еще десятка два, как минимум, вполне заслуживают зачисления в категорию *вождей*. Генералов революции. А может быть, и больше, как знать...

И все эти вожди были *личностями*. Крупными, яркими, говоря по-современному, *звездами*. Естественно у каждого из них на многое была *своя* точка зрения. На многое они смотрели по-разному. Будь в стране тишь, гладь и божья благодать, разногласия ограничились бы чинными прениями на трибуне, как в более спокойных государствах и заведено...

Но тогдашняя Франция была адом крошечным. Война внешняя и внутренняя. Экономика в развале. Голод и взлетевшие до небес цены. Обозленное население, которое уже во весь голос начало сетовать, что его привели совсем не туда, куда обещали. Заговоры и интриги, сшибка мнений и рецептов спасения, непреходящее ощущение близкого краха.

Вожди просто не могли уже не начать грызти и резни *внутри себя*. Такие вещи никто не планирует и не предсказывает, но сама логика событий подводит к тому, что иначе просто и нельзя. Хотя бы потому, что тебя могут опередить менее щепетильные коллеги по Конвенту...

И они стали посылать на гильотину друг друга – ради укрепления революции, ради сплочения рядов, ради избежания опасных шатаний в умах... Бывшие друзья и соратники.

Именно тогда родилось то, что впоследствии будет применено в России на знаменитых процессах 37-го, о которых мы еще поговорим подробно. *Реальных* причин никто не указывает. Нельзя же сказать, что Робеспьер опасается излишнего усиления гражданина Дантона. Нельзя даже сказать *правду* – о том, что Дантон по уши влип в сомнительные финансовые махинации и сколачивает себе состояние. Такая правда народу не нужна, считает Робеспьер.

И гражданин Дантон, одна из самых ярких фигур революции, отправляется на казнь, как английский шпион...

Дантон, конечно, в последние годы изрядно перехватил с *гешефтами*. Но ничьим шпионом он не был никогда.

Хотя есть интереснейшая загадка. Шпион в Комитете общественного спасения все-таки *был*... Комитет этот, тогда – высший орган революционной власти, состоял всего из двенадцати человек: те самые вожди и звезды, наперечет. И достовернейшим образом установлено, что секретнейшие решения Комитета очень быстро попадали к англичанам и эмигрантам-роялистам. Причем историки сходятся в том, что *каналом* не мог быть никто из многочисленного технического персонала – только один из *дюжины*.

Кто это был, не установлено до сих пор. С уверенностью можно утверждать лишь, кто им *не был*. Когда одного из двенадцати, Эро де Сешеля, заподозрили в том, что он и есть «крот» (поскольку – бывший аристократ) и без особых церемоний отправили на гильотину, вскоре выяснилось, что информация о секретнейших решениях Комитета продолжает *утекать*. Значит, это был кто-то другой, не Сешель...

Террор продолжался в согласии с тем самым «Законом о подозрительных», по которому смерти заслуживал каждый, кто «распространял ложные известия», «препятствовал просвещению народа», «портил нравы», «развращал общественное сознание». Под такое можно подвести любого, благо улики не требуются, достаточно загадочных «моральных доказательств». Свидетели, присяжные, адвокаты – ничего этого в новом суде не полагается.

Но теперь еще стали отрубать головы и *своим*, а это, по мнению «своих», самым решительным образом меняло ситуацию...

Против Робеспьера составил заговор, в чем не было ничего удивительного: инстинкт самосохранения – великая вещь. Пикантности добавляло еще и то, что именно здесь в полной мере проявила себя знаменитая французская присказка «шерше ля фам»...

Помните Тальена? Он тоже оказался в «черном списке» Робеспьера, но пока что оставался на свободе – а вот его очаровательную подругу Терезу Кабарюс по приказу Робеспьера заключили в тюрьму. Неведомыми путями к Тальену дошла ее записка: «Полицейский чиновник объявил мне, что завтра меня отправят в трибунал, то есть на эшафот. Как это не похоже на прекрасный сон, который я видела сегодня: Робеспьера уже нет, а двери тюрем открыты. Но из-за вашей трусости скоро во Франции не останется никого, кто смог бы это осуществить».

Это не легенда и не выдумка романистов. Так и было. И колебавшийся прежде Тальен решается.

На дворе стоял месяц *термидор*!

В ту же ночь начинаются перемещения Национальной гвардии. На утреннем заседании Конвента *зажигает* Тальен, в ревущем зале уже не дают слова ни Робеспьеру, ни его сторонникам. Сен-Жюст, *их* Дзержинский, не пытается ничего делать – видимо, понимает, что никакая тайная полиция не спасет.

Это заседание в мемуарах описано подробно. На трибуне машет кинжалом Тальен: мол, если вы не свергнете тирана голосованием, я его сам прикончу... Отступить ему нельзя, он и себя спасает, и свою красотку... А зал ревет: «Смерть тирану!» «Кровь Дантона тебя душит!» И это продолжается долго, очень долго. Пока не встает тихий такой, спокойный депутат Луше и не говорит рассудительно:

– Ну что вы орете? Арестуйте его, на хрен, и дело с концом.

Возможно, он выразился культурнее, но смысл был именно тот. Робеспьера арестовали. Ему ненадолго удалось освободиться, и он засел в Ратуше с кучкой своих сторонников, но вскоре туда ворвались жандармы. Робеспьер попробовал было пальнуть по ним из пистолета, но стрелком он оказался настолько скверным, что вместо противника угодил себе в челюсть – кто-то успел дать снизу по локтю.

На другой день его отвезли на гильотину...

Революция захлебнулась. Лишь немногим ее *звездам* удалось сь спастись – кому отрубили голову вслед за Робеспьером, кто умер в лесу, скрываясь от погони. Тереза Кабарюс вышла замуж за Тальена. На приемах, которые она устраивала, частенько блистала ее закадычная подруга, очаровательная Жозефина, молодая вдова виконта Богарне...

Вскоре у нее начнется роман с молодым генералом по имени Наполеон Бонапарт...

Жизнь во Франции наступила относительно спокойная. Для одних – бедная и голодная, для других – сытая и разгульная. У власти прочно обосновалась так называемая Директория, скопище совершенно бесцветных личностей, лучше всего умевших набивать себе карманы. Именно тогда вошли в моду знаменитые бальные платья в «античном» стиле, которые можно увидеть на портретах того времени: голая дама или одетая, сразу и не скажешь.

Одним словом, воровали знатно, воровали хорошо. *Ярких* революция вырубил, а тех, кто остался, добила термидорианцы. Осталась вороватая серость. Авторитетом в стране эта банда не пользовалась ни малейшим. И молодой генерал Бонапарт кое о чем всерьез задумался.

мался. Он не обращал внимания на постоянные измены Жозефины: пылкая красotka, упо-
манием ради исторической правды, украсила великого полководца такими рогами, что любой
сохатый позавидует. Отчасти ее можно понять: скучно молодой женщине, к тому же креолке
с Карибских островов, спать в одиночестве, пока супруг постоянно где-то пропадает, отго-
вариваясь тем, что он-де то турок бьет в Египте, то Рим захватывает...

Но Бонапарт был выше таких пошлостей. Ему было не до мещанских супружеских
скандалов... Впереди маячила *власть*, потому что цензурно о Директории никто уже не
выражался.

И однажды Бонапарт явился в Совет Пятисот (мне, право, лень уточнять по книгам,
что это была за шарага) и объявил, что отныне власть – это он один, а все остальные могут
катиться к чертовой матери.

Совет начал возмущаться, что-то там лепеча о диктатуре и беззаконии. Тогда в кори-
доре забили барабаны, в зал вошел генерал Мюрат, обернулся к топотающим за ним грена-
дерам и непринужденно распорядился:

– А вышвырните-ка мне живенько эту сволочь в окна.

Гренадеры, люди не сентиментальные, его приказ выполнили быстро и прилежно. На
том и кончились последние революционные денечки – поскольку очень скоро Наполеон
назначил себя нормальным императором, с короной, гербом, мантией и прочими необходи-
мыми всякому приличному монарху принадлежностями...

«Еврейский след» во французской революции, хотя это, вполне возможно, кого-то и
смертельно разочарует, отсутствует полностью. В свое время поисками зловерных жидо-
масонов, совративших с пути истинного добрых французов, занялся виднейший специалист
в этой области – И. Шафаревич (кстати, сам с этой точки зрения субъект очень подозритель-
ный, поскольку нет гарантии, что его фамилия не произошла от слова «шофар», бараний рог,
в который трубят в синагоге по торжественным дням). Однако и он после долгих углублен-
ных изысканий раскопал... одного-единственного еврея, «который играл активную роль во
Французской революции».

Правда, более объективное изучение вопроса показывает, что и этот единственный
еврей никакой такой «активной роли» не играл. Был он родом из Австрии, звали его Мозес
Добуршка, и занимался он на родине чистой воды коммерцией. Чем и продолжал заниматься,
переехав во Францию: был близок с Дантоном, его сестра даже вышла замуж за одного из
ближайших соратников. И гильотинирован был по причине близости с Дантоном...

Короче, один-единственный еврей, и тот неправильный – поскольку еще за двадцать
лет до революции принял крещение. Вообще, французская революция любви к евреям ника-
кой не питала.

Когда те, воспрянувшие духом при известии о революции, обратились в Националь-
ное собрание с просьбой, коли уж наступили свобода, равенство и братство, предоставить
равные права с прочими, им в просьбе было отказано. Только через два года, в сентябре
1791 г., евреи равноправия все же добились – правда, революционные законодатели одно-
временно издали декрет о том, что долгов евреям теперь можно не платить. Поскольку – сво-
бода, равенство и братство. Долги французов французам, впрочем, следовало все же отдать
до сантимата...

Масоны... О них написана масса книг – об этих грозных, всемогущих и всепроникаю-
щих масонах, левой рукой опрокидывавших престолы. Одна беда: с доказательствами как-
то слабовато. Попросту говоря, доказательств нет вовсе, одни домыслы. Поэтому масонский
след мы здесь всерьез рассматривать не будем.

Явление под названием «масоны» действительно существовало. Однако, взявшись
исследовать этот вопрос, приходишь к выводу, что речь идет не о какой-то конкретной злой
силе, а об общем названии, под которым существовали и кружки мистиков, и своеобразные

«клубы по интересам», и попросту сборища любителей весело проводить время в узком кругу. Один-единственный раз в Пруссии под масонской вывеской собрались вполне реальные революционеры и заговорщики, так называемые иллюминаты, по радикальности их программы прямо предшествовали большевистским. Дело было еще в середине XVIII века. Однако действительность опять-таки опровергла басни о всемогущих и всеведающих «братьях» иллюминатах – их выявили почти всех, арестовали, судили и распиляли по тюрьмам. Сбежать удалось немногим.

И все же... Один-единственный раз неуловимые и загадочные масоны все обнаглели настолько, что вышли на свет божий под своими знаменами во времена революции...

Еще в 1933 г. московский «Партиздат» выпустил книгу протоколов Парижской коммуны – просуществовавшей, как известно, всего семьдесят два дня, с 16 марта по 30 мая 1871 г. В этой книге опубликованы подробные документы, повествующие, как 30 апреля депутаты Коммуны приветствовали масонскую манифестацию.

Пышное это было зрелище, как свидетельствует орган Коммуны, «Журналь оффициель»: «Коммуна в полном составе поместилась на балконе, на верху парадной лестницы, перед статуей Республики, опоясанной красным шарфом и окруженной трофеями и знаменами Коммуны. Масонские знамена были одно за другим водружены на ступенях лестницы. На них ярко выделялись гуманитарные лозунги, являющиеся основой учения франкмасонов, которые Коммуна поставила своей задачей применить на практике...

Когда двор наполнился народом, со всех сторон начали раздаваться крики: „Да здравствует Коммуна!“ „Да здравствует масонство!“ „Да здравствует всемирная республика!“.

Гражданин Феликс Пиа, член Коммуны, громким, растроганным голосом произносит следующие слова:

– Братья, граждане великого отечества, всемирного отечества – верные нашим общим принципам свободы, равенства и братства и более последовательные, чем „Лига прав Парижа“, вы, франкмасоны, претворяете эти слова в дело!»

Было произнесено еще много столь же напыщенных речей и выкрикнуто немало здравниц в честь коммунаско-масонского братства. Вот, казалось бы, и неопровержимые улики, вот она, коварная гидра масонства, выползшая на солнечный свет...

К великому сожалению господ национал-патриотов, вынужден их разочаровать. «Манифестация» эта оказалась сплошной комедией. Из-за чего там витийствовали? А это товарищи франкмасоны отправились героически водрузить на укрепления свои знамена.

Сорок один день существования Коммуны они из своего загадочного подполья приглядывались к происходящему, наблюдали, как воюют коммунары с окружившей Париж армией версальского правительства. А на сорок второй день, как тут же поведал глава масонов гражданин Тирифок, ими было, наконец-то, придумано средство остановить братоубийственную резню: они сейчас пойдут и в знак братания установят свои стяги на стенах. В надежде, что версальские солдаты тут же бросят ружья и кинутся обниматься с парижанами.

А если версальцы все же окажутся настолько несознательными, что не проронят ни слезинки при виде белого масонского знамени с надписью «Любите друг друга», гражданин Тирифок обещал поднять против них всех масонов Франции. Все масоны Франции, гремел он, как только увидят войска, идущие усмирять Париж, тут же бросятся к ним и будут уговаривать брататься. Во как!

Оркестр играл «Марсельезу» до посинения.

Знамена свои масоны все же повтыкали на укреплениях.

Версальцы по ним начали постреливать так же цинично, как и по красным коммунаским.

И что же?

А – ничего. Я же говорю, сплошная комедия. Никакое масонство Франции так и не поднялось, идущие на усмирение Парижа войска так и не встретили ни единого масона, который попытался бы уговорить их брататься. Ровно через месяц после клоунады со знаменами и страшными угрозами поднять масонство версальцы ворвались в Париж и принялись обстоятельно и вдумчиво доказывать коммунарам, что бунтовать – нехорошо. Обещанного масонского пополнения Национальная гвардия так и не получила. Гражданин Тирифок сбежал в соседнюю Бельгию, где продолжил витийствовать в пивных с тамошними «братьями»... Нужны ли комментарии? Масоны тоже оказались какие-то неправильные, ни на что не способные, кроме пошлой клоунады...

Подведем кое-какие итоги. Французская революция была вызвана сугубо *внутренними* причинами. Тут ни при чем евреи, масоны и зловерные иностранцы. Хотя таковые все же были – например, прусский *барон* Клоотц, раздававший свои визитные карточки с титулом «Личный враг Иисуса Христа». Но никто из них не делал погоды – даже пресловутые энциклопедисты. Во Франции попросту накопилось слишком много нерешенных противоречий, горючего материала, вот и все.

Если будете как-нибудь перечитывать «Трех мушкетеров», обратите внимание, как герои – олицетворение чести, благородства и храбрости! – ведут себя с теми, кто принадлежностью к дворянству похвастать не может. Арамис ударом кулака отшвыривает на несколько метров горожанина, обрызгавшего его грязью. Д'Артаньян, галопом несясь по делам, сшибает «какого-то горожанина» и даже не останавливается «из-за такой мелочи». Благородный Атос *буднично*, без тени раздражения, избивает слугу. И так далее, и тому подобное...

Вот они, *причины*! Во Франции просто-напросто нашли свое *крайнее* выражение отжившие феодальные традиции. Меньшая часть населения, «благородные», только и считались, собственно, настоящими людьми, а остальные вынуждены были жить с клеймом «третьего сорта». Характерно, что повсюду, по всей стране, восставшие первым делом даже не винные погреба разбивали – разводили костры и жгли книги своих повинностей. Ведь далеко не все французские крестьяне жили так зажиточно, как вандейцы...

Франция оказалась самым слабым звеном в цепи. Во всей остальной Европе (даже в Испании, где дворянская спесь переклестывала все мыслимые пределы) к тому времени соблюдался некий «баланс интересов»: у крестьян было достаточно земли, а у горожан достаточно прав. Там никого так и не удалось поднять на всеобщий бунт. Во многих странах, по примеру Франции, закопошились свои «якобинцы», но они так и остались кучкой крикунов, неспособных увлечь массы. Поскольку массы вполне устраивало нынешнее положение дел.

Всю первую половину девятнадцатого века Англию здорово *лихорадило* – крестьянские волнения, рабочие бунты, борьба за создание профсоюзов, за всеобщее избирательное право. В Лондоне армейская кавалерия разгоняла митинги саблями, в Бирмингеме восставшие сожгли дворец епископа и разнесли по кирпичику тюрьму, на перекрестках дорог выставляли пушки, горели поместья и фабрики...

Но все это так и не вылилось в *революцию*. Власти понемногу сгладили ситуацию сочетанием террора и реформ – и лет на семьдесят настала тишина...

В общем, где тонко, там и рвется. Там, где поначалу требуют лишь реформ, не посягающих на основы, но власть оказывается неспособна их провести, протест и перерастает помаленьку в революцию, сметающую с трона королей. И эту истину следует запомнить хорошенько, не тратя времени на болтовню о жидомасонах и злокозненном иностранном влиянии...

3. Отдать половину или потерять все?

Несмотря на реки крови, на все зверства и ужасы всеобщей смуты, французская революция в своем развитии принесла довольно интересные результаты...

Во-первых, Наполеон занимался не только войнами. Он провел массу полезных и толковых реформ в экономике, правовой системе, государственном управлении.

Во-вторых, что не менее важно, французские крестьяне все же получили достаточно земли.

И после этого – как отрезало! *Никогда* более во Франции не случалось более-менее массовых крестьянских выступлений, за исключением «чумного бунта» 1831 г., но там были совсем другие причины: кто-то от большого ума пустил слух, что «чуму разносят парижане, чтобы захватить нашу землю», и крестьяне начали изничтожать всех, кто, по их мнению, походил на парижан... К экономике это уже не имеет никакого отношения, согласитесь.

Все до единого бунты, мятежи и «революции», случавшиеся во Франции после реформ Наполеона, происходили исключительно в Париже, где часто и охотно, только свистни, кидался строить баррикады тот элемент, что по-научному именуется маргинальным, а если говорить попросту – «бичева с бомжами». Так было и в 1830-м, и в 1848-м – Париж ходил на голове, а вся страна сохраняла полнейшее спокойствие. Во времена Парижской коммуны кое-какие беспорядки произошли разве что в Марселе, где полным-полно было уголовников, бродяг, контрабандистов и прочей гопоты, которых моментально прижали. А потом французские крестьяне, одетые в солдатские шинели, за пару месяцев нанизали на штыки парижских коммунаров. Иначе просто и быть не могло. В обширнейшем воззвании «К сельскому населению», сочиненном парижскими коммунарами, пожалуй, только один абзац несет конкретное содержание. Остальное – патетическая болтовня... Итак:

«Свобода везде, как в коммуне, так и во всем государстве; неприкосновенность жилища, расцвет труда, освобожденного от всех помех, имеющего возможность использовать всю свою энергию; оживление промышленности и торговли, пришедших в упадок благодаря позорным махинациям Версаля; распространение народного образования, заливающего страну потоками света и устанавливающего интеллектуальное равенство – единственный источник и единственная гарантия истинного равенства людей; наконец, единение всех сердец и всех волевых усилий».

Из этого высокопарного словоблудия крестьянин, человек прагматичный, не мог выбрать для себя ничего полезного – и потому проголосовал против Коммуны штыком...

Но вот в России, в начале двадцатого столетия, все обстояло совершенно иначе! Потому что лозунги были совершенно другими: «Земля – крестьянам!» И с настроениями многомиллионной крестьянской массы, составлявшей примерно восемьдесят пять процентов населения страны, они совпадали полностью...

По-моему, никто толком не задумывается, что году в девятьсот пятом, когда в России без всякой революционной агитации развернулись массовые аграрные беспорядки, жили многие тысячи совсем нестарых людей, помнивших, как они были *рабами*! А еще больше людей прекрасно помнили, как им рассказывали отцы и матери о своем недавнем *рабском* положении. Вот где горячий материал! Какие там большевистские листовки и эсеровские агитаторы...

Людей держали в рабстве двести лет. Их продавали и покупали, их обменивали на говорящих попугаев и породистых щенков. С ними могли сделать что угодно. И делали...

В домашнем тире российского помещика Струйского господа развлекались тем, что заставляли крепостных мужиков бегать на ограниченном пространстве и стреляли по ним из ружей и пистолетов *пулями*. Иногда промахивались, иногда попадали. У того же Струй-

ского, поэта екатерининских времен, была еще одна страстишка. Иногда он устраивал над кем-нибудь из своих крестьян суд по всей форме, а приговор был всегда одинаков: «Запытать до смерти». За беднягу тут же принимались палачи (у Струйского была целая коллекция пыточных орудий, старательно скопированных со средневековых образцов), и останавливались не раньше, чем жертва выпускала дух.

Секретный доклад особой комиссии Александру I о положении крепостных крестьян, откуда эти факты взяты, до сих пор, насколько мне известно, не опубликован полностью – лишь скудными фрагментами...

И при Александре, и после него положение не улучшилось.

Конечно, за жестокое обращение с крепостными могли и отдать под суд, и удалить из имения (такое имело место быть), но, как давно известно, строгость законов в России смягчается систематическим их неисполнением. Очень уж неравными были возможности крестьян и их хозяев...

Вот вам помещик Коротков, о котором рассказывал в свое время писатель Григорович. Когда супруга Короткова просила у мужа денег, тот вызывал управляющего и небрежно бросал:

– Грызлов, Марья Федоровна в Москву собирается, нужны деньги... Поезжай по деревням, я видел там много этой мелкоты, шушеры накопилось – распорядись!

Это означало, что Грызлов с подручными должен проехать по деревням, *наловить* лишних детей и молодых девок и быстренько их продать... И происходило это в то самое время, когда писал свои стихи Пушкин!

Рабство развращает всех – и рабов, и господ. Вот вам печальный пример: известнейший русский книгоиздатель и просветитель Н. И. Новиков. Был у него преданный крепостной человек, который, когда барина посадили в темницу за вольнодумство, добровольно, из чистой преданности, за ним в тюрьму последовал. Очень его любил Новиков. Даже за стол, празднуя с друзьями освобождение из тюрьмы, с собой посадил. Да вот однажды взял да и продал. Больно уж хорошие деньги дали, две тысячи рублей, а дела были в расстройстве...

Если таковы просветители, чего же требовать от людей во всех отношениях обыкновенных?

Вспоминал известный путешественник Семенов Тянь-Шанский про своего знакомого предводителя дворянства: «Гости, после обеда с обильными винными возлияниями, выходили в сад, где на пьедесталах были расставлены живые статуи из крепостных девушек, предлагаемых гостеприимным хозяином гостям на выбор».

Вот я и повторяю: тщательнейшим образом проштудируйте свою родословную, господа критики революции. Хорошо, если ваш прапрапрадедушка был из тех, кого как раз и угощали в бане голенькими крепостными красотками – а ну как одна из них была вашей прапрапрабабушкой?

Вот и попробуйте представить состояние ума отца и матери, у которых ребенка сцапали на улице и продали, потому что барыне нужны деньги. Попробуйте представить, что чувствует деревенский парень, когда девушку, которая ему нравится, трахают в бане заезжие баре, и попробуйте представить, что они расскажут своим детям о «временах крепости». И поймите вы, наконец: именно дети и внуки *этих* людей повалили на улицу в семнадцатом году, когда *рвануло*!

Еще А. С. Хомяков, главный идеолог славянофильства, писал с горечью: «Как бы каждый из нас ни любил Россию, мы все, как общество, постоянно враги ее, разумеется, бессознательно. Мы враги ее потому, что мы иностранцы, потому что мы господа крепостных соотечественников, потому что мы одураем народ».

По сути, еще со времен Петра I существовало две России, и каждая смотрела на другую, как на инопланетян... Та, что составляла *меньшую* часть, особого дискомфорта не чувствовала – а вот большая часть копила ненависть, копила, копила. Пока не *грязнуло*...

Поговорим о вещах конкретных, не чураясь скучных цифр.

Конечно, Александр II сделал благое дело, освободив крестьян (в то время не сделать этого было уже просто невозможно). Но вот потом...

В Европейской России 76 миллионов десятин земли принадлежали 30 000 помещиков, а 73 миллиона десятин – 10 000 000 крестьянских дворов. Такая вот пропорция. Дело в том, что крестьяне были освобождены почти без земли, а за ту, что им все же досталась, они вынуждены были вносить так называемые «выкупные платежи», отмененные только в 1907 г., после известных событий. Существует интереснейший *казенный* документ, так называемые «Труды податной комиссии». Из него следует, что в виде налогов и податей крестьянин вносил в год *девятьюсто два* с лишним процента от дохода! А в Новгородской губернии – все сто. Причем это касалось только бывших «государственных» крестьян. По данным того же документа, бывшие помещичьи крестьяне в некоторых губерниях вынуждены были отдавать в налог *двести* с лишним процентов дохода! Иными словами, не считая немногочисленных счастливых, крестьяне постоянно были в долгу, как в шелку. Вот выдержки из наказов крестьян своим депутатам в Государственной Думе 1906–1907 гг.

Деревня Стопино Владимирской губернии: «Горький опыт жизни убеждал нас, что правительство, веками угнетавшее народ, правительство, видевшее и желавшее видеть в нас послушную платежную скотину, ничего для нас сделать не может. Правительство, состоящее из дворян и чиновников, не знавшее нужд народа, не может вывести измученную родину на путь порядка и законности».

Московская губерния: «Земля вся нами окуплена потом и кровью в течение нескольких столетий. Ее обрабатывали в эпоху крепостного права и за работу получали побои и ссылки и тем обогащали помещиков. Если предъявить теперь им иск по 5 коп. на день на человека за все крепостное время, то у них не хватит расплатиться с народом всех земель и лесов и всего их имущества. Кроме того, в течение сорока лет уплачиваем мы баснословную аренду за землю от 20 до 60 руб. за десятину в лето, благодаря ложному закону 61-го года, по которому мы получили свободу с малым наделом земли, полуголодным народом, а у туземцев помещиков образовались колоссальные богатства».

Арзамасский уезд: «Помещики вскружили нас совсем: куда ни повернись – везде все их – земля и лес, а нам и скотину выгнать некуда; зашла корова на землю помещика – штраф, проехал нечаянно его дорогой – штраф, пойдешь к нему землю брать в аренду – норовится взять как можно дороже, а не возьмешь – сиди совсем без хлеба; вырубил прут из его леса – в суд, и сдерут в три раза дороже, да еще отсидишь».

Лужский уезд Петербургской губернии: «Наделены мы были по выходе на волю по три десятины на душу. Население выросло до того, что в настоящее время уже не приходится и полдесятины. Население положительно бедствует, и бедствует единственно потому, что земли нет; нет ее не только для пашни, а даже под необходимые для хозяйства постройки».

Нижегородская губерния: «Мы признаем, что непосильная тяжесть оброков и налогов тяжелым гнетом лежит на нас, и нет силы и возможности сполна и своевременно выполнять их. Близость всякого срока платежей и повинностей камнем ложится на наше сердце, а страх перед властью за неаккуратность платежей заставляет нас продавать последнее, или идти в кабалу».

Большевики здесь совершенно ни при чем – как и любые другие «политики». Это подлинный, неискаженный голос крестьянства. Какие же тут нужны большевики?!

А теперь – мнение человека, находившегося среди тех, кто как раз и был властью. Из воспоминаний С. Ю. Витте: «...на крестьянское население не были распространены

общие гражданские законы и по отношению уголовных для них были сохранены особенности (между прочим, телесные наказания по приговорам крестьян), но все-таки на них были распространены общие судебные и административные организации (мировой суд). После проклятого 1 марта... участие крестьян в земстве ограничено. Мировые судьи были для крестьянского населения заменены земскими начальниками. На крестьянское население, которое, однако, составляет громаднейшую часть населения, установился взгляд, что они полудети, которых следует опекать только в смысле их развития и поведения, но не желудка... Земские начальники явились и судьями, и администраторами, и опекунами. В сущности, явился режим, напоминающий режим, существовавший до освобождения крестьян от крепостничества, но только тогда хорошие помещики были заинтересованы в благосостоянии своих крестьян, а наемные земские начальники, большей частью прогоревшие дворяне и чиновники без высшего образования, были больше заинтересованы в своем содержании... Для крестьянства была создана особая юрисдикция, перемешанная с административными и попечительскими функциями – все в виде земского начальника, крепостного помещика особого рода. На крестьянина установился взгляд, что это, с юридической точки зрения, не персона, а полуперсона. Он перестал быть крепостным помещика, но стал крепостным крестьянского управления, находившегося под попечительским оком земского начальника. Вообще его экономическое положение было плохо, сбережения ничтожны... Государство не может быть сильно, коль скоро главный его оплот – крестьянство – слабо. Мы все кричим о том, что Российская империя составляет 1/5 часть земной суши и что мы имеем около 140 000 000 населения, но что же из этого, когда громаднейшая часть поверхности, составляющей Российскую империю, находится или в совершенно некультурном (диком) виде или в полукультурном, и громаднейшая часть населения, с экономической точки зрения, представляет не единицы, а полу– и даже четверти единиц».

Вот так обстояли дела в реальности...

Но как же быть с высказывавшимся не раз тезисом, будто «русский крестьянин кормил всю Европу, продавая за границу зерно»?

Более нелепого утверждения трудно себе представить, поскольку сохранилось множество энциклопедий, научных трудов, мемуаров, свидетельствующих, кто именно кормил Европу.

Крестьянин-единоличник здесь совершенно ни при чем. Все зерно, уходившее на экспорт, было произведено либо в хозяйствах южнорусских помещиков, либо на казачьих землях, где опять-таки экспортный хлеб давали не одиночки, а крупные хозяйства. То, что на Западе именуется «латифундиями». Вывозимое зерно было собрано не мнимым «фермером», а с помощью многочисленной наемной рабочей силы и передовой, по тому времени, сельскохозяйственной техники. Да и не было в России никаких «фермеров». «Ферма» – это отдельно расположенное крестьянское хозяйство, русский аналог – «хутор». В России, как и во многих других странах, были *деревни* – места компактного проживания крестьян, окруженные полями. «Ферма» и «деревня» – совершенно разные понятия...

Крестьяне-единоличники никакого зерна в Европу не вывозили и вывозить не могли – по той простой причине, что из-за малого количества земли и почти первобытного уровня ее обработки не способны были производить излишки.

Кто-то из царских министров (нет смысла уточнять фамилию этого скота) патетически воскликнул: «Недоедим, но вывезем!». Сам-то он как раз и хрустел французской булкой – это другие недоедали. Русская деревня до революции хронически голодала. Здесь не стоит перечислять длиннейший ряд цифр – неурожайные годы. Скажу лишь, что голод был явлением частным и повсеместным. Есть хороший источник – написанные в эмиграции мемуары А. Н. Наумова, бывшего в 1915–1916 гг. министром земледелия. Он участвовал в борьбе с «самарским голодом» еще в конце прошлого века, когда «небывалые недороды 1897–1899 гг.

повлекли за собой почти повсеместное недоедание, а в ряде районов настоящий голод с его последствиями – цингой и тифом». «Что же мне пришлось увидеть? Россия практически не вылезает из состояния голода, то в одной, то в другой губернии, как до войны, так и во время войны». Схожие воспоминания оставил видный сановник Ламздорф: «От просящих хлеба нет прохода. Окружают всюду толпой. Картина душераздирающая. На почве голода тиф и цинга». Мало того, министр иностранных дел Гирс «...в ужасе от того, как относятся к бедствию государь и интимный круг императорской семьи».

Царь попросту не верит, что в стране голод! За завтраком, в тесном кругу, «он говорит о голоде почти со смехом». Находит, что раздаваемые пособия только деморализуют народ, вышучивает тех, кто уезжает в губернии, чтобы наладить помощь. Такое отношение к бедствию «разделяется, по-видимому, всей семьей».

Когда общественность сама пыталась организовать хоть какую-то помощь, этому мешали те же сановники. Полковник А. А. фон Вендрих, инспектор министерства путей сообщения и фаворит царя, посланный особоуполномоченным в пострадавшие от голода районы, дезорганизовал грузовое движение из центральных магистралей, загнал в тупик одиннадцать тысяч вагонов с зерном, шесть с половиной миллионов пудов подмокли и стали гнить.

Доложили царю. Николай раздраженно отмахнулся: «Не говорите о нем вздора, это достойный офицер. Всяких побирающихся будет много, а таких верных людей, как Вендрих, раз-два и обчелся».

Вендрих по тупости своей просто сгноил отправленный голодающим хлеб. Были примеры и похуже. Алабин, председатель самарской губернской земской управы, получив крупные взятки от хлеботорговцев, отправил голодающим гнилую муку, а в некоторые районы – зерно с примесью ядовитых семян куколя и других сорняков. Начались эпидемии, люди гибли от пищевых отравлений. Алабина отдали под суд, но оправдали ввиду его «неумелости»...

Еще один фаворит царя, товарищ министра внутренних дел Гурко, которому было поручено создать резерв зерна, за взятку переуступил свои полномочия иностранцу Лидвалю – а тот вообще сорвал поставки. Наумов, говоря о голоде, особо подчеркивал «неподготовленность административных верхов, их неспособность обеспечить снабжение, учет и размещение по стране имеющих запасов».

Стоит ли удивляться, что с 1908 по 1913 годы в стране было зарегистрировано около двадцати двух тысяч крестьянских выступлений? Революционная агитация тут совершенно ни при чем...

Разумеется, были попытки исправить положение. Даже Д. Ф. Трепов, один из видных консерваторов «царского кружка», предлагал насильственное отторжение части помещичьих земель в пользу крестьян. Дело тут было не в гуманности: Трепов охотно объявлял всем желающим, что он сам помещик не из бедных, но в создавшихся условиях лучше отдать половину, чем потерять все...

Проект отчуждения земель стал прорабатываться. Занимался им Николай Николаевич Кутлер (1859–1924) – русский государственный и политический деятель, юрист по образованию. В 1906 г., занимая пост главноуправляющего землеустройством и земледелием, он предложил (со своими соавторами: профессором-экономистом Кауфманом и директором департамента государственных имуществ Риттихом) передать крестьянам 25 миллионов десятин государственных и помещичьих пахотных земель. Несмотря на то, что с крестьян предусматривался огромный выкуп, даже превосходивший платежи реформы 1861 г., несмотря на то, что к передаче крестьянам были намечены в основном земли «впусте лежащие, а также сдаваемые владельцами в аренду», Николай отклонил проект. На котором, к слову, была примечательная резолюция Витте, в то время еще возглавлявшего правитель-

ство: «Представляется предпочтительным для помещиков поступиться частью земли и обеспечить за собой владение остальной землей, нежели лишиться всего».

Государь император соизволил собственноручно начертать на докладе: «Частная собственность должна оставаться неприкосновенной». И ниже: «Кутлера с его должности сместить».

После революции Кутлер работал в Наркомфине и правлении Госбанка, именно он готовил денежную реформу 1924 года...

Со временем ситуация ухудшилась настолько, что в Россию стали ввозить зерно. Вот именно, ввозить в «житницу Европы». В 1912 г. было ввезено 114 тонн произведенного в Восточной Пруссии зерна. М. Н. Покровский, несправедливо погруженный в забвение историк, один из немногих, кто рассматривал все общественные процессы, в первую очередь, с точки зрения экономики, писал: «Русские потребляющие губернии, главным образом северо-западные – Псковская, Новгородская и т. д., находили более выгодным ввозить дешевую немецкую рожь, нежели покупать отечественную. Это был настоящий скандал».

Вот уж безусловно! Пришлось срочно вводить для германского зерна ограничительные пошлины. Российским зерноторговцам это, как легко догадаться, было только к выгоде – а вот потребитель должен был утешать себя исключительно тем, что его кровные денежки уходят в карман не «тевтонов», а самых что ни на есть православных людей...

Крестьянское недоедание приводило к тому, что при призыве на военную службу из-за физической непригодности освобождалось 48 процентов рекрутов (в Германии – 3 процента, во Франции – один!). В 1911 г. полковник Генерального штаба князь Багратион писал, что из трех парней трудно выбрать одного пригодного для службы, а сорок процентов новобранцев, как оказалось, впервые в жизни ели мясо, поступив на военную службу...

Какой там «хруст французской булки»! Хрустели булками, смачно чавкали ветчиной и пили чай с сахарком лишь те самые «золотые пятнадцать процентов». Остальные даже не жили – выживали.

Когда предлагали отдать половину земли, наша «элита» категорически воспротивилась. И потеряла все, как предупреждали умные люди...

Но, кажется, некоторые любят поминать про якобы небывалый расцвет российской экономики перед революцией. Извольте, посмотрим, как обстояло дело в действительности.

4. Экономика должна быть

Если брать чисто *количественное* выражение, то полное впечатление, что российская экономика и в самом деле неслась вперед семимильными шагами: процент роста огромный, капиталовложения растут. Но тут имелись свои тонкости.

Это были *иностранные* капиталы. И большая часть российской экономики была подмита иностранцами, поскольку им и принадлежала...

В руках иностранных акционерных обществ было 70 % добычи угля в Донбассе: куда ни глянь – сплошные Юзы, Крузы, Болье, Гарриманы... В основном, бельгийцы и французы.

Примерно 90 % добычи платины в России находилось в руках иностранных компаний – как и изрядная доля золотодобычи. Печально известный Ленский расстрел приисковых рабочих в 1912 г., всколыхнувший страну, произошел по причинам отнюдь не политическим. Просто-напросто рабочие, доведенные до крайности скотскими условиями существования, всем коллективом пошли к администрации требовать человеческого обращения, выполнения тогдашних законов. Их расстреляли в упор. Стреляли русские стражники, из русских винтовок, но пули, строго говоря, были английскими – потому что Ленские прииски принадлежали английской золотодобывающей компании «Лена-Голдфилдс». И с русскими рабо-

чими цивилизованные британцы обращались примерно так же, как с неграми в своих африканских колониях...

К 1914 г. иностранным финансовым синдикатам принадлежала примерно половина нефтедобычи и три четверти нефтеторговли.

Монополия, одним словом. И господа французы вели себя, как классические монополисты: диктовали своим предприятиям объемы угледобычи и цены, по которым следовало продавать на российском рынке российский же уголек. Дело это приобрело широкую огласку в печати и в Думе, правительство волей-неволей вынуждено было вмешаться. Прокуратура Петербургской и Харьковской судебных палат успела провести обыски в тамошних конторах синдиката с выемкой документов, подтверждающих, что «угольный голод» был организован умышленно, чтобы сорвать побольше прибыли. К сожалению, дело это пришлось спустить на тормозах: в защиту «Продугля» (так синдикат именовался) моментально выступили крупные французские политики. И царские высокопоставленные чиновники, должно быть, по доброте душевной, дело замяли.

Как обстояло дело на юге России с механическими, сталелитейными, трубопрокатными заводами? Из восемнадцати промышленных акционерных обществ двенадцать полностью принадлежали иностранному капиталу, в остальных шести доля иностранных денег так или иначе присутствовала. «Иностранные» предприятия производили 67 % южнорусского чугуна, 58 % готовых металлоизделий.

Электротехническая промышленность? Германский капитал занимал «почти монопольное положение».

До революции в России было только две компании, специализировавшиеся на производстве резиновых изделий. Одна, «Проводник», принадлежала французам, другая, «Треугольник» (будущий «Красный треугольник») – немцам.

Изрядная доля табачной промышленности была собственностью британской «Дженерал Рашен Табакко Групп». Производство меди – в значительной степени собственность англичан и французов. Производство сельскохозяйственных машин – американцев. В Москве было два общества конно-железных дорог (те самые конки, предшественницы электрического трамвая). Одно полностью бельгийское, второе – русское. Но в 1891 г. бельгийцы захватили прочные позиции и в русском. А когда вместо конки появился трамвай, основной пакет акций оказался в германских руках. Современник писал: «Трамвай и конка – самое выгодное и самое прибыльное коммерческое предприятие. Вот почему иностранные капиталисты, как хищные вороны, стаями налетают на каждый город, где только поднимается вопрос об устройстве конки или трамвая». По его выводам, бельгийская трамвайная концессия и в Харькове, и в Кременчуге, и в других местах обогатила иностранцев, «оставив город таким же грязным, темным и неблагоустроенным, каким он был раньше».

То же самое происходило и в банковском деле. 18 российских банков контролировали 75 % всего капитала – и 40 % акций этих банков принадлежало иностранцам. Принято восхищаться успехами русских инженеров, в кратчайшие сроки построивших Транссибирскую магистраль и Маньчжурскую железную дорогу (КВЖД). В самом деле, есть повод для гордости – вот только большую часть средств на строительство выделили в виде кредита иностранные банки, и, соответственно, часть этих магистралей принадлежала им...

Кстати, о кредитах. Царская Россия *сидела* на кредитной игле даже, пожалуй, прочнее, чем Россия времен позднего Ельцина.

Вот здесь и кроется корень зла! Человек, не посвященный в тонкости бизнеса, может простодушно воскликнуть: «А собственно, что плохого в том, что иностранцы на свои деньги строили у нас заводы и шахты? Какая разница, кому они принадлежали, если они давали работу российским подданным»?!

Ответ простой. Иностранный собственник *вывозит* прибыль к себе домой – и туда же, за границу, уходят проценты по кредитам. А прибыль была потрясающая, какой в Западной Европе ни за что не получишь. Французы и бельгийцы наперегонки и с визгом неслись вкладывать деньги в «русские» акции – потому что получали сорок процентов дивидендов. А у себя дома, между прочим, получали бы два-три...

Уже в 1861–1866 гг. из России вывезли золота не меньше, чем на 455 *миллионов* рублей. В пересчете на драгоценный металл это многие *тонны*... А в 1891–1913 гг., по подсчетам современных экономистов, Россия выплатила процентов по кредитам и погашений по государственным займам на сумму свыше 5 *миллиардов* рублей золотом, в полтора раза *больше*, чем получила. Вывезенная иностранцами прибыль в этот счет не входит. Царский золотой десятирублевик весил семь с лишним граммов. Любой, кому захочется, может подсчитать точно, сколько тонн золота утекло...

Еще несколько цифр. В 1861 г., накануне освобождения крестьян, средний доход на душу населения в России составлял 40 % от германского и 16 % от американского. В 1913 г. – уже только 32 % от германского и 11,5 % от американского.

Одним словом, к 1917 г. Россия была то ли сырьевым придатком, то ли попросту *кормушкой* для Европы, которой в значительной степени и принадлежала. Фактически – колония. Разве что флаг развевался свой, а не французский или британский, да на троне красовался свой монарх, совсем как настоящий – и корона имеется, и горностаевая мантия...

Вот только ни мозгов у него, ни реальной власти, ни умения хоть что-то изменить... Туземный вождь с золотым кольцом в носу, вроде тех, африканских, что отдавали золотоносные земли за бусы и ром...

5. Какое время на дворе – таков мессия...

Да, вот кстати! Мы как-то совершенно обошли вниманием премьера Столыпина. В последние годы принято ссылаться на его реформы, как на спасительные для России, и сокрушаться о его гибели, эти реформы оборвавшей в расцвете...

К сожалению, это очередной миф. Никакой пользы столыпинские реформы не принесли, лишь плеснули немалое количество горючей жидкости в топку революции.

Напомню, в чем там было дело. Столыпин намеревался разрушить крестьянскую общину, своеобразный дореволюционный «колхоз». Дело в том, что при царе *частной* собственности на землю у крестьян не было. Земля принадлежала всей общине, «миру», как тогда говорили. Ее ежегодно делили и перераспределяли общим собранием – по количеству едоков и другим параметрам. Поэтому «своей» земли ни у кого быть не могло: в этом году ты обрабатываешь один участок, а в следующем, очень может быть, произойдет передел, и тебе достанется совершенно другой. По плану Столыпина, всякий крестьянин мог выйти из общины, забрав свой земельный пай, становившийся уже его частной собственностью, и вести хозяйство, ни на кого не оглядываясь и никому не подчиняясь, кроме «законов рынка», которые-де сами все расставят на свои места...

Другими словами, это была попытка «ввести» капитализм. И она провалилась, как проваливаются любые попытки «ввести» что-то искусственным способом... Получилось, как с ваучерами.

На бумаге (и, может быть, в мечтаниях Столыпина) все выглядело гладко и красиво: крестьяне забирают свои участки и понемногу становятся американскими фермерами. Те, у кого не хватает на это денег, берут займы в банке. Кроме того, правительство организует переселение крестьян в Сибирь, где им опять-таки дадут ссуды и земли. Годик-другой, и Россия превратится в страну сытых, довольных и оборотистых фермеров...

В реальности, все оказалось, как водится, и сложнее, и унылее, и разорительнее.

Невозможно переломить *смаху* складывавшиеся веками отношения. Община, конечно, тормозила улучшение обработки земли (какой смысл вносить какие-то усовершенствования на участке, который через год отдадут другому?!), но в то же время она, что немаловажно, брала на себя функции и страхования, и пенсионных выплат, и социального обеспечения. Проще говоря, старых, нетрудоспособных, несовершеннолетних, оставшихся без кормильцев община старательно содержала. В этом ее сила и притягательность. Не зря же в Англии тамошние короли усердно *ломали* общину не менее *трехсот* лет, прежде чем им это удалось. Страну сотрясали мощнейшие восстания, ставившие целью, в первую очередь, сохранение общины – восстания Тайлера, Кета, Кэда, «Благодатное паломничество», «Маусхолдское сообщество»...

Столыпин самонадеянно полагал, что ему удастся одним махом разрушить то, что складывалось столетиями – уклад жизни десятков миллионов людей... Конечно же, такие «большие скачки» обречены на провал!

Оттого хотя бы, что крестьянские хозяйства в России на *треть* были безлошадными, а другая треть располагала одной-единственной лошадью. Ни у каких банков и правительств не хватило бы денег, чтобы поддержать миллионы «фермеров».

Крестьяне в массе своей не хотели ни переселяться к черту на кулички, ни выделяться из общины, подвергая себя всем рискам «свободного плавания». Не стоит забывать, что Россия – страна по климатическим условиям суровая, в одиночку здесь не выживешь, это вам не Калифорния...

Вот несколько характерных примеров. Костромской уезд: «Если вы уже очень хвалите Сибирь, то переселяйтесь туда сами (обращено к властям. – А. Б.). Вас меньше, чем нас, а следовательно, и ломки будет меньше. А землю оставьте нам».

Калужская губерния: «Мы понимаем это дело так: покои веков у нас заведен обычай, что на новое место идет старший брат, а младший остается на корню. Так пускай и теперь поедут в Сибирь или в Азию наши старшие братья, господа помещики, дворяне и богатейшие земледельцы, а мы, младшие, хотим остаться на корню, здесь, в России».

О том, что дело тут отнюдь не в «консерватизме», лучше всего свидетельствует наказ в Государственную Думу крестьян Орловской губернии: «Мы в кабале у помещиков, земли их тесным кольцом окружили наши деревни, они сытеют на наших спинах, а нам есть нечего, требуйте во что бы то ни стало отчуждения земли у частновладельцев-помещиков и раздачи ее безземельным и малоземельным крестьянам. Казенных земель у нас нет, а переселяться на свободные казенные земли в среднеазиатские степи мы не желаем, пусть переселяются туда наши помещики и заводят там образцовые хозяйства, которых мы здесь что-то не видим».

Как видим, крестьяне прекрасно понимали *суть дела*: какой смысл делить общинные земли, если их *мало*? Вновь верх берет старое требование: отдайте *помещичьи*! И ни к чему нам ваши «хутора»...

Вот что писал в свое время митрополит Вениамин (Федченков), бывший главный духовник армии Врангеля, сам происходивший из крестьянской семьи и знавший проблему не понаслышке: «Ему (Столыпину. – А. Б.) приписывалась некоторыми будто бы гениальная спасительная идея земледельческой системы, так называемого „хуторского“ хозяйства; это, по его мнению, должно было укрепить собственнические чувства у крестьян-хуторян и пресечь таким образом революционное брожение... Не знаю, верно ли я сформулировал его идею. Тогда я жил в селе и отчетливо видел, что народ – против нее. И причина была простая. Из существующей площади – даже если бы отнять все другие земли: удельные, помещичьи, церковные и монастырские – нельзя было наделить все миллионы крестьян восьмидесяти-десятидесяти хуторами, да и за них нужно было бы выплачивать. Значит, из более зажиточных мужиков выделилась бы маленькая группочка новых „владельцев“, а массы остались бы по-прежнему малоземельными. В душах же народа лишь увеличилось бы чувство вражды

к привилегиям „новых богачей“... Хутора в народе проваливались. В нашей округе едва нашлось три-четыре семьи, выселившиеся на хутора. Дело замерло, оно было искусственное и ненормальное».

Именно *тем* и кончилось!

Конечно, были и *другие* мужики. О них писал в реферате Вольному экономическому обществу саратовский помещик в 1908 г.: «Вот что говорил „чумазый“: „Купцу и барину земля без надобности, сами землю не пашут и за хозяйством не доглядывают. А бедному мужику земля и вовсе ни к чему: он и с наделом управиться не может... Безземельных и малоземельных наделять – это все барские затеи: надел изгадили и банковскую землю изгадят. Банк землю должен хозяйственным мужикам определять, да не по 13 десятин на двор, а по 50, по 100“».

Беда только, что таких вот крепких, хозяйственных мужиков было очень уж мало, совершенно ничтожный процент от общего числа. Там, где один и в самом деле превратился в некое подобие фермера, сотня обнищала и разорилась полностью, потеряв все, в том числе и землю. Тридцать процентов тех, кто из общины выделился, свою землю продали – и превратились в бездомных бродяг, пополнявших ряды городской «мастеровщины». Вот вам и горячий материал для семнадцатого года! Это именно они поддержали и Февраль, и Октябрь!

А ведь еще в 1906 г. крестьяне Костромской губернии писали в Думу: «Закон этот через 10–15 лет может обезземелить большую часть населения, и надельная земля очутится в руках купцов и состоятельных крестьян-кулаков, а вследствие этого кулацкая кабала с нас не свалится никогда».

Никаких большевиков и близко нет. Это не крестьяне повторяли большевистскую пропаганду – это большевики потом заимствуют крестьянскую терминологию – того же «кулака»!

Деревня раскололась. Там, где один разбогател и занял место прежнего помещика, сотня уходила в город... А ведь до революции оставались считанные годы...

Шестьдесят процентов тех, кто переселился в Сибирь, вернулись обратно – уже окончательно разоренные и безземельные. Вот, что писал о них в своей брошюре в 1913 г. статский советник А. И. Комаров, прослуживший 27 лет в Сибири в лесном ведомстве (между прочим, яростный противник как революции, так и социалистов всех мастей): «Возвращается элемент такого пошиба, которому в будущей революции, если таковая будет, предстоит сыграть страшную роль... Возвращается не тот, что всю жизнь был батраком, возвращается недавний хозяин, тот, кто никогда помыслить не мог, что он и земля могут существовать раздельно, и этот человек, справедливо обьятый кровной обидой за то, что его не сумели устроить, а сумели лишь разорить – этот человек ужасен для всякого государственного строя».

Ну, а те, кто остался в Сибири... Автор этих строк как раз из потомственных сибиряков и историю своей страны знает неплохо. В годы гражданской войны проявилась четкая закономерность: на стороне белых поначалу выступали почти стопроцентно *коренные*, за красных же почти поголовно были столыпинские переселенцы. Низкий поклон вам, господин Столыпин, от сибиряков за всю кровавую смуту, что вы к нам занесли...

В общем, по справедливому замечанию Б. Кагарлицкого, новые проблемы и противоречия наложились на нерешенные старые. Только и всего.

И нелишним будет упомянуть о кровавых столыпинских нововведениях. Именно по его настоянию царь подписал печально известный указ о военно-полевых судах, «скорострельных», как их тогда именовали.

Несколько тысяч человек распрощались с жизнью именно из-за этих «реформ». Достаточно было объявить ту или иную губернию на военном положении (а на таковом в то время пребывали три четверти губерний), как определенная категория уголовных дел переходила

в ведение военно-полевых судов, состоявших исключительно из *обычных* строевых офицеров (без привлечения военных юристов). Суд совершался не позднее 48 часов после ареста подозреваемого, и приговор (большей частью к виселице) должен был приводиться в исполнение не позднее 24 часов с момента внесения. Это означает, что ни о каком серьезном расследовании не могло быть и речи. Это означает, что гибли, в основном, невинные. Это означает, что цель была одна – *запугать*.

Террористов, без сомнения, следовало вешать. В царской России с этой публикой обходились nepозволительно мягко, порой по самым идиотским причинам сохраняя жизнь законченным убийцам. Но что могли понимать в уликах и доказательствах два-три строевых офицера, не умевших произвести простейшие следственные процедуры?!

Незадачливый и удачливый вешатель, Столыпин еще при жизни стал политическим трупом. Его уход в отставку был вопросом считанных дней. Царь откровенно ненавидел премьера. В. Пикуль не выдумал знаменитую сцену на киевском вокзале, а заимствовал ее из мемуаров очевидцев: прибывает царский поезд, император и сановники рассаживаются по экипажам, но премьер-министр в одиночестве остается на перроне, потому что ему не «забронировали» заранее конкретного места в карете. Адъютант сбегал куда-то, за свои деньги нанял извозчика, и покатил премьер в полном одиночестве на скрипучей пролетке вслед за пышным императорским кортежем...

Очень уж не любил Николай тех, кто его «заслонял»! Кем было организовано убийство Столыпина, не сомневались уже тогда. Сказочка о «злокозненном жиде Мордке», то ли по собственной прихоти, то ли по воле некоего жидомасонского подполья убившем «спасителя России» – байки для убогих. Во-первых, реформы Столыпина Россию не спасли, лишь прибавили смуты и тяжелых противоречий туда, где их и без того было изрядно. Во-вторых, дворцовым консерваторам из ближайшего окружения царя Столыпин был неугоден даже больше, чем большевикам и прочим социалистам. Деникин писал: «Слева Столыпина считали реакционером, справа (придворные круги, правый сектор Государственного Совета, объединенное дворянство) – опасным революционером». Хозяйка знаменитого светского салона, дочь егермейстера двора А. Богданович писала в своем дневнике: «...Столыпина, убитого никем иным, как охраной (т. е. Охранным отделением. – А. Б.)...». Светская дама лишь зафиксировала на бумаге то, что говорили совершенно открыто. То, что в Столыпина стрелял еврей – дело десятое. Кто-то уже тогда умел прекрасно *отводить* глаза, направляя общественный гнев в сторону «сицилистов» и «жидов». А меж тем иные исследователи давненько уже твердят, что рана Столыпина, по всем описаниям, была самая пустяковая, и то, что он от нее все же умер, предельно странно...

В общем, о том, что Столыпин был убит в результате заговора, чьи ниточки тянутся под балдахин трона, написано много, и я не хочу повторяться. Скажу лишь еще раз: по всем данным, реформы Столыпина ничему не могли помочь и ничего не могли спасти, они лишь подбросили хвороста в костер.

Перейдем лучше к следующему этапу – к одному из самых живучих и стойких российских мифов, перекочевавших их царской России в Советский Союз, а после развала Союза до сих пор так и не сгнувшего. К мифу о высоком предназначении, высокой миссии и духовном превосходстве так называемой русской «интеллигенции». О той страшной роли, которую эта разновидность фауны сыграла в трагедии России...

6. Мелкие бесы

Советский энциклопедический словарь 1988 г. определяет «интеллигенцию» как «Обществ. слой людей, профессионально занимающихся умственным, преим. сложным,

творческим трудом, развитием и распространением культуры. Термин „И“ введен писателем П. Д. Боборыкиным в 60-е гг. 19 в.».

Вопросы возникают мгновенно: к чему было выдумывать какой-то особый термин, не существовавший доселе ни в одном языке, если неплохи были и старые: «ученый», «интеллектуал», «человек искусства»? И как быть, если человек, «профессионально занимающийся сложным творческим трудом», тем не менее категорически отказывается признавать себя «интеллигентом»? У Л. Н. Гумилева (интеллектуал!) однажды спросил телеинтервьюер:

– Лев Николаевич, вы – интеллигент?

И взвился Гумилев:

– Боже меня сохрани! Нынешняя интеллигенция – это такая духовная секта. Что характерно: ничего не знают, ничего не умеют, но обо всем судят и совершенно не приемлют инакомыслия.

Довольно недвусмысленно сказано, не правда ли? Следует сделать одно серьезное уточнение: из гневной тирады Гумилева следовало бы решительно исключить слово «нынешняя». Поскольку интеллигенция *всегда* такой и была. Незадачливая подруга Есенина Галина Бениславская записочку к Эрлиху закончила примечательно: «Интеллигент вы, а не человек, вот что». Неровные строчки, нацарапанные пьяной девчонкой, любопытным образом перекликаются со словами из статьи М. О. Гершензона, написанной в 1909 г.: «Одно, что мы можем сказать русскому интеллигенту, это – постарайся стать человеком».

Что же это за существо такое – «интеллигент», если ему иные умные люди даже в праве называться человеком и то отказывают?!

Составитель нескольких книг политических анекдотов Ю. Боров, в отличие от предыдущих ораторов, разливается соловьем: «Интеллигент – это человек, у которого духовные интересы превалируют над материальными, жизненная цель которого – не обогащение, а служение общенародным и общечеловеческим идеалам. Интеллигент – это человек, который сосредоточен на метафизических проблемах бытия (их приоритете по отношению к практическим вопросам) и на высших его загадках (жизнь, смерть, любовь, власть, справедливость). Интеллигент – это человек, чувствующий свою ответственность за историю, за все, что происходит в мире, это творчески инициативный человек, обладающий неподвольным мышлением и самосознанием».

Г-н Боров забыл только уточнить – а как фамилия этого человека? Лично я, во всяком случае, не могу ассоциировать эти пышные словеса ни с одной известной мне мало-мальски заметной (и мелкой тоже) персоной, которая считается «интеллигентом». Кстати, сам г-н Боров, судя по его собственным писаниям, «ответственности за историю», безусловно, не чувствует. Потому что в той же книге сообщил нам следующий потрясающий факт: «В эпоху Ивана Грозного население Руси уменьшилось втрое».

В каком душевном состоянии нужно пребывать, чтобы бестрепетно такое вывести? Для справки: в эпоху Грозного население Московского царства составляло несколько *миллионов* человек. Число жертв Грозного, по самым пессимистическим подсчетам, не превышает пятнадцати *тысяч*. Так-то. Интеллигент и знания – две вещи несовместные...

Г-н Боров поет осанну интеллигенции, соловьем разливается. Но поневоле вспоминаются слова дореволюционного мыслителя Г. Федотова: интеллигенция – это специфическая группа, «объединяемая идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей». Что подтвердил один перестроечный публицист, без колебаний причислявший себя к интеллигенции: «Интеллигент – это псевдоним для некоего типа личности... людей определенного склада мысли и определенных политических взглядов».

В. И. Ленин, как известно, насмехался над интеллигенцией, «полагающей себя мозгом нации. На деле, она не мозг, а говно». Мао Цзе-Дун интеллигенцию называл «самой умственно недоразвитой частью нации». Если кто-то не пожелает принимать за истину мне-

ние коммунистических вождей, извольте цитату из белогвардейца и монархиста Ивана Соловевича: «Русская интеллигенция есть самый страшный враг русского народа»...

Но рассмотрим историю вопроса подробно. Она и в самом деле берет начало в 60-е гг. XIX в. По свидетельству камергера Д. Н. Любимова, «в связи с проектом какого-то циркуляра министерства внутренних дел, где упоминалась русская интеллигенция, Победоносцев писал Плеве: „Ради бога, исключите слова „русская интеллигенция“. Ведь такого слова „интеллигенция“ по-русски нет, бог знает, кто его выдумал, и бог знает, что сие означает...“».

Победоносцев, выдающийся публицист и мыслитель, в данном случае оказался не прав. Министр внутренних дел Плеве изучил вопрос и пришел к выводу, что термин «интеллигенция» все же означает некое вполне определенное понятие – никоим образом не отождествлявшееся, однако, с понятием «образованная часть населения». Сын камергера Любимова охарактеризовал интеллигенцию так: «Прослойка между народом и дворянством, лишенная присущего народу хорошего вкуса». Прослойка, начавшая формироваться в первые годы царствования Александра II и очень быстро превратившаяся в «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя». Одиночки-Базаровы, плодясь, как амебы, превратились в нечто жуткое... Лишенное не только «хорошего вкуса», но и подлинной образованности, и способности мыслить логически, и патриотизма, и умения сделать хоть что-то полезное.

Они были – *разрушители*. Тот, кто не способен ничего создать, смысл своего существования видит в разрушении, но при этом пытается доказать окружающему миру, что он именно строит – «прогрессивное», «новое»...

Министр внутренних дел Плеве (впоследствии подорван террористами) говорил Любимову-старшему: «Та часть нашей общественности, в общезнании именуемая русской интеллигенцией, имеет одну, преимущественно ей присущую особенность: она принципиально и притом восторженно воспринимает всякую идею, всякий факт, даже слух, направленные к дискредитации государственной, а также духовно-православной власти, ко всему же остальному в жизни страны она индифферентна». В 1912 г., уже после смерти Плеве, Генерального штаба генерал-майор, военный историк Е. И. Мартынов (впоследствии убит большевиками) написал не менее горькие строки: «Попробуйте задать нашим интеллигентам вопросы: что такое война, патриотизм, армия, военная специальность, воинская доблесть? Десяносто из ста ответят вам: война – преступление, патриотизм – пережиток старины, армия – главный тормоз прогресса, военная специальность – позорное ремесло, воинская доблесть – проявление глупости и зверства...».

Стоит ли удивляться, что в 1905 г. русские интеллигенты отправляли телеграммы японскому императору, поздравляя его с победой над Россией? Логика проста: чем хуже для России, тем лучше для грядущей революции...

Это был закономерный результат примерно тридцатилетней вакханалии террора и пропаганды разрушения всего и вся, буйствовавшей в России с 70-х годов XIX века.

Поначалу никто не думал о пистолетах, динамите и кинжалах. Теоретики из организации «Народная воля» решили добиться крушения ненавистного царизма, просвещая и агитируя крестьянство. Беда только в том, что *настоящего* крестьянства, его желаний и образа мыслей образованные господа просто-напросто не знали. Вот характерное признание в мемуарах одного из них (фамилия и национальность не имеют в данном случае никакого значения, поскольку речь идет о типичнейшей фигуре): «Народа я не знал, так как родился в городе, деревни почти не видел, да, кроме того, я был чужим этому народу по крови. Русскую историю я тоже плохо знал. Признаться, не любил я ее. Уж очень скучной она мне казалась. И я, такой любознательный и прилежный, прочитавший так много по истории революционных движений на Западе, ничего не читал по русской истории. Мне казалось, что она ничего не может сказать ни моему уму, ни моему сердцу».

Эту проблему наш революционер разрешил очень просто: завалил свой стол трудами русских историков, пару месяцев их усиленно штудировал, потом решил, что теоретически он теперь абсолютно подкован – и кинулся агитировать народ.

То, что он был евреем, никакой роли не играет. Есть двухтомные интереснейшие мемуары стопроцентного русского Н. А. Морозова, одного из руководителей «Народной воли», сына (хотя и незаконного) богатого помещика. *Этот* родился в деревне, в имении – но крестьянства опять-таки не знал, как и его славянские друзья, почти сплошь благородные дворяне либо помещики вроде Лизогуба, потратившего «на революцию» свое несметное состояние...

Им отчего-то стукнуло в голову, что русский мужик спит и видит две заветные мечты: во-первых, скинуть царя, во-вторых, после прихода свободы немедленно устроить нечто вроде описанных французским фантазером Фурье «фаланстеров»: всю землю сделать общей и коллективно работать на ней с песнями, поселившись опять-таки в общежитии.

Основываясь только на этом, они и *начали!*

Они написали суконным языком, который почитали за «народный», кучу примитивных брошюрок, напечатали их в тайных типографиях и отправились «в народ» распространять свои идеи. При этом неумело переодеваясь в «народные костюмы», отчего получалась сущая комедия. Морозов сам вспоминает, как озадаченно скреб в затылке один из его друзей, когда агитатор впервые показался ряженым:

– Черт знает что! Посмотришь сзади – натуральный рабочий. Посмотришь спереди – переряженная мужичком актриса...

Интереснейшее чтение – мемуары Морозова! Категорически рекомендую!

Очень быстро незадачливые агитаторы убедились, что сложившиеся у них в башке идиллические картинки ничего общего не имеют с грубой реальностью. Во-первых, мужичок, если кого и ненавидел, так это местных мелких начальников, а к царю относился со всем почтением. Во-вторых, этот самый мужичок мечтал не о том, чтобы колоннами шествовать на «общие» поля и жить в общаге, а хотел всего-навсего прирезать *себе* еще землицы, да побольше, и хозяйствовать на ней полновластным собственником, без всяких фаланстеров...

Книжки мужики, правда, брали охотно – и просили приносить новые, как можно толще. Спервоначально народовольцы умилились этакой тяге к просвещению, но очень быстро настойчивые просьбы «потолще да потолще!» их насторожили. И выяснялась ужасная вещь: мужик, даже грамотный, агитационных брошюрок не читает вообще. Пускает бумагу на сигарки или находит ей еще более прозаическое применение... Естественно, ему нужны книжки потолще...

Увлекательнейшее чтение – записки Морозова! Романтический юноша впервые попал «в народ», смотрит прямо-таки глазами марсианина. И на каждом шагу убеждается, что кабинетные схемы не имеют ничего общего с реальностью. Народовольцы, например, отчего-то решили, что хлебороб считает городского ремесленника отбросом общества, но мужики, оказывается, питают нескрываемое уважение к владеющему специальностью горожанину. По подложному паспорту Морозов – печник, но работает лесорубом (неумело, конечно). Крестьяне удивлены несказанно – у человека престижная профессия, а он дурака валяет... Морозов лепечет, что он-де ищет в деревенской жизни высшего совершенства и истины, что вызывает у мужиков искреннее недоумение. «Сектант, поди, какой», – наконец выносят они вердикт и успокаиваются, решив для себя загадку...

Вот «печника» самым наглым образом обсчитала разбитная кабатчица, и юноша задает себе резонный вопрос: «Неужели после установления всеобщей свободы эта хитрая баба станет святой Лукрецией?».

А это они отчего-то полагали, что «казнь тирана-императора» и провозглашение всех и всяческих свобод автоматически приведут к молниеносному перерождению бывшего «темного народа», и в России тут же воцарится всеобщая братская любовь...

Тут бы и остановиться, тут бы и задуматься: если реальная жизнь ничуть не похожа на ту, что народники о ней нафантазировали, не честнее ли забыть о прокламациях и дурацкой агитации?

Наоборот!

Народовольцы принимают другую программу действий: если народ темен, туп и не понимает своего счастья, его надо *победить* (подлинное выражение одного из теоретиков). Некий Зайцев пишет: коли уж выяснилось, что народ «туп и глуп», то «не следует ставить его на пьедестал», а следует... «действовать против него решительно»!

Никаких большевиков еще и близко нет! Ленин с Троцким еще сучат ножонками и писаются в пеленки, Дзержинский по крайнему малолетству еще даже кошек не мучает. А «прогрессивные революционеры» уже решают железной рукой повести народ к счастью вопреки его воле...

И начинается! Рождаются самые идиотские проекты: то устроить еврейский погром, чтобы народишко почувствовал вкус к бунту; то поджечь леса и свалить на помещиков, недовольных освобождением крестьян; то написать золотыми буквами поддельную царскую грамоту с призывом уничтожить помещиков, и читать ее крестьянам под видом посланцев «из дворца»...

Какое-то время по инерции еще продолжается «хождение в народ», но мужики, не мудрствуя, берут переряженных господ за шкуру и сдают полиции.

Тогда-то и начинается стрельба... Кровь алая!

1878 г. Генерал Трепов, один из высоких полицейских чинов, велел высечь политического заключенного – что, конечно, не назовешь пристойным поступком. Но реакция на него несоразмерна – юная Верочка Засулич, дворянка из богатой и знатной семьи, всаживает в Трепова шесть пуль из револьвера. Ее судят и... оправдывают! В любой европейской стране девицу вмиг *закатали* бы в каторгу до конца жизни, но в России присяжные ее оправдывают при откровенном попустительстве председателя судебной палаты Кони, а собравшаяся на улице толпа встречает террористку громом оваций...

Это категорический *перелом* в общественном сознании, искорка, из которой разгорится пламя, охватившее после всю Россию...

Трезвомыслящие люди, конечно, остались. Вот выдержки из писем того времени: «По-нашему, все эти „балаганных дел мастера“, изменники: Кони, председатель, судивший Засулич, Александров, защищавший ее, прокурор, столь бережно обвинявший ее, присяжные, оправдавшие ее... как юродивые и изменники, должны быть казнены или сосланы в каторгу». «Сенаторы, и многие тузы прямо играют в руку социалистам... довольно кокетничать с так называемыми либералами, пора замазать им рот, кто бы они ни были, сенаторы ли, председатели ли судов...».

К сожалению, возобладали *другие* настроения. Вера Засулич стала кумиром образованной публики. Кони получил нешуточное повышение в судебной системе. Охотнорядские мясники, кулаками разогнавшие демонстрацию буянивших студентов, на много лет вперед ославили себя, став символом самой темной реакции...

Буквально через год народоволец Соловьев стрелял в императора! И началась пятнадцатилетняя «дикая охота» за Александром II. Степан Халтурин устраивает взрыв в Зимнем дворце – но свою фамилию оправдывает полностью, и получается полная халтура: царь не пострадал, но погибли несколько десятков человек из самого что ни на есть простого народа, солдаты и слуги. Это никого не останавливает, случайные жертвы преспокойно списывают в «неизбежные издержки». Самое страшное, что появляется целое сословие «профессиональ-

ных революционеров», видящих смысл жизни исключительно в борьбе любыми средствами против всего и всех, что только стоит у них на дороге...

Уже после Октября знаменитейший террорист Камо, заполняя очередную анкету, на вопрос, какие специальности знает, простодушно ответил: «революционер».

Он был всего-навсего *последышем*. Во второй половине 19 столетия сформировалась целая когорта подобных «профи». И не обязательно русских. Вот вам великолепный образчик: Людвиг Мерославский, (1814–1878), «генерал» поляк. Понятно еще, когда он не пропускает ни единого мятежа в родной Польше – 1830, 1846, 1848, 1863 – где бы они ни происходили, на отошедших к России польских территориях, или в Германии и Австрии. Но он еще неведомо за каким чертом участвует в «революциях» на Сицилии и в Бадене.

И таких – множество. Итальянец Джузеппе Гарибальди лихо скачет на лошадке посреди всевозможных войнушек и переворотов в Южной Америке, поляки командуют венгерскими полками во время тамошней «революции», русские нигилисты и польские шляхтичи цедят кровушку в рядах Парижской коммуны. Стоит где-нибудь в Европе появиться баррикадам, стоит разгореться очередной заварушке, как туда моментально слетаются профессиональные революционеры...

Они *больные*! Они уже просто не могут иначе, им все равно, за что драться и на каком языке гомонят вокруг инсургенты – лишь бы драться!

Сохранились любопытнейшие воспоминания французского барона де Невилля, активного агента роялистского подполья. Франция тогда более четверти века – с момента революции до падения Наполеона – жила в атмосфере повсеместных заговоров, шмыганья всевозможных тайных агентов, бомбистов и агитаторов, иностранных шпионов, двойных и тройных агентов, попросту авантюристов. Так вот, однажды барон по какому-то очередному секретному делу отправился на лодочке в Англию к «королю Людовику», тогда еще просто принцу в эмиграции. С бароном плыл знаменитейший Шарль Кадудаль, глава шуанов – «лесных братьев», партизан-монархистов. И, как вспоминает де Невилль, Кадудаль, до того о чем-то сосредоточенно размышлявший, вдруг сказал:

– Знаешь, что нужно посоветовать королю? Мы должны посоветовать ему арестовать нас обоих, ведь мы никогда не сможем стать кем-то иным, так и останемся заговорщиками. На нас просто лежит эта печать.

Кадудаль подметил точно: подобный образ жизни *отравляет* человека навсегда. Запомните хорошенько, мы еще вернемся позже и к менталитету «профессиональных революционеров», и к традициям, в соответствии с которыми они завещали действовать своим последователям...

В России льется кровь. Убивают жандармских офицеров и сановников, убивают в конце концов бомбой императора Александра – за день до того, как он должен был подписать первую в России конституцию! Все это уже получило солидное теоретическое обоснование: Писарев, Лавров, Бакунин и Ткачев наперегонки зовут к топору и огню, разрушая в мозгах сограждан все прежние «предрассудки». Образчик разглагольствований Бакунина: «Надо разорить, ограбить и уничтожить дворянство, и теперь уже не только одно дворянство, но и ту довольно значительную часть купечества и кулаков из народа, которые, пользуясь новыми льготами, в свою очередь стали помещиками...».

Ленину еще *месяц* от роду! Но план борьбы с кулачеством уже имеется!

Нечаев пропагандирует еще более людоедские установки: узкая группа революционеров, не связанных никакой моралью, слепо повинующаяся приказам неведомого никому «центра», все средства хороши...

Они и друг друга не щадят! По малейшему подозрению... Нечаев с друзьями убили сотоварища, студента Иванова – был неудобен для «общего дела», слепо повиноваться не хотел, задавал неудобные вопросы... На каторге в Каре повесили своего коллегу П. Г. Успен-

ского (между прочим, мужа сестры Засулич) – по подозрению в «шпионстве» (как выяснилось, ошибочному).

Сохранилась жуткая фотография. На ней страшно изуродованный человек – народо-волец Горинович.

В 1876 г. друзья по подполью заподозрили его в предательстве (как выяснилось потом – опять безосновательно) и облили в воспитательных целях серной кислотой...

Александр III довольно жесткими мерами, не церемонясь, сбил волну террора.

Между прочим, это именно ему принадлежит определение «гнилая интеллигенция», а вовсе не Ленину и не Сталину. Дело в том, что после убийства его отца либеральная пресса начала взмахивать требовать от нового императора... помиловать убийц! Мотив был следующий: либералы на полном серьезе уверяли, что-де те самые профессиональные революционеры, растроганные милосердием самодержца, устыдятся своих людоедских наклонностей и добровольно откажутся от террора, да и всех своих боевиков убедят... Прочитав этот бред, Александр и обронил слова о «гнилой интеллигенции». Источник достовернейший – фрейлина высочайшего двора Тютчева, дочь поэта.

Между прочим, у знаменитого русского поэта Афанасия Фета была примечательная привычка. В течение многих лет он, проезжая по Москве, каждый день приказывал кучеру остановиться возле университета, опускал стекло кареты и плевал в сторону «цитадели знаний». Об этом рассказывает в мемуарах сестра А. П. Чехова. Современный комментатор (интеллигент, ага!) охарактеризовал действия Фета как «злое невежество».

Увы, когда на престоле оказался тряпка Николай, гангрена стала распространяться вновь. Общество было охвачено какой-то жуткой паранойей либерализма и саморазрушения.

Вот вам характерный пример. В феврале 1899 г. ректор Санкт-Петербургского университета вывешивает объявление, где пишет: в прежние годы студенты при наступлении каникул учиняли в пьяном состоянии групповые беспорядки в общественных местах, а посему он, ректор, ставит это господам студентам на вид и предупреждает, что в нынешнем году полиция намерена гасить в зародыше подобные шалости. О революционных идеях, вообще о политике – ни слова. Но господа юные интеллигенты, ужасно обиженные столь явным посягательством царского сатрапа на права личности, выходят толпой на улицу – митинговать. Полиция, понятно, принимает надлежащие меры. Тогда к студенческой забастовке подключаются все высшие учебные заведения империи и бастуют два месяца. Первоначальная причина давным-давно забыта, идет бунт ради бунта, ради того только, чтобы кричать против *системы*...

И террор разгорается, ширится. Встает заря угрюмая с дымами в вышине...

Начинаются грабежи – «экспроприации» (исторической справедливости ради стоит уточнить, что первыми, задолго до большевиков, «эксами» занялись эсеры). Тут уж, как легко догадаться, полное раздолье тому уголовному элементу, кто сообразил не просто подламывать купеческие кассы, а объявлять это идейным прорывом. Именно тогда и начинается *слияние* всех и всяческих революционных элементов, не одних только большевиков, с криминалитетом.

Гремят выстрелы и рвутся бомбы. Эсеры тут оказываются впереди – настолько, что все другие партии плетутся далеко позади. Печальный список велик: министры внутренних дел Сипягин и Плеве, великий князь Сергей Александрович, министр просвещения Боголепов. А кроме них – 33 губернатора, генерал-губернатора и вице-губернатора, 16 градоначальников, начальников охранных отделений, полицмейстеров, прокуроров, помощников прокуроров, начальников сыскных отделений, 24 начальника тюрем, тюремных управлений, околоточных и тюремных надзирателей, 26 приставов, исправников и их помощников, 7 генералов и адмиралов, 15 полковников, 68 присяжных поверенных, 26 агентов охранного отделения.

А кроме того, несколько сотен людей попроще – городских, солдат и просто тех, кто случайно оказался не в том месте и не в то время...

Это все – эсеры, во главе которых стоял «спортсмен революции» Борис Савинков, которого большевик Радек даже в 1925 г., на суде над ним, назвал «Гамлетом».

Гамлет был, надо признать, второй свежести. Трепач и позер, любитель вкусно пожрать и потискать красоток. Своими *собственными* руками убил одного-единственного городского – по достоверным данным, пожилого и безоружного. Зато, как писал великий князь Александр Михайлович, Савинков «умел разыскивать истерических молодцов, падких до его красноречия и готовых умереть за революцию. И они действительно погибали, а тем временем Савинков благополучно выбрался в Париж, чтобы продолжить свою приятную жизнь. Там он боролся со всеми существующими правительствами, сидя ежедневно с 12 до 2 в ресторане Ларю и запивая воспоминания о своих чудесных побегах бутылкой превосходного бордосского».

Савинков – ярчайший представитель тех отмеченных *печатью*, о которых говорил Кадудаль. По достовернейшим сведениям, он сам признавался в восемнадцатом году одному знакомому:

– Революция и контрреволюция мне безразличны. Я жажду действия! Единственное мое желание, это дать работу самодовольным бездельникам, которые слоняются на задворках без толка...

И он давал работу... Готовил покушения на великих князей и царя, потом при Временном правительстве готовил против одного заговор совместно с генералом Корниловым, потом продал Корнилова «временным», потом работал против большевиков как платный агент полудюжины разведок, от английской до польской, потом, когда чекисты его переиграли и заманили в СССР, быстренько покаялся и готов был принести любые клятвы, лишь бы только большевики вновь дали ему возможность *работать* по единственной специальности, которой он владел, – убивать и разрушать. Они не дали. И совершенно неинтересно, по моему, чекисты ли выкинули Савинкова в окно за шкурку, или он сам выкинулся, понявши, что вместо «работы» ему придется мять нары...

Еще в 1941 г. Сталин будет *достреливать* постаревших и поседевших эсеровских боевиков – на всякий случай, в профилактических целях, надо полагать. От профессиональных разрушителей только так и следует избавляться...

Подробность пикантная: все эти годы правой рукой Савинкова был агент охранного отделения Азеф.

Подробность шизофреническая: пока Савинков после очередного побега или теракта отдыхал в парижских кабаках, в России совершенно свободно издавались его романы и еженедельные газетные статьи! И солидные гонорары старательно Савинкову перечислялись – как Троцкому, Чернову и другим революционерам. Бред какой-то...

И повсюду, и каждодневно русская интеллигенция с поразительной быстротой выступала в защиту бомбистов и прочих революционных убийц!

14 мая 1906 г. в Севастополе брошена бомба в коменданта города генерала Неплюева. Генерал уцелел, но погибли восемь случайных прохожих (в том числе водителей), несколько десятков человек ранены. Но депутаты Государственной Думы публично именуют суд над схваченными на месте преступления бомбистами «кровопролитием», а левая печать призывает родственников погибших «отбросить эмоции» и понять, что их близкие погибли по чистой случайности, во имя «святого дела»...

Сплошь и рядом жертвами террора становятся люди непричастные. Летом 1906 г. в Петергофе вместо генерала Трепова убили генерала Козлова. В Пензе вместо жандармского генерала Прозоровского по ошибке убили пехотного генерала Лиссовского. В Киеве вместо жандармского генерала Новицкого ударили ножом отставного армейского генерала. терро-

ристка, дочь якутского вице-губернатора, отправленная в швейцарский санаторий подлечить голову, прямо там же, в лечебнице, *жахнула* из браунинга немецкого купца – он имел несчастье быть похожим на министра внутренних дел Дурново. Ну, стали лечить дальше, только браунинг отобрали...

Английская исследовательница революционного террора в России Анна Гейфман приводит множество жутчайших примеров. В Киеве бросают заподозренных в «шпионстве» в бак с кипящей водой. В Прибалтике «лесные братья» уродуют трупы убитых ими солдат и полицейских. Несколько членов Польской Социалистической партии заподозренному в предательстве собрату отрезали нос и уши.

Самое страшное, что этим заразились и *подростки*. Тут уже не разобрать, где патология, а где простое помрачение ума под воздействием массированной революционной пропаганды. В городе Беле гимназист Ригель категорически отказывается участвовать в ученических забастовках. Два юных «революционера» плескают ему в лицо серной кислотой. Ученик реального училища Чайковский, исключенный за неуспеваемость, украл у отца револьвер и пошел стреляться, но встретил на улице своего учителя – и бабахнул в него...

Господа революционеры, кстати, использовали малолетних на всю катушку – поручали следить за жандармами, перевозить взрывчатку и оружие. А в той же Прибалтике попросту нанимали подростков, платя по полтиннику за *убийство* (не по пятьдесят рублей, а по пятьдесят копеек!).

Здесь уже не имели значения ни национальность, ни вера. В Белоруссии боевики из «еврейской самообороны» обстреляли из пистолетов католический крестный ход – но несколькими днями спустя некий Фридман бросил бомбу в белостокскую синагогу. Там же, в синагоге, Нисан Фарбер застрелил Кагана – как «буржуя». Оба террориста принадлежали к партии анархистов. В «черте оседлости» против состоятельных евреев их соплеменники боролись ничуть не менее ожесточенно, чем их собратья по революции славянского происхождения... И деньги на революцию вымогали столь же усердно у единоверцев. Да впрочем, какая там вера – сплошь и рядом перед казнью русские отказывались от услуг священника, евреи – раввина. Вера у них была одна – разрушение...

В Сибири, в Томске, боевики (совершенно неважно, которой партии) начали палить из револьверов по крестному ходу. Его участники кинулись на революционеров, отобрали оружие, загнали «леваков» в здание Народного дома, каковое сгоряча и подожгли, мстя за убитых и раненых. «Прогрессивная печать» окрестила эти события... «зверствами черносотенцев».

Эсерка Мария Спиридонова убила на улице гражданского чиновника. Из тюрьмы переправила на волю бредовое письмо, обвиняя допрашивавших ее жандармов в пытках и изнасиловании. Поднялся газетный вой. Позже, на суде, она отказалась от своих обвинений, к тому же учиненная по горячим следам экспертиза не обнаружила ни малейших следов пыток и констатировала, что девственность юной фурии никоим образом не нарушена. Но оба офицера уже были застрелены боевиками...

Только за первые шесть месяцев 1906 г. революционерами всех мастей убито 499 человек, но Дума, к совершеннейшему недоумению иностранных журналистов, пытается протащить закон об амнистии за *любые* преступления, если только они имели политический характер!

Не зря С. Ю. Витте констатировал «какой-то особый вид умственного помешательства масс». Он писал: «Для меня было ясно, что опереться на прессу невозможно и что пресса совершенно деморализована. Единственные газеты, которые не были деморализованы – это крайне левые, но пресса эта открыто проповедовала архидемократическую республику... Ожидать помощи от помутившейся прессы я не мог». Он же в письме министру юстиции М. Г. Якимову подчеркивал «тот огромный государственный вред, который порождается наблю-

даемым ныне в современной печати непрерывным извращением фактов, распространением самых разнообразных слухов – можно сказать, целой системой воспитания общественной мысли в дебрях, частью – преднамеренной, частью – бессознательной лжи».

А впрочем, Витте и сам не без греха. Среди высшей знати в Петербурге кружили очень уж настойчивые слухи, что убитый эсером Сазоновым министр внутренних дел Плеве как раз и собрал «убойное» досье на Витте о серьезных грешках последнего, каковое собирался представить императору. А бывший начальник Департамента полиции Лопухин писал в своих мемуарах, что Витте предлагал ему устроить покушение... на царя.

Лопухин, конечно, личность грязенькая – именно он в свое время выдавал революционерам глубоко законспирированных агентов. Да и улик нет, одни разговоры. Но все же... Нет ничего необычного в том, что Витте и в самом деле пытался использовать кое-какие *закулисные* методы, чтобы вновь прорваться к креслу премьер-министра. Подобных примеров в истории предостаточно: там, где в причудливом переплетении встречаются интересы террористов и секретных служб, возможны самые неожиданные комбинации, за бомбами, брошенными в сановников ничего не подозревающими рядовыми боевиками, иногда стоят самые неожиданные интересы. Убийство Столыпина – яркий пример...

Философ Розанов писал с горечью: «Русская печать и общество, не стой у них поперек горла „правительство“, разорвали бы на клоки Россию, и раздали бы эти клоки соседям даже и не за деньги, а просто за „рюмочку“ похвалы. И вот отчего без решительности и колебания нужно прямо становиться на сторону „бездарного правительства“, которое все-таки одно только все охраняет и оберегает».

Но подобные голоса были редки, и их не слышали за всеобщим «прогрессивным» ревом. Считалось само собой разумеющимся, что человек из «образованного общества» должен желать поражения России в японской войне. Купец, эмигрант П. Бурышкин с горечью пишет в своих воспоминаниях, что «образованное общество», проявляло фантастическое равнодушие к деятельности и нуждам российских предпринимателей, купцов, заводчиков. «Купчина толстопузый» был лишь персонажем фельетонов и карикатур.

Вновь слово великому князю Александру Михайловичу: «Личные качества человека не считались ни во что, если он устно или печатно не выражал своей враждебности существующему строю. Об ученом или писателе, артисте или музыканте, художнике или инженере судили не по их даровитости, а по степени радикальных убеждений».

И далее он подробно разбирает этот тезис на примере философа Розанова, публициста Меньшикова и писателя Лескова.

Европейская литературная критика ставила Лескова даже выше Достоевского – но *дома* Лескова подвергали форменной травле и бойкоту, так что ему приходилось издавать иные свои книги за собственный счет, малыми тиражами. Как же иначе, если он к нигилистам относился резко отрицательно и даже осмелился вывести их в одном из своих романов в неподобающем для «образованного общества» виде...

Точно также травили и Меньшикова. Розанова при жизни не печатали, замалчивали. Уже перед первой мировой войной знаменитый издатель Сытин принял писателя в свою газету «Русское слово» – правда, учитывая «общее умонастроение», договорились, что Розанов будет печататься под псевдонимом. Тайна псевдонима, однако, оказалась раскрытой, и к Сытину явилась депутация сотрудников, предъявившая ультиматум: либо все они уходят, либо уберут Розанова.

Сытин в полной растерянности спросил:

– Но, господа, вы ведь не можете отрицать гения Розанова?

Господа интеллигенты ответили примечательно:

– Мы не интересуемся, гений он или нет. Розанов – реакционер, и мы не можем с ним работать в одной газете!

И выжили-таки, паскуды...

Все это скопище *бесов*, правивших бал, никак не отнести к «бездарностям». К превеликому сожалению, среди них хватало людей ярких, талантливых. Куда уж дальше, если даже Лев Толстой всем величием своего авторитета подпитывал как раз буйную российскую интеллигенцию. И дошел до того, что в самонадеянности своей взялся кромсать Евангелие на части, как колбасу: мол, этому куску я верю, а вот этому не верю решительно...

За подобные упражнения православная церковь его из своих рядов *вычистила* – но никогда в жизни не провозглашала Толстому никакой «анафемы», тут писатель Куприн решительно соврамши! И никакого «отлучения», что убедительно показал несомненный знаток проблемы, современный богослов, диакон Андрей Кураев. Вот подлинные строки из *определения* Синода: «...сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковию Православной. Бывшие же к его вразумлению попытки не увенчались успехом. Посему церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею».

И все! Но интеллигенция российская десятки лет потом, что при царе, что при большевиках голосила об «отлучениях» и «анафемах», понося церковь вовсе уж невозможным образом...

А между прочим, с личностью Льва Толстого связана интересная история... Вот воспоминания игумена Оптинского скита отца Феодосия, относящиеся к осени 1908 г. и озаглавленные «Бес в образе Льва Толстого».

«Собралась собороваться группа богомольцев, душ четырнадцать, исключительно женщин. В числе их была одна, которая собороваться не пожелала, а попросила позволения присутствовать зрительницей при совершении таинства. По совершении таинства смотрю, подходит ко мне та женщина, отводит в сторону и говорит:

– Батюшка, я хочу исповедоваться и, если разрешите, завтра причаститься у вас, пособороваться.

На другой день я разрешил ее от греха, допустил к причастию и объявил, чтобы она собороваться пришла в тот же день часам к двум пополудни. На следующий день женщина эта пришла ко мне несколько раньше назначенного часа, взволнованная и перепуганная.

– Батюшка, – говорит, – какой страх был со мной нынешнею ночью! Всю ночь меня промучил какой-то высокий страшный старик, борода всклокоченная, брови нависли, а из-под бровей такие острые глаза, что как иглой в мое сердце впивались. Как он вошел в мой номер, не понимаю: не иначе эта была нечистая сила...

– Ты думаешь, – шипел он на меня злобным шепотом, – что ты ушла от меня? Врешь, не уйдешь! По монахам стала шляться да каяться – я тебе покажу покаяние! Ты у меня не так еще завертишься, я тебя и в блуд введу, и в такой грех, и в этакой...

И всякими угрозами грозил ей страшный старик и не во сне, а вьяве, так что бедная женщина до самого утреннего правила – до трех часов утра – глаз сомкнуть не могла от страха. Отступил он от нее только тогда, когда соседи ее по гостинице стали собираться идти к правилу.

– Да кто же ты такой?! – спросила его, вне себя от страха, женщина.

– Я – Лев Толстой! – ответил страшный и исчез.

– А разве не знаешь, – спросил я, – кто такой Лев Толстой?

– Откуда мне знать? Я неграмотна.

– Может быть, слышала? – продолжал я допытываться. – Не читали ли о нем чего при тебе в церкви?

– Да нигде, батюшка, ничего о таком человеке не слыхала, да и не знаю, человек он или что другое?».

Церковный комментатор заключает: «Таков рассказ духовника Оптиной пустыни. Что это? Неужели Толстой настолько стал „своим“ в том страшном мире, которому служит своей антихристианской проповедью, что в его образ перевоплощается сила нечистая?».

Атеисты вправе иметь об этой истории свое мнение. Люди верующие могут и придумать...

Вернемся к «образованному обществу». И среди него нашлись смелые, болевшие за Россию люди, не побоявшиеся выступить против либеральной чумы. В 1909 г. появилась книга «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции», который можно охарактеризовать кратко: «Интеллектуалы против интеллигентов».

Наша милейшая интеллигенция в спорах обожает с проворством карточного шулера подменять понятия. Тот, кто выступает всего лишь против «интеллигенции», обвиняется в том, как правило, что... выступает против *интеллекта*, культуры, знаний, образования.

Однако «интеллектуал» – это одно, а «интеллигент» – совсем другое. Авторы сборника «Вехи» – сплошь люди, с чьими именами связаны эпитеты «известный», «выдающийся». Бердяев, С. Булгаков, Гершензон, Кистяковский, Струве, Изгоев, Франк – интеллектуалы, историки, экономисты, философы.

Н. А. Бердяев: «В русской интеллигенции рационализм сознания сочетается с исключительной эмоциональностью и слабостью самоценной умственной жизни... Сама наука и научный дух не привились у нас, были восприняты не широкими массами интеллигенции, а лишь немногими. Ученые никогда не пользовались у нас особенным уважением и популярностью, и если они были политическими индефферентистами, то сама их наука считалась несостоящей...».

С. Н. Булгаков: «Весь идейный багаж, все духовное оборудование вместе с передовыми бойцами, застрельщиками, агитаторами, пропагандистами был дан революции интеллигенцией. Она духовно оформляла инстинктивные стремления масс, зажигала их своим энтузиазмом, словом, была нервами и мозгом гигантского тела революции. В этом смысле революция есть духовное детище интеллигенции, а следовательно, ее история есть исторический суд над этой интеллигенцией... Наша интеллигенция в своем западничестве не пошла дальше внешнего усвоения новейших политических и социальных идей Запада, причем приняла их в связи с наиболее резкими и крайними формами философии просветительства. Вначале было варварство, а затем воссияла цивилизация, т. е. просветительство, материализм, атеизм, социализм – вот несложная философия истории среднего русского интеллигента...

Героизм – вот то слово, которое выражает, по моему мнению, основную сущность интеллигентского мировоззрения и идеала, притом героизм самообожания... Интеллигент, особенно временами, впадал в состояние героического экстаза с явно истерическим оттенком. Россия должна быть спасена, и спасителем ее может и должна явиться интеллигенция вообще и даже имярек в частности – и помимо его нет спасителя и нет спасения... Героический интеллигент не довольствуется поэтому ролью скромного работника (даже если он и вынужден ею ограничиваться), его мечта быть спасителем человечества или по крайней мере русского народа... Для него необходим (конечно, в мечтаниях) не обеспеченный минимум, но героический максимум... Даже если он и не видит возможности сейчас осуществить этот максимум и никогда его не увидит, в мыслях он занят только им. Он делает исторический прыжок в своем воображении, и, мало интересуясь перепрыгнутым путем, вперяет свой взор лишь в самую светлую точку на краю исторического горизонта... Во имя веры в программу лучшими представителями интеллигенции приносятся жертвы жизнью, здоровьем, свободой, счастьем... (худшие представители интеллигенции, которых гораздо больше, охотнейше приносят в жертву *чужие* жизни, здоровье, свободу и счастье. – А. Б.). Хотя все чувствуют себя героями, одинаково призванными быть провидением и спасите-

лями, но они не сходятся в способах и путях этого спасения... С интеллигентским движением происходит нечто вроде самоотравления... Интеллигенция, страдающая якобинизмом, стремится к „захвату власти“, к „диктатуре“, во имя народа, неизбежно разбивается и распыляется на враждующие между собой фракции, и это чувствуется тем острее, чем выше поднимается температура героизма... Герой есть до некоторой степени сверхчеловек, становящийся по отношению к близким своим в горделивую и вызывающую позу спасателя, и при всем своем стремлении к демократизму интеллигенция есть лишь особая разновидность сословного аристократизма, надменно противопоставляющая себя „обывателям“. Кто жил в интеллигентских кругах, хорошо знает это высокомерие и самомнение, сознание своей непогрешимости и пренебрежения к инакомыслящим... Вследствие своего максимализма интеллигенция остается малодоступна к доводам исторического реализма и научного видения...

...В нашей литературе много раз указывалась духовная оторванность нашей интеллигенции от народа. По мнению Достоевского, она пророчески предсказана была уже Пушкиным, сначала в образе вечного скитальца Алеко, а затем Евгения Онегина... И действительно, чувства кровной исторической связи, сочувственного интереса, любви к своей истории, эстетического ее восприятия поразительно мало у интеллигенции, на ее палитре преобладают две краски, черная для прошлого и розовая для будущего...»

Отметьте закладкой слова Булгакова – нам к ним еще предстоит вернуться, когда пойдет разговор о более поздних временах.

М. О. Гершензон: «Что делала наша интеллигентская мысль последние полвека? Я говорю, разумеется, об интеллигентской массе. Кучка революционеров ходила из дома в дом и стучала в каждую дверь: „Все на улицу! стыдно сидеть дома!“ – и все создания высыпали на площадь: хромы, слепые, безрукие, ни одно не осталось дома. Полвека толкутся они на площади, голоса и перебраниваясь. Дома – грязь, нищета, беспорядок, но хозяину не до этого. Он на людях, он спасает народ – да оно и легче, и занятнее, чем черная работа дома. Никто не жил – все делали (или делали вид, что делают) общественное дело. А в целом интеллигентский быт ужасен: подлинная мерзость запустения, ни малейшей дисциплины, ни малейшей последовательности даже во внешнем, день уходит неизвестно на что, сегодня так, а завтра, по вдохновению, все вверх ногами; праздность, неряшливость, гомерическая неаккуратность в личной жизни, необузданная склонность к деспотизму и совершенное отсутствие уважения к чужой личности, перед властью – то гордый вызов, то покладистость – не коллективная, я не о ней говорю, а личная...

Примечание ко 2-му изданию: эта характеристика нашей интеллигентской массы была признана клеветой и кощунством. Но вот что десять лет назад писал Чехов: „Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, лживую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр (письмо к И. И. Орлову 22 февраля 1902 г. В вышедшем на днях сборнике писем Чехова под ред. Бочкарева)“. Последние слова Чехова содержат в себе верный намек: русская бюрократия есть в значительной мере плоть от плоти русской интеллигенции...

...Чем подлиннее был талант, тем ненавистнее ему были шоры интеллигентской общественно-утилитарной морали, так что силу художественного гения у нас почти безошибочно можно было измерять степенью его ненависти к интеллигенции: достаточно назвать гениальнейших: Л. Толстого и Достоевского, Тютчева и Фета... То, чем жила интеллигенция, для них не существовало, в лице своих вождей она творила партийный суд над свободной истиной творчества и выносила приговоры: Тютчеву – за невнимание, Фету – за посмеяние, Достоевского объявляла реакционным, а Чехова индифферентным... А масса этой интеллигенции была безлична, со всеми свойствами стада: тупой косностью своего радикализма

и фанатической нетерпимостью. Могла ли эта кучка искалеченных душ остаться близкой народу?

...Она выбивалась из сил, чтобы просветить народ, она засыпала его миллионами экземпляров популярно-научных книжек, учреждала для него библиотеки и читальни, издавала для него дешевые журналы – и все без толку, потому что она не заботилась о том, чтобы приноровить весь этот материал к его уже готовым понятиям, и объясняла ему частные вопросы знания без всякого отношения к его центральным убеждениям, которых она не только не знала, но даже не предполагала ни в нем, ни вообще в человеке... Сонмище больных, изолированных в родной стране – вот что такое русская интеллигенция... в длинной веренице интеллигентских типов, зарисованных таким тонким наблюдателем, как Чехов, едва ли найдется пять-шесть нормальных человек. Наша интеллигенция на девять десятых поражена неврастенией: между ними почти нет здоровых людей – все желчные, угрюмые, беспокойные лица, искаженные какой-то тайной неудовлетворенностью, все недовольны, не то озлоблены, не то огорчены...»

А. С. Изгоев: «До последних революционных лет творческие даровитые натуры в России как-то сторонились от революционной интеллигенции, не вынося ее высокомерия и деспотизма...»

Б. А. Кистянский: «Русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности, из всех культурных ценностей право находилось у нас в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться прочного правосознания, напротив, последнее стоит на крайне низком уровне развития... Русская интеллигенция состоит из людей, которые ни индивидуально, ни социально не дисциплинированы... В идейном развитии нашей интеллигенции, поскольку оно отразилось в литературе, не участвовала ни одна правовая идея. И теперь в той совокупности идей, из которых складывается мировоззрение нашей интеллигенции, идея права не играет никакой роли».

П. Б. Струве: «В 60-х годах с их развитием журналистики и публицистики „интеллигенция“ явственно отдаляется от образованного класса, как нечто духовно особое. Замечательно, что наша национальная литература остается областью, которую интеллигенция не может захватить (с тех пор произошли роковые перемены. – А. Б.). Великие писатели Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев не носят интеллигентского лика... даже Герцен, несмотря на свой социализм и атеизм, вечно борется в себе с интеллигентским ликом...»

... Интеллигенция нашла в народных массах лишь смутные инстинкты, которые говорили далекими голосами, слившимися в какой-то гул. Вместо того, чтобы этот гул превратить систематической воспитательной работой в сознательные членораздельные звуки национальной личности, интеллигенция прицепила к этому гулу свои короткие книжные формулы. Когда гул стих, формулы повисли в воздухе...»

С. Л. Франк: «Русский интеллигент не знает никаких абсолютных ценностей, кроме критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые. У нас нужны особые, настойчивые указания, исключительно громкие призывы, которые для большинства звучат всегда несколько неестественно и аффектированно... Ценности теоретические, эстетические, религиозные не имеют власти над сердцем русского интеллигента, ощущаются им смутно и неинтенсивно и, во всяком случае, всегда приносятся им в жертву моральным ценностям... Начиная с восторженного поклонения естествознанию в 60-х годах и кончая самоновейшими научными увлечениями вроде эмпириокритицизма, наша интеллигенция искала в мыслителях и их системах не истины научной, а пользы для жизни, оправдания или освящения какой-либо общественно-моральной тенденции... Эта характерная особенность русского интеллигентского мышления – неразвитость в нем того, что Ницше называл интеллектуальной совестью

– настолько общеизвестна и очевидна, что разногласия может вызвать, собственно, не ее констатация, а лишь ее оценка.

...Лучи варварского иконоборчества, неизменно горящие в интеллигентском сознании...»

Разумеется, шум после выхода книги поднялся страшный, удивляюсь, как никого из авторов тогда не убили, – скорее всего оттого, что и на это у интеллигентов российских не хватило ни решимости, ни умения. Однако взбешенная «либеральная интеллигенция» разослала по России кучу ораторов, читавших лекции о реакционности, полнейшем ничтожестве и профессиональной несостоятельности авторов «Вех»...

Проблема, между прочим, существовала не только в России. Макс Нордау, выдающийся врач-психиатр, литератор и общественный деятель, еще в 1892 г. издал книгу под характерным названием «Вырождение». На первый взгляд речь идет лишь о деградации всевозможных «модных» и «передовых» направлений в искусстве, но при внимательном штудировании не остается никаких сомнений, что Нордау писал в первую очередь о вырождении западноевропейской *интеллигенции* – она и на Западе существовала, пусть и не в таких масштабах, как в России, и уж безусловно, не имела того влияния на общество...

Между прочим, уже тогда в России поняли совершенно правильно, о ком пишет Нордау и кого он считает вырожденцами. Это становится ясно при знакомстве со статьей о Нордау в «Еврейской энциклопедии», вышедшей до революции в Санкт-Петербурге. Автор статьи С. Лозинский употребляет применительно к Нордау и всему, что им сделано, самые превосходные и хвалебные эпитеты. Иначе просто невозможно: Нордау – фигура с европейским именем. Но вот доходит до упоминания о «Вырождении» – и прямо-таки физически ощущается, как резко меняется тональность, как раздражен автор, как он бьется над неразрешимой проблемой: нужно и свое отрицательное отношение к книге обозначить, и из общего стиля не выпасть, как-никак Нордау – это *глыба*, и примитивное брюзжание могут не понять...

«С внешней стороны оно (сочинение. – А. Б.) имеет те же качества, что и другие работы Н., кроме того, оно претендует на чисто научный характер и снабжено целым арсеналом научных терминов и ссылок. По содержанию оно, однако, слабее других работ Н., так как в нем заключается ряд таких обобщений, которые слишком рискованны, чтобы их можно было считать научными гипотезами. Тем не менее книга имела не только временный успех, но и значительное влияние, и своим высмеиванием некоторых сторон культуры конца столетия принесла обществу некоторую пользу».

Изящное словоблудие! Тот, кто хорошо знаком с интеллигентской манерой оценок, прекрасно поймет, сколько здесь злобы и раздражения. Классический пример словесной эквилибристики: книга лишь «претендует» на научный характер, обобщения слишком рискованны, «значительное влияние» имело место, но успех книги все же – «временный»... Ох, не случайно «Вырождение» Нордау, будучи изданным в России в 1902 г., переиздания дождалось лишь через девяносто три года. А Лозинский, кстати, всплыл потом у большевиков и долгие годы подвизался на антирелигиозной ниве... И национальность, и профессия у таких однозначны: «интеллигент»...

Забегая чуточку вперед, отметим, что после Октября интеллектуалов либо уничтожали, либо высылали за границу – зато интеллигенция всех мастей самым великодушным образом устроилась при большевиках, поскольку ее мировоззрению как нельзя лучше отвечали лозунги «мирового пожара» и «нового народного искусства». И правила бал почти двадцать лет, пока за нее не взялся как следует Сталин – но об этом позже...

Метко припечатал ее Солженицын в статье «Образованщина»: «Интеллигенция сумела раскатать Россию до космического взрыва, но не сумела управлять ее обломками. Потом, озираясь из эмиграции, сформулировала интеллигенция оправдание себе: оказался „народ – не такой“, народ обманул ожидания интеллигенции». (Сравните с воплем из телевизора

после известного голосования: «Россия – ты одурела!» – А. Б.) Так в этом и состоял диагноз «Вех», что, обожествляя народ, интеллигенция не знала его, была от него безнадежно отобщена!

Добавлю – не «отобщена» в силу каких-то случайностей, а сама гордо отгораживалась. Тот же С. Н. Булаков предупреждал, что вера в мгновенное революционное чудо преобразования мира и души человека может привести к «особой разновидности духовного аристократизма, надменно противопоставляющего себя обывателям». И разъяснял свою мысль: «В своем отношении к народу, служение которому ставит своей задачей интеллигенция, она постоянно и неизбежно колеблется между двумя крайностями – народопоклонничества и духовного аристократизма. Потребность народопоклонничества... вытекает из самих основ интеллигентской веры. Но из нее же с необходимостью вытекает и противоположное – высокомерное отношение к народу как к объекту спасительного воздействия, как к несовершеннолетнему, нуждающемуся в няньке для воспитания „сознательности“, непросвещенному в интеллигентском смысле слова».

Этот «духовный аристократизм» привел к тому, что в первые десятилетия после Октября среди лютовавших чекистов хватало самых что ни на есть патентованных интеллигентов – от Менжинского до доктора Кедрова. По некоему странному совпадению – или это не совпадение вовсе? – чуть ли не вся гитлеровская верхушка состояла опять-таки из классической интеллигенции: неудачливый художник, средний фармацевт, журналисты, вообще гуманитарии, не добившиеся успехов в науке и оттого создавшие свою, «арийскую», людоедскую. Теоретик нацизма Альфред Розенберг получал образование в высших учебных заведениях Российской империи – рассадниках интеллигенции. Верховный судья рейха Фрейслер в первые годы после революции участвовал в гражданской войне в России, баловался марксизмом, был военным комиссаром Красной армии (позже мы к *этим* совпадениям вернемся по другим поводам...).

И народники, и революционные интеллигенты, и гитлеровцы – все вместе подходят под определение Бакунина, который, в силу своей биографии, знал проблему изнутри: «Особенно страшен деспотизм интеллигентного и потому привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ. Во-первых, представители этого меньшинства попытаются во что бы то ни стало уложить в прокрустово ложе своего идеала жизни будущих поколений. Во-вторых, эти двадцать или тридцать ученых-интеллигентов перегрызутся между собой».

Еще в 1971 г. известный социолог и публицист Н. Я. Данилевский писал: «Без... народной основы так называемая интеллигенция не что иное, как более или менее многочисленное собрание довольно пустых личностей, получивших извне почерпнутое образование, не переваривших и не усвоивших его, а только перемалывающих в голове, перебалтывающих языком ходячие мысли, находящиеся в ходу в данное время под пошлою этикеткою современных».

Подведем итоги. Вдобавок ко всем прочим бедам и противоречиям в России перед революцией образовалась горластая и невежественная, неумная и одержимая патологической жадой разрушения *прослойка*, к сожалению, получившая возможность влиять на умы большинства. Без нее, без интеллигенции, очень может быть, и не произошло бы тех поистине космических потрясений, что долго потом терзали страну.

Можно сказать о ней словами из пьесы «Интеллигенция и революция», принадлежащей перу умного и язвительного Розанова: «Насладившись в полной мере великолепным зрелищем революции, наша интеллигенция приготовилась надеть свои мехом подбитые шубы и возвращаться обратно в свои уютные хоромы, но шубы оказались украденными, а хоромы были сожжены».

А можно еще воспользоваться отнюдь не академической, но метко бьющей не в бровь, а в глаз цитатой из Пикуля, пусть и относящейся к другим объектам иронии:

«А назывались они все одинаково.
Кратко и выразительно.
Как на заборе!»

7. Не то чума, не то веселье на корабле...

Ну, а чем же занимались люди, которые по своему общественному положению и роду занятий к интеллигенции не принадлежали – купцы и фабриканты, чиновники и дворяне, инженеры и полицейские офицеры?

Да революцию финансировали!

Обычно, когда речь заходит о капиталистах, дававших деньги на революцию, в качестве «совершенно нетипичных примеров» упоминают лишь Савву Морозова и его родственника Николая Шмита – того самого, что неведомо по каким движениям души в 1905 г. организовал стачку на собственной фабрике...

Отщепенцы, говорят, белые вороны. Совершенно нетипичные.

Ага!

Деньги на революцию из карманов людей обеспеченных, отнюдь не пролетариев и не интеллигентов, текли могучим потоком. Большой знаток вопроса Леонид Красин вспоминал: «Считалось признаком хорошего тона в более или менее радикальных или либеральных кругах давать деньги на революционные партии, и в числе лиц, довольно исправно выплачивавших ежемесячные сборы от 5 до 25 рублей, бывали не только крупные адвокаты, инженеры, врачи, но и директора банков и чиновники государственных учреждений».

Ему вторит Троцкий: «До конституционного манифеста 1905 г. революционное движение финансировалось главным образом либеральной буржуазией и радикальной интеллигенцией. Это относится также и к большевикам, на которых либеральная оппозиция глядела тогда лишь как на более смелых революционных демократов».

Наверняка и после девятьсот пятого те же самые животворные источники не иссякали... Уже *после* через кассу большевиков прошли сотни тысяч рублей.

А где, кстати, хранилась «нелегальщина» – большевистская литература? Опять-таки не в бедняцких квартирках. Вот, например, перечень тех, кто разрешал складировать у себя нелегальщину в Москве: сын либерального фабриканта, один из «булочных королей», врач, инспектор училища, жена писателя, художница, генеральша и даже графиня Бобринская (по воспоминаниям члена Московского комитета РСДРП А. Шестакова).

Небольшой перечень тех, кто финансировал революционеров по крупной – только род занятий, поскольку фамилии совершенно не играют роли. Владимирская губерния – фабрикант, Воронеж – совладелец Товарищества механических заводов, Дальний Восток – рыбопромышленник, Казань – один из владельцев торгового дома, Калуга – владелец писчебумажной фабрики и лесопромышленник с ним за компанию, Нижний Новгород – хлеботорговец, купец 1-й гильдии, Пермь – вдова пароходовладельца, Рига, Ростов-на-Дону, Смоленск – купцы, Тверь – семья помещиков, Урал – золотопромышленник, Уфа – князь Кугушев (!)...

Финляндия – отдельной строкой, потому что это вообще песня. Купец и... председатель правления «Нурдиска Ференнигебанкен» граф Маннергейм. Несомненно, родственник будущего маршала – Маннергеймы в Финляндии люди пришлые, не финны, а шведы, фамилия редкая...

Приводящий эти факты А. Островский уточняет, что подобных имен у него в картотеке около *трехсот*...

В Баку огромные суммы вносили представители крупнейших нефтедобывающих фирм. Будущий тесть Сталина, С. Я. Аллилуев вспоминал, что денежная помощь шла «из несгораемых стальных касс королей нефти: Гукасова, Манташева, Зубалова, Кокорева, Ротшильда, Нобеля и многих других миллионеров». Он тут же оговаривается, что деньги эти получали исключительно меньшевики, но слишком много примеров, что и большевики тем же источником не брезговали...

И на Кавказе имело место пикантное сращивание революционного подполья с крупными коммерческими структурами вроде Совета съезда марганцепромышленников и Совета съезда нефтепромышленников. *Десятая* часть служащих Азово-Донского банка состояла, по секретному докладу Департамента полиции, из лиц, на которых имелись «неблагоприятные в политическом отношении сведения». Автор доклада далее писал: «По-видимому, лица с политическим прошлым находят в названном банке при определении их на службу чью-либо поддержку со стороны местной банковской администрации».

Профессиональное чутье полицейского чина не обмануло – но он тогда вряд ли знал, что «неблагонадежные связи» имеются и у члена совета банка Манташева, а член правления банка и один из его директоров Дармолотов регулярно получает из-за границы для дальнейшего распространения тиражи газеты под названием «Искра»...

Кстати, канцелярией помянутого Совета съезда нефтепромышленников чуть ли не четверть века заведовали люди, сами в прошлом участвовавшие в революционном подполье и до последних дней царизма сохранявшие с этим подпольем связь...

Председатель Петербургского Совета рабочих депутатов Хрусталева-Носарь в свое время открыто утверждал, что всеобщая октябрьская стачка 1905 г. была оплачена капиталистами. Поневоле начинаешь задумываться над скоропалительным расстрелом большевиками означенного Хрусталева в 1918 г. В его адрес выдвигались довольно невнятные обвинения в связях с охранным отделением – но, быть может, его смерть должна была оборвать следы каких-то *других* связей?

В чем тут причина? В первую очередь, поводы были чисто коммерческие. Например, в Грузии, в Чиатури, забастовку рабочих в 1905 г. профинансировал Тифлисский коммерческий банк. Марганцепромышленник Мосеишвили бесхитростно написал в своих мемуарах: «Банк это делал из коммерческих соображений, так как с победой рабочих была поднята цена на марганец». Точно так же знаменитый московский «булочный король» Филиппов... стал инициатором всеобщей забастовки московских хлебопеков! И гарантировал всем своим бастующим, что будет платить им зарплату полностью, сколько бы ни бастовали. Это он таким манером наносил удар по конкурентам...

А потому ничего удивительного, что частенько и большевики, и меньшевики занимались вульгарным рэкетом – к фабриканту или хозяину нефтепромысла приходил вежливый господин при галстуке, кто-нибудь вроде инженера Красина, и душевно предлагал: или деньги на бочку, или будет долгая забастовка... Свидетельств предостаточно. Следует отметить, что это выглядело форменным джентльменством по сравнению с поведением других революционных партий. Эсеры или анархисты попросту подбрасывали записочки вроде: «Или положишь тыщу руб. под третью слева скамейку, или взорвем твой магазин на хрен!»

И ведь взрывали... И ведь платили...

Но *добровольно* «сочувствующие» выплачивали неизмеримо больше, нежели удавалось вырвать с помощью банального вымогательства. На *этих* деньгах, а не на полумифическом «германском золоте», революция и жирела, и крепла, и набиралась силенок.

Небольшая экскурсия по полицейским учреждениям Грузии. Кутаиси. Пристав Заречного полицейского участка Тер-Антонов преспокойно подписался под петицией с требованием созыва Учредительного Собрания (дело было в 1905 г.). Остался в должности и даже делал карьеру. А впрочем, что тут удивительного – его начальник, пристав *всего* Кутаиси и

Кутаисского уезда Махарадзе, поддерживал связи с революционным подпольем. Как и уездный начальник Келбакиани.

А вот колоритнейшая фигура – горийский уездный начальник Давид Бакрадзе, из дворян. Брат – учитель вел революционную пропаганду среди солдат. Входил в руководство Военного союза партии эсеров, как и его сестры – Александра и Елена. Еще один брат Бакрадзе, *пристав* Душетского уезда, арестован за хранение прокламаций и нелегальной литературы. Дело замяли, но из полиции все же уволили.

Хороша семейка? Кончилось все тем, что будучи на посту уездного начальника Бакрадзе создал абсолютно незаконный вооруженный отряд из двадцати человек, а во главе поставил некоего Васо Немсадзе, числившегося в розыске за то, что был командиром «боевой дружины Боржомской организации социал-демократов». Именно этой теплой компании отдельные циники из полиции приписывали ограбление Душетского казначейства – а иные добавляли, что руководил этим сам Давид Бакрадзе. Коего все же поперли со службы, сослали на три года в Тобольск, но потом помиловали.

Одним словом, не семейка, а доска почета из Музея революции. Единственным приличным человеком в этом буйном семействе был зять Бакрадзе Хелаев – он никакой политической не занимался, а, сколотив шайку разбойников, совершенно безыдейно грабил на дорогах кого ни попадя.

А вот вам князь Леван Джандиери: тифлисский уездный начальник, потом полицмейстер Тифлиса, начальник Сухумского окружного полицейского управления в чине генерал-майора, после отставки – член правления Тифлисского дворянского банка. На всех этапах карьеры свой человек для революционного подполья. И не он один. 1908 г. Тифлисское охранное отделение получает донесение агента: «Помощник полицмейстера Канделаки состоит в партии социал-демократов и укрывает революционеров». Канделаки оставался в прежней должности до 1917 г. – оттого, что донос был ложным? Или по другим причинам?

Кстати, прокурора Кутаисского окружного суда Толпыго всерьез обвиняли в том, что в декабре 1905 г. он участвовал в постройке баррикад. Служебное расследование этого факта не подтвердило, но констатировало, что прокурор все же «полевел». И что? Да ничего. Оставили на службе. Если увольнять по таким поводам, как левизна и сотрудничество с революционерами, останешься вовсе без чиновников...

Но это далекий Кавказ с его горячим народом. А что у нас, в прохладной столице? И вообще, в России?

Да то же самое, только почище!

Кто это там у нас руководит действиями боевой дружины киевских эсеров? А Мария Платоновна Рейнбот, супружница действительного статского советника, члена совета при министре финансов.

Кто это там у нас финансирует издание большевистской «Искры», да вдобавок 2-й съезд РСДРП? А Калмыкова, супруга сенатора.

Кто это там у нас среди анархистов блистает, браунингом помахивая и бомбы кидая? Да князь Хилков... А кто у нас среди руководства эсеров? Да Алексей Устинов, племянник Столыпина...

1903 г. Кто получает из-за границы нелегальные транспорты с «Искрой» и передает ее далее? А. Н. Пургольд, директор правления АО Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороги (перечитал написанное и спохватился: тьфу ты, ведь этот тип над моим прадедом начальствовал! Тесен мир...) и – В. Э. Дандре, статский советник, секретарь при обер-прокуроре Правительствующего Сената.

1905 г. Товарищ (заместитель) министра внутренних дел князь Урусов по должности своей принимает все надлежащие меры, чтобы раздавить гидру революции. Вот только в это самое время в его доме скрываются от полиции две родственницы его жены, которых как раз

ищут за революционные дела. И не находят, конечно: кто ж их в доме товарища министра МВД искать станет?!

1905 г. В Петербурге – внушительный склад нелегальной литературы, типографского шрифта и оружия. Но не в каморке пресловутого «рабочего Василия», в квартире статского советника Фан-дер-Флита...

В свое время Начальнику Петербургского охранного отделения генералу Герасимову «бросилась в глаза совершенно исключительная осведомленность Азефа относительно всех передвижений царя. Все изменения, которые вносились в план царской поездки, в каком бы секрете они ни держались, немедленно становились известными Азефу, который обо всех них получал извещения путем условных телеграмм». А сам Герасимов «этого рода новости» узнавал позднее Азефа, хотя по своему положению должен был быть в курсе всех этих вопросов, так как именно на нем лежала основная забота о безопасности царя.

Другими словами, в ближайшем окружении царя у боевой организации эсеров был источник! И это не выдумка: Герасимов, втихомолку проведя расследование, на этого человека вышел. Но тот оказался столь высокопоставленным лицом, что генерал и начальник Петербургского охранного отделения не смог самолично, под свою ответственность, принять против него какие бы то ни было меры. Пошел к Столыпину. Столыпин поначалу не поверил, услышав фамилию. Назначил дополнительную проверку. Результат был тот же: «Означенное высокопоставленное лицо, судя по всему, действительно вполне сознательно оказывало содействие террористам в подготовке цареубийства». И тем не менее Столыпин отчего-то распорядился никакого хода этому делу не давать...

Сейчас бы и самое время эффектно назвать читателю фамилию этого «крота» эсеров в ближайшем окружении царя. Но я ее не знаю. И никто не знает. Даже после революции, усевшись в эмиграции писать воспоминания, Герасимов этой фамилии так и не назвал, ограничившись одним-единственным туманным уточнением: «... почти член Совета министров». Когда-нибудь, будет время, непременно попробую вычислить...

А впрочем, вряд ли получится. Поскольку список титулованной знати, имевшей тесные связи с революционным подпольем, длиннейший: камер-юнкер Сабуров (финансировал «Искру»), камергер императорского двора граф Нессельроде (аналогично), граф Орлов-Давыдов (был близок к Керенскому), баронесса Иксуль (на ее квартире собиралась подпольная организация «Офицерский союз»), князь Барятинский (аналогично)...

Интереснейшую запись оставила в дневнике генеральша А. В. Богданович в декабре 1906 г., после смерти дворцового коменданта Д. Ф. Трепова: «Мадемуазель Клейгельс говорила, что в бумагах покойного Трепова нашли документы, из которых ясно, что он собирался уничтожить всю царскую семью с царем во главе и на престол посадить великого князя Дмитрия Павловича, а регентшей великую княгиню Елизавету Федоровну».

Очередная придворная сплетня, дурацкий слух? А как нам быть с мемуарами знаменитого графа Игнатьева, военного атташе в Париже, впоследствии перешедшего к большевикам?

Отец Игнатьева Алексей Павлович в свое время занимал довольно высокие посты в Российской империи, побывав и товарищем министра внутренних дел, и генерал-губернатором, носил звание генерал-адъютанта (то есть причислен к царской свите), до самой смерти был членом Государственного Совета, имел обширные связи при дворе. После русско-японской войны, позорно проигранной Россией, граф-отец неожиданно признался графу-сыну, что, сознавая ничтожество Николая, всерьез намеревается пойти в Царское с военной силой и потребовать реформ.

Реформы эти, правда, не имели ничего общего с либерализмом – наоборот, Игнатьев-старший был ярким монархистом и мечтал не революцию устроить, не парламент образовать, а всего-навсего заменить Николая «сильным царем», способным укрепить и вывести

из кризиса пошатнувшуюся монархию. Спасение он видел в возрождении «старинных русских форм управления», с неограниченной ничем самодержавной властью царя и губернаторами, в своей деятельности зависимыми исключительно от монарха.

Дело, похоже, зашло довольно далеко. По утверждению Игнатьева-младшего, отец даже показал ему список будущего кабинета министров и рассказал о некоторых деталях – граф всерьез рассчитывал на воинские части, с командирами и офицерами которых был давно знаком и пользовался у них авторитетом: вторую гвардейскую дивизию, кавалергардов, гусар, кирасир, казаков. Какие именно гусары и казаки имелись в виду, сегодня уже не установить. А вот состав второй гвардейской дивизии известен точно – четыре лейб-гвардии полка: Московский, Гренадерский, Павловский и Финляндский. Возможно, имеет смысл поднять архивы, посмотреть, кто тогда полками командовал, что за офицеры там служили, одним словом, «покачать на косвенных». Результаты, быть может, получатся интересные...

В том, что все там было довольно серьезно, заставляет подозревать дальнейшая участь Игнатьева-старшего. В декабре 1906 г., когда граф участвовал в дворянских выборах в Твери, местная полиция вдруг отозвала с постов обычно охранявших его агентов (невразумительно ссылаясь потом на некий приказ свыше). Ближе к вечеру в буфет преспокойно вошел некий террорист из партии эсеров и высадил в графа всю обойму. Террориста схватили и быстро повесили без особого расследования – на основании закона о «стопыпинских галстуках». Концов не осталось. Любопытно, что вдова Игнатьева отчего-то не стала проклинать эсеров, а тут же заявила, что убийство «организовано свыше», и отправила царю довольно дерзкую телеграмму, по отзывам современников, недвусмысленно намекавшую на причастность Николая к убийству. Что ж, опасное это дело – устраивать дворцовые перевороты, не всякий граф справится...

В воспоминаниях видного большевика Гусева-Драбкина приведен не менее интересный эпизод. Если ему верить, (а почему, собственно, мы должны ему не верить?!) в апреле 1905 г. в петербургском ресторане «Контан» состоялась весьма странная встреча: за одним столом оказались представители социал-демократов и гвардейского офицерства. Последних возглавлял некто Мстиславский-Масловский. Он и рассказал революционерам, что представляет тайную организацию гвардейских офицеров «Лига красного орла», цель которой – свержение императора и установление конституции. План офицеров существовал в двух вариантах. По первому, когда на Пасху войска поведут в церковь (естественно, без оружия), заговорщики захватят в казармах их оружие и арестуют царя. Согласно второму варианту, предполагалось объявить в столичном гарнизоне, что Николай II желает ввести конституцию, но некие противники такого шага захватили его в Гатчине в плен. Под предлогом освобождения обожаемого монарха следовало поднять войска, арестовать всех, кто мог оказать сопротивление, в том числе под шумок и самого Николая...

Эти задумки, по Драбкину, обсуждались вполне серьезно. Не сошлись в главном – в планах на будущее. Гвардейцы предлагали после захвата царя созвать по старинной традиции Земский собор, социал-демократы, конечно же, горой стояли за Учредительное собрание. Так и разошлись ни с чем.

Спрашивается, зачем графу Игнатьеву и Гусеву-Драбкину эти истории выдумывать? В них нет ничего странного, из ряда вон выходящего, учитывая дальнейшее поведение армии и генералитета (о чем поговорим подробнее в следующей главе).

Вообще-то, с практической точки зрения план «Лиги красного орла» выглядит авантюрой, если вспомнить, сколь многочисленной была охрана Николая: собственный его императорского величества конвой, куда входили сводный пехотный полк, рота дворцовых grenадер и четыре сотни лейб-казаков; особый железнодорожный полк; 300 агентов охранной службы из команды жандармского генерала Спиридовича; 300 охранников дворцового коменданта Воейкова; несколько сотен охранников дворцовой полиции генерала Герарди. Однако если

какой-то план с посторонней точки зрения кажется авантюрой, это еще не значит, что его творцы не намерены его проводить в жизнь...

В конце концов, не так уж важно, могли все эти планы осуществиться, или нет. Гораздо важнее другое: абсолютно все слои общества, от безземельного мужика до сиятельных графов, находились в примечательном состоянии: если не на деле, то в мыслях и на словах совершенно смирились с тем, что однажды государь император слетит с трона, как пьяный со стремянки. Все жаждали перемен – и кое-кто жертвовал на эти перемены деньги, а кто-то заходил и дальше.

Это было *всеобщее* поветрие! Если не считать кучки особо упертых консерваторов, *вся страна* ждала перемен! Плевать, что под этим каждый понимал что-то сугубо свое – состояние умов, ожидание бури делало возможным любые резкие повороты! Коли уж все были внутренне готовы: вот-вот что-то этакое грянет... не германские деньги, не большевистские листовки, не эсеровские бомбы, а именно эта всеобщая внутренняя готовность к *слому* и стала похоронным звоном по империи...

С этой точки зрения бесценным историческим источником является непритязательная вроде бы, мягкая и лиричная детская книжка Льва Кассиля «Кондуит и Швамбрания». Сейчас она почти забыта, но тот, кто ее помнит, быть может, со мной согласится.

А тем, кто ее не читал, напомним, в чем там дело. Где-то в южнорусском городке живет доктор, и у него два сына – Ося и Лева (будущий писатель Кассиль). Доктор вообще-то еврей – но исключительно по происхождению. Он – самый натуральный «ассимилянт», как это в свое время называлось, не имеет уже никакого отношения ни к еврейским национальным традициям, ни к иудаизму, вообще ни в какого бога не верит, атеист и вольнодумец. Ведет он жизнь классического русского интеллигента – и, между прочим, благодаря профессии отнюдь не бедствует: у него свой дом, прислуга, экипаж с лошадьми. Выражаясь по-современному, доктор входит в местный истеблишмент. Во всей книге – ни тени каких бы то ни было упоминаний об антисемитизме.

Дети доктора – гимназисты. Благополучные, воспитанные, сытые, образованные мальчики. Средний класс. Но в том-то и штука, что юные Лева и Ося – этакие неосознанные революционеры. Они яростно ждут того самого «очистительного ветра», перемен, ломки. Их еврейское происхождение тут абсолютно ни при чем: за исключением одного очень отрицательного помещичьего сынка, точно так же настроены их многочисленные соученики по гимназии – русские, как на подбор. И когда все же придет Февраль, а за Февралем – Октябрь, эта горластая компания шумит на всех митингах, поддерживает самую теплую дружбу с местным матросом – большевиком, любую контрреволюцию готова порвать, как фуфайку. Несмотря даже на то, что персонально докторской семье от революции стало только хуже – их быстренько «уплотнили», пианино, как буржуазную роскошь, конфисковали, прислуга ушла, лошадок и экипажа лишились. И все равно – даешь революцию!

Напоминаю, это не крестьянские дети и не рабочие. Это – *гимназия*. Куда попадали отнюдь не «кухаркины» дети (которых как раз запрещал туда допускать циркуляр министра Делянова). А годовое обучение в гимназии, между прочим, стоило для родителей шестьдесят пять рублей золотом, а кое-где и побольше. Гимназист – представитель, учено говоря, определенного социального слоя. Вьюнош из среднего класса, никак не пролетарий и не крестьянин. И тем не менее – даешь освежающую бурю!

Вряд ли Кассиль лукавил, описывая общие умонастроения. Скорее всего, так и было – потому что его воспоминания о детстве прекрасно сочетаются с тем, что нам известно из других источников. Это «предвкушение шторма», кстати, великолепно передает и Аркадий Гайдар в «Школе». Детские писатели, мемуаристы дворянских кровей, генералы, даже великие князья – все говорят об одном и том же: «ожидание бури» было всеобщим. Всем попросту надоело жить по-старому, и они истово стремились к переменам.

Другое дело, что перемены оказались совсем не такими, как многим представлялось, что многие ждали совершенно не того, и плоды своих усилий представляли абсолютно иначе – но это уже другой нюанс, другая тема...

Российская империя была *обречена*.

Попробуйте представить ее в виде корабля. Это будет очень странный, совершенно шизофренический корабль, более всего напоминающий алкогольную галлюцинацию. Многочисленные матросы с пустыми желудками и поротыми задницами – на грани бессмысленного и беспощадного бунта. Они кое-как ворочают парусами, в трюме полно воды, но никто ее уже не откачивает – и лень, и забыли, как это делается. Офицеры разделились на несколько партий: одна тайком сверлит дыры в днище, другая, махнув на все рукой, заперлась в каюте и хлещет шампанское с омарами, третья, прекрасно понимая, что так и ко дну пойти недолго, составляет заговоры против капитана, но опять-таки лениво и неумело. Сам капитан регулярно торчит на мостике, сверкая аксельбантами и делая вид, будто он знает, как надо – но на деле не способен управлять не только кораблем, но даже шлюпкой. Время от времени к штурвалу прорывается кто-то толковый – но капитан с женой его быстренько сталкивают с капитанского мостика, чтобы «не заслонял». И штурвал большую часть времени вертится сам по себе.

А на горизонте – буря. А вокруг – рифы. И воды в трюме уже по колено...

Это и есть Российская империя, господа!

Летом четырнадцатого года вновь стало беспокойно – рабочие волновались, кое-где в Петербурге уже появились баррикады...

И тут описанный нами корабль, вдобавок ко всем напастям, вздумал еще и воевать!

Началась первая мировая война. Впрочем, тогда никто еще не знал, что она – первая, и ее называли просто: Великая война.

Грянуло!

И если прежде еще были какие-то шансы пристать благополучно к берегу или удержать корабль на плаву, то теперь никаких, шансов не осталось вовсе...

8. Гром победы, раздавайся, веселися, храбрый росс!

В девятнадцатом столетии России не везло на войны – исключая победу над Наполеоном, остальные крупные кампании, как крымская, так и турецкая, унесли массу сил и жизней, но не послужили ни к славе, ни к пользе. В крымской войне Россия была откровенно бита, а в турецкой, как большинством признавалось, *серьезные* внешнеполитические цели так и не были достигнуты.

Пожалуй, единственным успешным предприятием стали среднеазиатские походы при Александре II. Во-первых, было покончено со средневековыми ханствами, которые, как во времена татар, ходили в набеги на русские земли, захватывали во множестве невольников. Во-вторых, с точки зрения глобальной стратегии, следовало самым решительным образом пресечь *вползание* англичан в эти самые ханства – ничего хорошего не следовало ждать от английских владений, непосредственно примыкающих к русским рубежам...

Александр III нешуточными усилиями во время своего царствования удерживал страну от войн, за что заслуженно поименован миротворцем. Однако Николай со всем пылом своей законченной бездарности кинулся в военные авантюры.

В начале века военный министр Куропаткин составил записку по истории войн за последние два века:

«В течение двух столетий мир продолжался 71 и две трети года. В остальные 128 и одна треть года велось 33 внешних и 2 внутренние войны.

По политическим целям, для поддержания которых предпринимались войны, последние разделяются так:

для расширения пределов – 22 войны, занявших в общей сложности 101 год борьбы;
в целях обороны – 4 войны, занявших в общей сложности 4 с четвертью года;

в интересах общественной политики – 7 войн и 2 похода, занявших в общей сложности 10 лет;

внутренних ведено – 2 войны, потребовавших 65 лет;

усмирений бунтов было 5, потребовавших 6 лет военных действий.

В войнах истекших двух столетий участвовало около 10 млн человек, из них убитых и раненых почти один миллион».

Самое время продолжать политику Миротворца! «Расширения пределов» и без того вполне достаточно – ведь никто толком и не заботится об устройстве того, что уже имеется. Витте, деятель неоднозначный, но человек умнейший, писал в свое время: «Черноморский берег представляет собой (как и многие местности Кавказа) такие природные богатства, которым нет сравнения в Европе. В наших руках это все в запустении. Если бы это было в руках иностранцев, то уже давно местность эта давала бы большие доходы и кишела бы туристами. Но куда там! Для этого нужны капиталы, нам же назначение капиталов – война. Мы не можем просидеть и 25 лет без войны, все народные сбережения идут в жертву войнам. Мы оставляем в запустении богатейшие края, завоеванные нашими предками, а в душе все стремимся к новым и новым завоеваниям оружием и хитростью. О каком благосостоянии можно при таком состоянии вещей серьезно говорить!»

В самом деле, не только Крым, но и, что гораздо важнее, Сибирь со всеми ее богатствами оставалась неосвоенной. Вместо того чтобы *ставить* за Уралом промышленность и добывающие отрасли, Николай *полез* в Китай. Россия откровенным образом захватила в Маньчжурии огромные территории с самой детской мотивировкой действий: мол, все прочие великие державы расхватили зоны влияния в Китае, нам ли отставать? И начала проникновение в Корею.

Японцев это насторожило и всерьез обеспокоило. После долгих переговоров нашли компромисс: Япония примиряется с российскими захватами в Китае, а Россия за это, в свою очередь, уходит из Кореи.

Не самое глупое решение. Однако возле Николая появился отставной ротмистр Безобразов...

Ротмистр – чин невеликий. Но ротмистр этот был отставным кавалергардом, принадлежал к столичной знати, связей имел множество. Моментально сколотилась теплая компания, прозванная современниками «безобразовской кликой»: князя Юсупов и Щербатов, граф Воронцов-Дашков, финансист Абаза, помещики Болашов и Родзянко – и примкнувший к ним великий князь Александр Михайлович, к тому времени отставленный от флотской казны и искавший новых источников дохода. Задумка была нехитрая: вопреки достигнутым договоренностям все же *пролезть* в Корею.

И начались авантюры... Созданное безобразовцами акционерное общество приобрело на территории Кореи огромную лесную концессию – якобы частным образом, но огромную долю средств в это предприятие вложил Кабинет Его Величества, то есть государство. Под видом «лесных объездчиков» на территорию Кореи начали вводить регулярные войска, будто бы «уволненных в запас» сибирских стрелков – успели переправить полторы тысячи и намеревались увеличить это число чуть ли не вдесятеро.

Япония, как легко догадаться, разобиделась не на шутку. Однако окружение Николая и он сам умышленно вели дело к конфронтации и войне. К «макакам» никто всерьез не относился. Для того, чтобы унижить японцев насколько возможно, их заставили сноситься с Россией не через министерство иностранных дел, как положено при нормальных отноше-

ниях меж суверенными государствами... а через адмирала Алексеева, царского наместника на Дальнем Востоке.

Это уже была прямая провокация. Представьте для сравнения: президенту Путину звонят по «горячей линии» и объявляют, что отныне он должен поддерживать связи с Белым домом через губернатора штата Аляска... Ни одно суверенное государство такого не потерпит.

«Макак» собирались по старому русскому обычаю закидать шапками. Целей особенно и не скрывали: *замазать* кризисные явления внутри страны внешними победами. Когда генерал Куропаткин стал сетовать на неподготовленность армии к войне, министр внутренних дел Плеве (а ведь не дурак был!) так ему и ответил (с той самой простотой, что хуже воровства):

– Алексей Николаевич, вы внутреннего положения России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война...

Николашка был того же мнения. Вот только не получилось ни маленькой, ни победоносной кампании. Началась долгая и кровопролитная война, в которой русские генералы позорнейшим образом проиграли армии страны, всего-то тридцать с лишним лет назад *вынырнувшей* из самого натурального средневековья и многовековой изоляции от всего остального мира, не имевшей совершенно никакого опыта войны с европейской державой...

Иные авторы, стремясь представить это поражение как можно менее унижительным, выкидывают вовсе уж комические фортели. Мне приходилось листать парочку книг, объявлявших, что японскую войну Россия, собственно, выиграла... потому что мы ведь не заплатили японцам контрибуции. А раз так, то это и есть победа.

Вот только после этой «победы» пришлось на пределе сил бороться с революционным взрывом...

В четырнадцатом году русские армии бросили в заварушку совершенно осознанно. Те, кто представляет Россию невинной жертвой то ли роковых обстоятельств, то ли германской агрессии, лукавят, или не знакомы с истинным положением дел. А истинное положение дел было таково, что в России существовала влиятельная группа «ястребов» в погонах и без. Начиная с генерала Янушкевича и кончая российским посланником в Белграде Гартвигом, который всячески потакал сербским параноикам, мечтавшим о «Великой Сербии» от горизонта до горизонта. В запутанной и грязной истории с убийством в Сараево австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда явственно маячат на заднем плане среди темных фигур с поднятыми воротниками и персоны русской военной разведки... Но об этом, о европейской политике России и о ситуации на Балканах, будет другая книга...

Кроме того, российские «ястребы» спали и видели во сне Босфор и Дарданеллы в русских руках и российский триколор над Стамбулом. Реальная польза от этого была бы одной-единственной группе – российским зерноторговцам, которые получили бы возможность вывозить пшеничку через означенные проливы. А эта публика, как ни крути, не может считаться олицетворением всей России...

В первой мировой войне нет жертв – одни виновники – в том числе и российские генералы во главе с бездарным «самодержцем». Россия *ломанулась* в Великую войну, будучи к ней совершенно не готовой. В качестве свидетеля имеет смысл пригласить генерала Деникина: «Положение русских армии и флота после японской войны, истощившей материальные запасы, обнаружившей недочеты в организации, обучении и управлении, было поистине угрожающим. По признанию военных авторитетов, армия вообще до 1910 г. оставалась в полном смысле слова беспомощной. Только в самые последние перед войной годы (1910–1914) работа по восстановлению и реорганизации русских вооруженных сил подняла их значительно, но в техническом и материальном отношении совершенно недостаточно. Закон о постройке флота прошел только в 1912 г. (а до того великие князья упоенно разворовывали

огромные деньги из флотских сумм. – А. Б.) Так называемая „Большая программа“, которая должна была значительно усилить армию, была утверждена лишь в марте 1914 г. Так что ничего существенного из этой программы осуществить не удалось: корпуса вышли на войну, имея от 108 до 124 орудий против 160 немецких и почти не имея тяжелой артиллерии и запаса ружей».

В числе главных причин этого Деникин называет «нашу инертность, бюрократическую волокиту, бездарность военного министра Сухомлинова – совершенно невежественного в военном деле».

Очень быстро, в первые же месяцы, была уничтожена в боях кадровая армия, в том числе и гвардия – и под ружье хлынул поток мужиков, а в офицеры военного времени стали массами производиться всевозможные интеллигенты, штатские либералы (что потом сыграло скверную роль, потому что и крестьяне, и «зауряд-прапорщики» стали горючим материалом).

А впрочем, откуда было взять *других* офицеров? Окончательно сгнившее к тому времени дворянство российское надеть погоны не стремилось. Вот еще несколько сухих цифр: во Владимирском юнкерском училище из 314 юнкеров – только 25 дворянских детей. К началу первой мировой из 48 000 офицеров и генералов дворяне составляли только 51 % – при том, что всего в стране тогда насчитывалось примерно 250 000 дворян призывного возраста, годных для службы... Да и среди тех, кто погоны все же надел, немалый процент составляли *иностранцы* – прибалтийские немцы, кавказцы, среднеазиаты вроде Хана Нахичеванского, калмыки, бурятские *казачьи* офицеры, да и евреи, кстати, тоже. Великороссы, увы, пример являют печальный.

Не хватало артиллерии – из-за упоминавшейся нами продажности иных великих князей, за хорошие взятки *привязавших* русскую артиллерию к французским заводам, хотя была возможность вооружить армию большим количеством гораздо лучших германских пушек. Не хватало снарядов – во многих мемуарах времен первой мировой описывается этот тоскливый ужас, когда «тевтон» засыпает наши позиции ливнем снарядов, выкашивая роты и батальоны, а у нас – пара снарядов на орудие...

Не хватало пулеметов – потому что русский военный теоретик генерал Драгомиров был их категорическим противником, считая, что подобное транжирство патронов ни к чему, героический русский солдатик с ружьем времен русско-турецкой войны всех супостатов и так одолеет прикладом и штыком-молотом. А у немцев к тому времени в войска стали поступать *автоматы*.

У наших, правда, тоже появились к 1916 г. автоматы Федорова – но их не на фронт посылали в первую очередь, а вооружали ими воинские части, охранявшие императорскую фамилию. Точно так же обстояло дело и с действительно отличными, передовыми для своего времени зенитными орудиями. Новейшие установки – 76-мм пушки Лендера и 40-мм автоматические орудия Виккерса – не на фронте стреляли по многочисленным самолетам противника, а были сосредоточены исключительно вокруг Царского Села, куда ни вражеский аэроплан, ни дирижабль просто физически не могли долететь... Кстати, и линкоры-дредноуты типа «Севастополь», не сделавшие за всю войну ни одного боевого выхода в Балтийское море, такое впечатление, предназначались опять-таки исключительно для защиты августейшего семейства.

Надо сказать, что российский флот в первую мировую показал себя далеко не лучшим образом. Балтийский был заперт немцами в одноименном море. Что же касается Черноморского, то это вообще позорище. Всю первую мировую в Черном море нагло и безнаказанно *болтались* два немецких крейсера, «Гебен» и «Бреслау» – только два! И многочисленный Черноморский флот под командованием Колчака так и просидел на своих базах, ни разу

не предприняв мало-мальски серьезной попытки прижать своими немаленькими силами нахальных тевтонов. Пенители морей, б..! Быдло...

Не хватало самых обычных винтовок – и их скупали по всему свету, вплоть до Мексики и Японии, самые разные образцы, каждый со *своими* патронами, не подходившими к другим... Было даже предложение, ввиду нехватки винтовок... вооружить солдат «топорами на длинных древках». Русским солдатам предстояло идти в атаку со средневековыми алебардами – в то время как в прочих европейских армиях массово появились не только легкие и удобные ручные пулеметы и автоматы, но и боевые самолеты всех видов, танки, броневики, рации, экскаваторы для рытья окопов, тракторы – а немцы даже совершили нападение на английский порт Ньюпорт с помощью радиоуправляемых (!) катеров, начиненных взрывчаткой и направлявшихся на цель радистом с самолета...

Русская армия *швырялась* в сражения совершенно неподготовленной – союзники, то и дело терпевшие поражения, панически просили помочь, и полк за полком ложился костями, спасая «братьев по оружию». Во Францию был отправлен многочисленный русский экспедиционный корпус, потому что французы уже не способны были толком защищаться на своей родной земле. Корпус этот, в котором, кстати, воевал будущий сталинский маршал Родион Малиновский, хлебнул лиха сполна – в семнадцатом, когда при известии о русской революции солдаты отказывались воевать, французы их расстреливали из пушек и пулеметов, перевезли русских в Африку, где держали на положении каторжных, жертвы неисчислимы...

Когда после первых успехов грянуло всеобщее отступление пятнадцатого года, военный министр генерал Поливанов на прямые вопросы, что же он теперь намерен делать, отвечал (его подлинные слова!): «Уповаю на пространства непроходимые, на грязь непролазную и на милость угодника Николая Мирликийского, покровителя Святой Руси». Однако грязь случалась далеко не всегда, и супостат пер вперед – генерал Корнилов, например, самым бездарным образом сдал немцам Ригу. И ничего – не застрелился, с красным бантом шлялся во времена Февраля...

Генерал Рузский признавался членам кабинета министров: «Современные требования военной техники для нас непосильны. Во всяком случае, за немцами нам не угнаться». Подобных отзывов тьма, на всех уровнях...

И советские историки, и вполне антисоветские элементы до сих пор полощут имя «изменника и предателя» генерала Ренненкампа, якобы главного виновника сокрушительного поражения армии генерала Самсонова в Мазурских болотах. Главный упор делается, само собой, на немецкую фамилию. Однако Деникин отчего-то рисует совершенно иную картину событий, безоговорочно реабилитирующую Реннекампа, к которому он относится с большим уважением, и возлагает вину на самого Самсонова, допустившего ряд серьезнейших промахов. Кстати, в одном из крупных поражений русских войск в Карпатах был прямо повинен генерал Брусилов, но впоследствии, уже служа у красных, печатно сваливал все на генерала Корнилова – и кто взялся бы его в РСФСР опровергать в двадцатые годы?!

Приятно читать, что в 1916 г. и положение на фронтах наладилось, и стало больше поступать в войска пушек, снарядов, другой военной техники. В подтверждение цитируется и Черчилль, и Деникин.

Все так. Однако при этом упускают из виду одну простую вещь: готовность к продолжению военных действий вовсе не означает автоматически, что в государстве все благополучно, что оно здорово. Третий рейх в свое время захватил чуть ли не всю Европу – однако рискнет ли кто-нибудь утверждать, что это было благополучное и здоровое государство?!

Кроме фронта, война сильна еще и тылом, в первую очередь, тылом. А что в тылу?

В тылу – безудержная спекуляция, взлетевшая до немыслимых высот. Составляются умопомрачительные состояния на военных поставках, шампанское и лучшие коньяки текут

реками, ювелир Фаберже простодушно хвастает, что никогда еще у него не было столько солидных клиентов, как во время войны...

«Патриотично настроенные» частные промышленники моментально взвинтили цены на военную продукцию. На казенном заводе, например, шрапнельный заряд стоил 15 руб., а частный заводчик требовал за него 35... Ведавший снабжением начальник Главного артиллерийского управления генерал Маниковский прижал было вымогателей, но тут его вызвал царь...

Сохранилась точная запись беседы.

«Николай II: На вас жалуются, что вы стесняете самостоятельность общества при снабжении армии.

Маниковский: Ваше Величество, они и без того наживаются на поставке на 300 %, а бывали случаи, что получали даже более 1000 % барыша.

Николай II: Ну и пусть наживают, лишь бы не воровали.

Маниковский: Ваше Величество, но это хуже воровства, это открытый грабеж.

Николай II: Все-таки не нужно раздражать общественное мнение».

Ну, и как прикажете называть этого козла в короне?! И не пошел впоследствии генерал Маниковский к белым, а служил в Красной Армии...

Нет смысла приводить длинные таблицы фантастического роста прибылей частных заводчиков, работавших на войну, – достаточно констатировать, что он был именно фантастическим. А в солдатских шинелях к тому времени уже шагало 15 миллионов (!) крестьян – и в руках у них были винтовочки, а из дома шли письма, что жрать нечего и бабы на себе пашут...

Как частенько случается, стали искать «внутреннего врага», на которого можно было бы свалить вину. Обвинили в шпионаже евреев – поголовно, и стали их выселять из прифронтовой полосы. Выселили. Легче от этого не стало. Взялись за людей с немецкими фамилиями – с тем же результатом.

Великий князь Николай Николаевич и крупный политик (он же небедный заводчик) Гучков, один из лидеров Думы, устроили грязную интригу с разоблачением «шпионов», от которых, дескать, и все неудачи. Получилась пахнущая кровью комедия...

Из германского плена *приперся* некий поручик Колаковский, пришел в контрразведку и стал рассказывать удивительные вещи: якобы его завербовала немецкая разведка и с ходу поручила массу заданий – взрывать мосты, убивать великих князей, вообще вывести Россию из войны. А вдобавок ему сообщили, что у означенной разведки уже есть в России ценнейший агент, полковник Мясоедов, близкий к военному министру Сухомлинову человек, так что, если поручик с ним встретится, могут на пару шпионить...

Это был дичайший бред, в который не поверит ни один человек, более-менее знакомый с принципами работы секретных служб – особенно германской разведки, отнюдь не глупой и не слабой. Для аналогии: представим, что году в сорок четвертом «смершевцы» вербанули на скорую руку немецкого фельдфебеля и отправили его за линию фронта посчитать танки дивизии «Викинг». А заодно лягнули:

– Да, будешь в Берлине, зайди к штандартенфюреру Штирлицу. Никакой он не Штирлиц, а наш человек, полковник Исаев, если что, вы там с ним вместе за Борманом последите...

Брехня, конечно. Мясоедов был далеко не ангелом и, служа до войны на границе, разными махинациями денег накопил изрядно, на войне помародерствовал всласть – но к шпионажу в пользу Германии, как установлено историками, никакого отношения не имел. И все равно его повесили после пародии на суд, а Сухомлинова *замели*, обвиняя в шпионаже публично. Англичане едва не рехнулись, смотрели и головами крутили:

– Рашен, ну вы и смелые люди, если во время войны открыто такую катавасию с военным министром устраиваете!

Сухомлинов, кстати, тоже шпионом не был – хотя странные личности возле него и крутились... С ним просто-напросто сводили старые счеты Гучков и генерал Поливанов, искавшие, к тому же, хоть какие-то оправдания военным поражениям. Они и при Временном правительстве засадили в тюрьму освобожденного было старикана, приговорили к бессрочной каторге. Сухомлинова, вот смех, освободили по амнистии большевики, отнюдь не склонные миловать «царских сатрапов». Просто дело было настолько дутое, что даже большевики рукой махнули...

«Дело Сухомлинова» опять-таки не прибавило спокойствия в стране. А меж тем армия откровенно разлагалась...

Дезертирство началось повальное. Уже потом, в 1920 г., когда по причине войны с Польшей начнется повальная мобилизация, из темных уголков во множестве будут извлекать дезертиров, дернувших с фронта году этак в пятнадцатом и пересидевших за печкой все бурные события вроде революции и гражданской...

В 1915 г. в Москве раненные из лазарета буянили толпами – так, что даже городских убивали. В 1916 г. под Ригой подняли ротного на штыки – без всякой большевистской агитации. Повсюду свистели розги: еще в пятнадцатом солдат начали пороть за малейший проступок и даже для... поднятия боевого духа! Чем думали, уже решительно непонятно.

Секретные доклады департамента полиции и охранного отделения молчат о какой бы то ни было «революционной агитации» и «происках большевиков», равно как ни словечком не упоминают о пресловутом «германском золоте». Формулировки другие: о «наблюдаемом повсеместно и во всех слоях населения как бы утомлении войной и жажде скорейшего мира, безразлично, на каких бы условиях таковой ни был заключен».

Вот тут и кроется причина: страна *устала* от войны, которой, к тому же, откровенно не понимала. Болтовня о проливах и русском флаге над Стамбулом до большинства людей как-то не доходила и нисколько не трогала. Не было *идеи*.

Небывалый подъем и энтузиазм во времена турецкой кампании объясняется просто: *тогда* идея была. Спасти православных болгарских братушек от турецкого супостата – надо признать, идея работающая, способная всерьез увлечь. Другое дело, что эти самые братушки, откровенно говоря, вовсе и не заслуживали пролитой русской крови – но это уже иная тема...

Ни в русско-японскую, ни в первую мировую подавляющее большинство россиян не ощущало эти войны *своими*. А поскольку человек так уж устроен, что категорически не согласен погибать за непонятные ему цели, низы воевать не хотели. А о верхах никто еще не выразился лучше Троцкого: «Все спешили хватать и жрать, в страхе, что благодатный дождь прекратится, и все с негодованием отвергали позорную идею преждевременного мира».

А меж тем в стране замаячил призрак голода – так что пришлось вводить *продразверстку*! Задолго до большевиков...

Все, решительно все пошло вразнос!

9. Корабль на рифы!

Разумеется, хватало мнений, сваливавших вину на сам народ, который, как водится, был неправильный, какой-то не такой. Митрополит Антоний говорил тогда, что русский народ «как бы обратился с ног до головы в гнойный труп. В верхних слоях его отступление от Бога, отпадение от церкви, восстание против богоучрежденной власти, крамола и убийства, подстрекательства к бунту, убийства сановников и других верных царских слуг. В среднем сословии, торговом и ремесленном – поклонение Золотому тельцу с забвением о

Боге, о правде, о чести, о милости. А о простом народе с сожалением должно сказать, что он спился и развратился».

Митрополиту вторит небезызвестный генерал Краснов, впоследствии немецкая «шестерка»: по его мнению, и 1917 г., и все, за ним последовавшее, – результат исключительно «потери Россией Бога».

Частишка правды во всем этом, конечно, есть – но только частичка. Отступление от Бога – конечно же, не главная причина, а третьестепенная. Хотя бы еще и потому, что сама церковь, увы, не смогла сыграть в двадцатом столетии, во времена страшного кризиса, ту роль направляющей духовной силы, которую успешно выполнила в семнадцатом столетии, во времена великой смуты... Далеко не все церковные иерархи были согласны с мнением митрополита Антония, кстати. Позже мы в этом убедимся...

Итак, все пошло вразнос. Предложения самые разнообразные, но идиотские наперечет. Петроградский градоначальник, князь Оболенский, пишет князю Трубецкому, что неплохо бы устроить хороший немецкий погромчик: «Относительно немцев меры нужны радикальные. Надо отнять всякое имущество – дома, имения, торговые предприятия и капиталы».

Чем это способно помочь выйти из кризиса, решительно непонятно. Но князь в своем мнении не одинок: вот пивовар, председатель правления и директор Сокольнического пивзавода в Москве письменно жалуется одесскому приятелю на засилье немцев в торговле, с которым пора что-нибудь сотворить. Пикантность в том, что фамилия пивовара – Рихтер, и адресат его – такой же обрусевший немец. А впрочем... Точно так же витийствует, требуя избавить Россию от инородцев, «Союз русского народа» – но заправляют в нем, помимо великоросса Дубровина, крещеные евреи Грингмут и Бутоми-Кацман, обрусевший француз Доррер, обрусевший немец Булацель, молдаванин Паволакий Крушеван. Компания – хоть в Рюриковичи записывай! Должно быть, дела на патриотическом фронте обстоят вовсе уж хреново, если в его ударной когорте великороссов по пальцам можно пересчитать...

Появляется фельетон известного государственного деятеля Маклакова, в котором он, не особенно и прибегая к эзопову языку, намекает, что у Николая пора отобрать «руль»...

А знаменитый авиатор капитан Костенко замышляет врезаться на своем аэроплане в царский автомобиль – задолго до Гастелло. Точно так же оставшаяся неизвестной поименно «группа офицеров» всерьез обсуждает, как бы половчее сбросить бомбы с самолета на Николая, когда он опять припрется на позиции...

Даже в Галиции, среди тамошних железнодорожных жандармов (!), образовалась группа недовольных, обсуждающая прямо на рабочем месте, что правительство никуда не годится, государь – тоже, и пора переходить «на сторону народа». А уж коли подобные настроения кружат среди специально отобранных надежнейших служак вроде жандармов – дальше ехать некуда, закрывайте лавочку и тушите свет...

О крахе монархии и необходимости скинуть царя не говорит уже только ленивый. Выходит примечательная открытка (конечно, напечатанная нелегально): в чистом поле стоит Николай и обеими руками держится, пардон, за фаллос. Подпись лаконичная: «Самодержец». И ведь правы, циники!

Одна только царица, псишка с дипломом доктора философии, еще *дуркует* как ни в чем не бывало. То всерьез интересуется, нельзя ли повесить Гучкова; то проклинает засевших в Думе «жидов», которые, ясен пень, все и портят-то; как уже говорилось, меняет военного министра на интенданта...

Ничего напоминающего вертикаль власти уже не существует. Во главе правительства, напоминаю, лежит маразматик князь Голицын, попершийся на эту должность «за приятными впечатлениями». В армии обсуждают, не пора ли послать пару надежных батальонов, перехватить Николашкин поезд, посадить самодержца к чертовой матери под замок, дать погремушку, чтоб игрался, а самим как-то выправлять положение, пока еще не поздно.

Спецслужбы пошли вразнос, как и все остальное! Начальник петроградского охранного отделения генерал Глобачев по уши увяз в интриге, касающейся сепаратного мира с немцами. Генерал-майор Адабиш, контрразведчик Генштаба, по собственной инициативе тайком читает почту министра внутренних дел Протопопова, а добытый компромат тут же передает в Думу. Военная контрразведка что-то там крутит сама по себе, полностью игнорируя не только гражданскую администрацию, но и своих начальников из военного министерства. Точно так же себя ведут охранное отделение Москвы, начальники региональных управлений Корпуса жандармов, Корпуса пограничной стражи, Отдельного корпуса охраны железных дорог...

Бардак повсеместный! Мимоходом приканчивают Распутина, но от этого уже никакого толку. Заговоров против Николая столько, что за ними невозможно уследить, не говоря уж о том, чтобы перечислить. Придурок в короне еще катается в своем поезде и что-то талдычит с умным видом, но он уже не император, а одна видимость...

И наступает февраль семнадцатого!

Начинается все со стихийных выступлений солдат запасных полков, которым категорически не хочется на фронт, где стреляют – но это, конечно, *заговор*. Путч. Переворот. Четкий план, разработанный старательно и умно. Наиболее умные и деятельные люди в верхах пытаются остановить могучий стихийный взрыв снизу, которого уже недолго ждать.

Заговор, чего уж там. Масса свидетельств...

Императорский поезд задержан в Пскове. Продиктовано это якобы заботой о безопасности монарха, а на самом деле генералы и думские деятели откровенно берут Николашку под арест. Появляется генерал Рузский и начинает переговоры, которые сводятся к простому требованию: бери ручку, полудурок, и подписывай отречение, пока хуже не стало!

Командующие фронтами на вопрос о желательности отречения отвечают положительно: великий князь Николай Николаевич (Кавказский фронт), генерал Брусилов (Юго-Западный фронт), генерал Эверт (Западный фронт), генерал Сахаров (Румынский фронт), генерал Рузский (Северный фронт), адмирал Непенин (командующий Балтийским флотом). Адмирал Колчак, командующий Черноморским флотом, виляет, как проститутка: от посылки аналогичной телеграммы воздержался, но с мнением других «согласился безоговорочно», как и начальник штаба Ставки генерал Алексеев, один из *рулевых* заговора.

Как насмешливо писал потом Троцкий: «Генералы почтительно приставили семь револьверных дул к вискам обожаемого монарха». Все верно, вот только монарх давно уже не был не то что «обожаемым», но хотя бы уважаемым...

Потом приехали думцы, Гучков и монархист Шульгин, царь подписал отречение по всей форме – сначала в пользу сына (что противоречило тогдашним законам о престолонаследии), потом в пользу великого князя Михаила (что тем же законам опять-таки противоречило). Михаил, не будучи дураком, прекрасно понимал, что ничего хорошего из этого не получится, и тут же отказался от столь сомнительной чести.

И настала на Святой Руси демократическая республика...

У Людовика XVI, по крайней мере, нашлось несколько десятков преданных дворян, которые открыли ружейный огонь по рвавшимся во дворец Тюильри восставшим. У Николая и этого не было. Обожающий его Роберт Мэсси упоминает о некоем «преданном эскадроне кавалергардов», якобы двое суток скакавшем по снежному бездорожью из Новгорода на защиту царя и династии, но сие не подтверждается ни единым российским источником, а следовательно, не более чем красивая легенда в исконно голливудском стиле...

Все бросили царя, все оставили. Морис Палеолог, французский посол в России, писал: «Одним из самых характерных явлений революции, только что свергнувшей царизм, была абсолютная пустота, мгновенно образовавшаяся вокруг царя и царицы в опасности. При первом же натиске народного восстания все гвардейские полки, в том числе великолепные

лейб-казаки, изменили своей присяге верности. Ни один из великих князей тоже не поднялся на защиту священных особ царя и царицы, один из них не дождался даже отречения императора, чтобы предоставить свое войско в распоряжение инсurreкционного правительства».

Умеют французы плести словеса... На самом деле все обстояло чуточку иначе, чем описывал дипломат с громкой фамилией: не было никакого такого «особого натиска» народного восстания, да и само восстание заключалось исключительно в беспорядках, охвативших один-единственный город, пусть и столицу – Петербург. Даже в тех непростых условиях командующие фронтами при желании несомненно могли не особенно и большими силами блокировать бунтующую столицу и быстро усмирить ее, как это случилось с Парижем в 1871 г. Но они-то как раз и воспользовались этим бунтом, чтобы окончательно отделаться от императора.

И разговоры об «измене присяге» – сплошная чушь. Отрекшись от престола, Николай тем самым снял присягу со всех, кто ее приносил. По юридическим меркам империи, теперь все эти миллионы людей были совершенно свободны от каких бы то ни было присяг и, не глядя в глаза закона изменниками, могли делать что угодно – к большевикам уходить, к белым, провозглашать Тульскую республику, а себя – ее президентом...

Ну, а поскольку природа не терпит пустоты, то ее очень быстро заполнил, пустоту эту, генерал Корнилов, явившийся с воинской командой арестовывать царицу. Вот именно, Корнилов. А вы на кого подумали? На питерского большевика из «старой партийной гвардии»? На местечкового еврея с масонским знаком в кармане? На красного комиссара?

Зря. Никого из вышеперечисленных и близко не стояло – а красных комиссаров вдобавок еще и на свете не существовало. Ленин в Швейцарии был совершенно ошарашен известиями о февральских событиях (сам признавался, что ничего подобного и не чаял увидеть при своей жизни), немногочисленные большевики сидели по тюрьмам да по каторгам, питерские рабочие точили детальки, а евреи занимались своими делами, отнюдь не масонскими. Генерал Корнилов царицу арестовывал без всякого к тому принуждения – по воле души...

Уже в наше время историк Большаков, монархист по убеждениям, предпринял тщательнейшие разыскания в архивах, ища тех, кто остался верен императору после его отречения. Среди многомиллионной армии он нашел *четыре* человек: командир 3-го кавалерийского корпуса на Румынском фронте граф Келлер, «один капитан», «один подпоручик», «один фельдфебель». Да еще выпорхнула неизвестно кем написанная листовка с призывом не признавать отречение царя, потому что оно «подложное». И это все!

Все обрушилось настолько буднично и спокойно, что профессор Сироткин даже выдвигает версию, что отречение Николая было им задумано еще в январе 1917 г., после совета с женой, – и он собирался уехать в Англию, куда уже начал переправлять сокровища. Потом его обманул Керенский и не выпустил...

Трудно сказать, сколько здесь правды. Во всяком случае, на Николая это чрезвычайно похоже, очень уж мелконькая и подленькая была личность, если только слово «личность», здесь уместно. Известно, во всяком случае, что он высказывал желание выехать за границу и выжидать там, пока не наступит мир, а потом рассчитывал вернуться «для постоянного проживания в крымской Ливадии». И это на Николая похоже – судьба страны его совершенно не волновала, а в Ливадии тепло и уютно...

Что еще? Да разве что стоит упомянуть о том, как повело себя «правительство России» во главе со старым маразматиком Голицыным. Когда по Петербургу пошли толпы народа, правительство, заседавшее в Мариинском дворце, распорядилось срочно потушить там электричество – а то еще заглянет кто-нибудь на огонек и морду набьет. Когда свет опять зажгли, некоторая часть правительства, кряхтя и смущенно переглядываясь, выбралась из-под стола. И тут же полным составом подали в отставку – стра-ашно!

Да, кстати, Петроградский комитет большевиков тогда, по сути, состоял всего из трех человек – Шляпникова, Залуцкого и Молотова. Впоследствии, после Октября, Шляпников рисовал в своих мемуарах красивую картину: как они с первого часа метались по городу, агитируя, воодушевляя и организовывая, – но Троцкий проговорился, что эта тройка просто душно полагала события не более чем очередной манифестацией кучки солдат и никаких осмысленных действий не предпринимала. Да и Молотов на склоне лет это, в общем, признавал...

И поплелось последнее императорское правительство в полном составе в Думу, просить, чтобы их арестовали, – исторический факт. И поехал генерал Корнилов, оправляя на груди красный бант, арестовывать царицу. И начали великие князья наперегонки присягать новой власти, а кое-кто из них и глотку на митингах драл, славя революцию (тот же Николай Николаевич).

Читая воспоминания о тех днях, всерьез удивляешься всеобщему ликованию. Ну хоть бы один кто-то застрелился, не в силах перенести крушение монархии! Ну хоть бы один полковник попробовал удержать солдат в строю, когда они собрались на митинг! Ну хоть бы кто-то публично осудил события!

Один, впрочем, нашелся – Владимир Жаботинский, еврей, лидер сионистов. В июле 1917-го, выступая в Таврическом дворце перед полупьяной революционной толпой, он сказал во всеуслышание, что считает свержение монархии большим несчастьем для России, – за что его и десятки лет спустя поливали советские идеологи. Великороссы в таких поступках не замечены...

Глава вторая Семнадцатый год

1. Все благополучно рухнуло...

Это потом уже, когда за Февралем случится Октябрь и события повернут совсем не в том направлении, на какое рассчитывала «чистая публика», сбрасывая своего незадачливого самодержца, многие наперебой начнут причитать, что они-де с самого начала осуждали Февраль...

Брешут, стервецы!

Вот Корнилов, уже после того как заарестовал царицу: «Нам нужно довести страну до Учредительного Собрания, а там пусть делают, что хотят, я устраниюсь...» (Между прочим, хорошо его знавшие генералы отзывались о нем: «Сердце львиное, а голова – баранья»...)

«Революцию приемлю всецело и безоговорочно», – говорил тогда же Деникин, и вряд ли с дулом у виска.

Остальные были не лучше. Только Дроздовский, впоследствии один из самых энергичных вождей белого движения, писал в дневнике: «С души воротит, читая газеты и наблюдая, как вчера подававшие верноподданнические адреса сегодня пресмыкаются перед чернью». Но он – не генерал, а подполковник, совсем молодой, тридцати еще нет...

А вот что думали тогда генералы. В частности, П. Н. Краснов: «Мы верили, что великая бескровная революция прошла, что Временное Правительство идет быстрыми шагами к Учредительному Собранию, а Учредительное Собрание к конституционной монархии с великим князем Михаилом Александровичем во главе. На Совет солдатских и рабочих депутатов смотрели как на что-то вроде нижней палаты будущего парламента...».

Пожалуй, генерал совершенно искренен. Вот ради *этого* они своего бездарного царя и сбрасывали – искренне полагая, что многомиллионные народные массы будут и дальше оставаться молчаливыми и покладистыми статистами, покорно вззирающими, как резвятся с новой игрушкой *баре*. Что «элита» быстренько введет парламент на английский манер, где и будет витийствовать вволю, не решив никаких проблем и не улучшив положения миллионов, а народ будет исправно работать на своих земельных клочках и вытягиваться в струнку перед генералами, каким-то чудом мгновенно позабыв, что еще недавно требовал земли и воли...

Ну, придурки! Не лучше французских во времена Людовика XVI.

Что началось в России после отречения царя? Да просто-напросто образовался вакуум – но не та пустота вокруг императора, о которой писал Палеолог, а нечто более серьезное: отсутствие крепкой, надежной власти. Временное правительство под предводительством болтуна Керенского для начала разломало все, что можно, раскрошило в щепки абсолютно всю систему гражданской администрации, отменило полицию, а вот сделать что-либо на смену разломанному оказалось решительно неспособно. Старый порядок сломали, а нового устроить были не в состоянии.

И, как это бывает во времена любого безвластия, население – и особенно то, что носило шинели, – почувствовав слабинку, пустилось во все тяжкие...

Тот же Краснов подробно описывает, как уже в апреле его казачья дивизия начала *дурить*. На митингах выдвигались самые дурацкие резолюции: например, поделить поровну между всеми полковую казну (свобода ведь, значит, и деньги общие!).

Или требовали, чтобы офицеры, приходя на учения, непременно здоровались с каждым казаком за руку. Казачки, недолго думая, самочинно захватили склады с обмундированием и

переоделись в новую форму, предназначенную к выдаче только на будущий год. А вдобавок (свобода!) перестали чистить и регулярно кормить лошадей, отчего те помирали десятками.

«Масса в четыре с лишним тысячи людей, большинство в возрасте от 21 до 30 лет... болтались целыми днями без всякого дела, начинали пьянствовать и безобразничать. Казаки украсились алыми бантами, вырядились в красные ленты и ни о каком уважении к офицерам не могли и слышать.

– Мы сами такие же, как офицеры, – говорили они, – не хуже их».

Пришедшая им на смену пехота оказалась еще чище. Патроны из подсумков расстреляли в воздух, ящики с патронами выкинули в реку и заявили, что воевать не намерены. На Пасху потребовали куличей. Полковник не нашел в разоренном войной Полесье ни муки, ни яиц. Тогда его «за недостаточную заботливость» решили расстрелять.

«Он стоял на коленях перед солдатами, клялся и божился, что он употребил все усилия, чтобы достать разговенье, и ценою страшного унижения и жестоких оскорблений выторговал себе жизнь».

Дело тут отнюдь не в одной только «усталости от войны», которая и в самом деле достигла крайних пределов. Дело в том, что власть *выпустила поводья*. Во Франции примерно в то же время настроения были абсолютно схожими: та же нечеловеческая усталость от войны, те же митинги и бунты. Два полка даже снялись с позиций и пошли на Париж чего-нибудь там такое устроить по примеру прошлых заварушек.

Премьер Клемансо (штатский человек, но не интеллигент) отреагировал мгновенно: выставил сенегальцев с пулеметами, и они с большим воодушевлением резанули очередями по «белым сахибам». Мятежные полки остановили и, не церемонясь, расстреляли каждого десятого. После чего во французской армии все стало тихо и спокойно. Там поняли: власть шутить не будет.

Троцкий в свое время подметил точно: «Армия вообще представляет собою осколок общества, которому служит, с тем отличием, что она придает социальным отношениям концентрированный характер, доводя их положительные и отрицательные черты до предельного выражения».

Вот именно, в точку. Между прочим, в армии еще и гораздо *проще* бунтовать, чем на «гражданке». На штатском человеке висят заботы о доме, семье, а солдат – птица вольная, хватить винтарь – и попер из казармы...

Дело в том, что к тому времени был уже издан и повсеместно поступил в войска так называемый «Приказ № 1» Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Постановили: создать во всех воинских частях выборные комитеты; выбрать солдатских представителей в Совет; во всех политических выступлениях подчиняться Совету и своим комитетам; оружие держать под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдавать офицерам; в строю – строжайшая воинская дисциплина, вне строя – полнота гражданских прав: отдание чести вне службы и титулование офицеров «благородиями» отменяется, офицерам воспрещается обращаться к солдатам на «ты». И так далее, и тому подобное...

Как, по-вашему, способствует такой приказ поддержанию в строю даже не «строжайшей» дисциплины, а просто ее подобия?

Правильно, черта лысого!

Буквально через несколько дней Исполнительный комитет Петросовета попытался вторым приказом отменить первый, ограничив его действие Петроградским военным округом... Ага, держите карман шире! Поднялась такая буря оскорбленного в лучших чувствах революционного народа, что Исполком о «приказе № 2» больше не вспоминал, притворившись, что ничего не было...

«Приказ № 1» развалил армию начисто, превратив ее в неуправляемую толпу. Вот только он не имеет никакого отношения к большевикам...

Дело в терминах. Услышав словосочетание «Петроградский совет депутатов», многие по въевшейся за советские годы привычке искренне полагают, что он был «большевистским». Раз «совет», значит – «большевики».

Между тем это несколько не соответствует истине. В Петроградском совете большевики составляли *меньшинство*. А подавляющее большинство принадлежало депутатам от других революционных, социалистических партий: меньшевикам, эсерам простым и эсерам левым, анархистам и прочим! А к большевикам отношение было, как бы помягче выразиться...

«Ни один большевик не мог появиться в казармах, не рискуя быть арестованным, а то и битым. Солдаты-большевики и им сочувствующие в войсковых частях должны были скрывать – почти во всех казармах, – что они большевики или сочувствующие, иначе им не давали говорить, их избивали...»

Знаете, кто это вспоминает? Один из представителей большевистской «головки», один из первых руководителей Красной армии Н. И. Подвойский. Свидетель надежнейший...

Петроградский совет вовсе не был большевистским! В нем правили бал социалисты всех мастей. Председателем ЦИК Советов был *меньшевик* Чхеидзе.

А составлял «Приказ № 1» *эсер* Суханов. Вернее, эсером он был во времена первой русской революции, в девятьсот пятом, а впоследствии перешел к меньшевикам. Но все равно – никоим образом не большевик. Среди пяти или шести человек, помогавших ему составлять этот документ, большевик всего один, да и тот *мелкий*...

Так что за «Приказ № 1» следует благодарить матерным словом не большевиков, которые к его появлению совершенно непричастны, а социалистов всех мастей и расцветок... С большевиками ЦИК, точности ради, был на ножах. В июле семнадцатого дошло до открытого противостояния: ЦИК Советов, угрожая применением военной силы, потребовал от большевиков увести броневики от особняка Кшесинской, вывести матросов из Петропавловской крепости в Кронштадт, а там и вовсе в ультимативной форме предложил очистить дворец Кшесинской и убираться на все четыре стороны... Лишь благодаря огромным усилиям Сталина дело не дошло до боев меж социалистами разных фракций...

Именно Сталин – вот он и появился на страницах книги! – вел переговоры с руководителями ЦИК Советов и меньшевиками и добился сглаживания конфликта. И проявил себя умеренным политиком – его не тронули, когда начались аресты «радикалов» в руководстве военной организации большевиков.

Только к сентябрю семнадцатого большевики *протолкнули* к руководству Петросоветом Троцкого и начался стремительный процесс «большевизации» означенного Совета...

А Керенский, между прочим, вдогонку «Приказу № 1» выпустил «Декларацию прав солдата», будучи еще не главой правительства, а военным министром. Не вдаваясь подробно в содержание этого документа, стоит лишь указать, что он позволял беспрепятственно пропагандировать в армии любые политические взгляды – лишь бы они были левыми, социалистическими, революционными. И большевистские в том числе. Именно после этой «Декларации» большевики и получили, так сказать, юридическую опору для агитации в армии...

Второе эпохальное свершение Керенского на посту военного министра – награждение Георгиевским крестом унтер-офицера Кирпичникова. Этот фельдфебель 27 февраля, когда взбунтовались солдаты Волынского полка, выстрелом в спину убил пытавшегося их остановить офицера. За эти «заслуги перед революцией» Керенский ему и повесил боевую награду...

А вы говорите, большевики...

2. Пьяный корабль

Если вновь сравнить Россию с кораблем, то аналогии получатся еще более шизофреническими. На сей раз и команда, и пассажиры гуляют напропалую, взломав склады с офицерской провизией и винный погреб, под гармошку пляшут на палубе, баб приманивают прямо меж нечищенных пушек – а офицеры, искательно улыбаясь, жмутся в уголочке, потому что стоит им лишь заикнуться, что корабль все-таки в плавании, как они получают по шее, а то и улетают за борт. Парусами никто не управляет вообще, и корабль болтает, как щепку. На капитанском мостике маячит, правда, капитан по фамилии Керенский, но занят он лишь тем, что закатывает многочасовые речи, которых никто не слушает, да время от времени робко просит:

– Товарищи, но ведь и паруса не мешало бы поставить... И штурвальчик надо ж когда-нибудь повертеть...

Ему отвечают дружным ревом:

– Да пошел ты... главноуговаривающий!

И он идет. Сочинять очередные речи о том, что паруса надо ставить ради плавания в царство свободы и счастья, а штурвал все же следует вертеть.

Примерно так, без малейших натяжек, выглядел тогда корабль под названием «Россия». К этому нужно добавить, что часть его уже разломали, сколотили из него плиты с надписями «Украина», «Прибалтика», «Финляндия» – и либо спустили их на воду, либо только готовились отправиться в самостоятельное плавание (но всерьез готовились, без дураков!). А в отдалении, в тени грот-мачты, стояла трезвая, сосредоточенная кучка целеустремленных людей, сгрудившихся вокруг троих: один – лысый, при галстукке, второй – грузин с усами, третий – в пенсне, с острой бородкой, чем-то неуловимо похожий на юного Мефистофеля. Лысый кричал, что капитана пора выкинуть в воду на корм рыбам, тот, что в пенсне, провозглашал то же самое, только гораздо более цветисто, а грузин, в общем, был не против, но советовал не пороть горячку и быть осмотрительнее...

Все рассыпалось на глазах, и не было подобия порядка или тени власти. Сгоряча выпустили на свободу вместе с политическими и уголовных, и эти «жертвы царского режима», прозванные «птенцами Керенского», бодро принялись за старое – а полиции, напоминая, уже не было никакой, разве что на особенно оживленных перекрестках торчали в светлое время суток гимназистки с ржавыми винтовками, уверявшие прохожих, что они – народная милиция...

Что на самом деле представляла собой «крепость в вере» того самого народа-богоносца, о котором столько глупостей наплели интеллигенты, показывают цифры. Когда Временное правительство освободило солдат от обязательного исполнения религиозных обрядов, доля причащавшихся на Пасху православных моментально упала до десяти процентов...

Погоны, кстати, в армии начали снимать еще задолго до Октября – пока что во флоте. В мае семнадцатого Керенский особым распоряжением разрешил солдатам вне службы вообще ходить в штатском...

Резюмируя кратко, ситуация выглядела следующим образом: большевики творили, что хотели, а Керенский лишь страдальчески улыбался и разводил руками да время от времени грозил пальчиком шалунам после особенно буйных выходов.

Рассказывал Родзянко: когда в начале июля после неудачной попытки большевиков захватить власть в Петрограде, он приехал к тогдашнему премьеру «временных» князю Львову и, стуча кулаком по столу, требовал «доарестовать» их лидеров – Троцкий, Луначарский и Коллонтай уже сидели, а Ленин с Зиновьевым хоть и укрывались в знаменитом

шалаше в Разливе, но место их нахождения знали точно, – Львов ответил с улыбкой: «Как можно! Наша революция – самая великая бескровная...»

Ясно, чье это было мягкое, ненавязчивое влияние. Керенский действовал так, словно был тайным членом большевистского ЦК. В сентябре он выпустил из тюрем всех большевистских лидеров, остановил знаменитое «дело о германских деньгах для большевиков», а потом... официально разрешил большевикам создавать и вооружать Красную гвардию, запрещенную было в июле после попытки большевистского переворота... Интересные воспоминания оставил видный кадет В. Набоков, отец знаменитого писателя: в мае семнадцатого Керенский стремился к личной встрече с Лениным, чтобы снять недоразумения и уговорить Ильича войти в «отряд революционной демократии...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.